

Р. о. м. 87 в (1.2)

СЕМЕЙСТВО

ХОЛМСКИХЪ.

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ
ПРАВОВЪ И ОБРАЗА ЖИЗНИ,
СЕМЕЙНОЙ И ОДИНОКОЙ, РУССКИХЪ ДВОРЯНЪ.

Une morale nue apporte de l'ennui,
Le conte fait passer le précepte avec lui.

ЛАФОНТАЙНЪ.

Скучно сухое нравоученіе; но въ сказкѣ
охотно его выслушають.

ЛАФОНТЕНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ Императорской Медико-Хирургич. Академіи.

1832.

87 88

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по оппечашаніи представ-
лены были въ Цензурный Комитетъ при
экземпляра. Москва, Февраля 12 дня, 1832 года.

Цензоръ Л. Цвѣтаевъ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

FgT/80/6371

* * * *

усерднѣйше посвящаетъ

Созинитель.

Понегеніе благонамѣреннаго Правитель-
ства о распространеніи просвѣщенія, съ
коимъ вмѣстѣ соединено и улучшеніе обще-
ственной нравственности, есть самое благо-
надежное и ближайшее средство къ искоре-
ненію злоупотребленій власти, жестоко-
сердія, лихоимства, и прочихъ пороковъ,
проистекающихъ отъ невѣжества и зло-
правія.

Всѣ самые лучшіе законы не принесутъ
никакой пользы безъ хорошей общественной
нравственности. Сія непреложная истина
доказана опытами вѣковъ.

Каждый благомыслящій человекъ, пове-
деніемъ, и исполненіемъ обязанностей своихъ

въ томъ состояніи , въ которомъ онъ , по волю Провидѣнія , поставлень , однимъ примѣромъ много уже содѣйствуетъ къ общему благу ; но сверхъ того , всякій долженъ стремиться , по мѣрѣ способовъ своихъ и возможности , къ одной цѣли : быть полезнымъ обществу .

Представленіе современникамъ картины образа ихъ жизни , изображеніе нравовъ , пороковъ , заблужденій , предразсудковъ , разврата , притѣсненія подвластныхъ , ябедничества , несправедливости судей , и прочихъ злоупотребленій — все сіе , какъ мнѣ казалось , можетъ , хотя нѣкоторымъ образомъ , споспѣшествовать благотворнымъ ви-

дамъ Правительства: то есть, способствовать къ улучшенію общей нравственности, и тѣмъ болѣе, если, вмѣстѣ съ изоближеніемъ и преслѣдованіемъ пороковъ, поставлена въ противоположность добродѣтель, и открыты средства къ достиженію возможнаго счастія и спокойствія въ здѣшней жизни. Вотъ основная мысль, подвигнувшая меня къ изданію въ свѣтъ опыта наблюденій надъ современными нравами того сословія, къ которому я самъ принадлежу.

Кому приличнѣе можетъ быть посвящена книга, издаваемая съ сею цѣлію, если не такому человеку, благонамѣренность коего

известна Автору ея по собственному его опыту?

Вы приобрѣли все право на вѣгную признательность мою и семейства моего. Вы... Удерживаю порывы и голосъ сердца; не стану распространяться въ похвалахъ моихъ. Похвала современника можетъ показаться лестью; вы ее не любите, и я къ ней не способенъ, а въ доказательство — скрываю и ваше и мое имя.

Имѣю честь быть...

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ,

РАЗГОВОРЪ АВТОРА СЪ СВОИМЪ ПРІЯТЕЛЕМЪ.

Пріятель. Я долженъ опкровенно сказать тебѣ : многое въ швоей книгѣ мнѣ не нравится !

Авторъ. Напримѣръ, что именно ?

Пріят. Первое : ты представилъ и описалъ болѣе двадцати различнаго свойства супружествъ , и въ числѣ ихъ поставилъ въ виду одну только счастливую чешу. Какая-же цѣль швоя ? Спара шшука , мой любезный !

Часть I.

Много и прежде тебя писали о томъ - же, разсыпая по пустому остроуміе и насмѣшки надъ супружескимъ состояніемъ. Одинъ, не помню какой-то Авторъ, вздумалъ было даже увѣрять, что того, кто женился, можно сравнить съ глупцемъ, который хочешь вынуть угря изъ мѣшка, гдѣ посажено сто змѣй и одинъ угорь. « Держу сто противъ одного, » говорилъ онъ, « что вѣрно попадешься ему змѣя ! » Ювеналь, Буало, и многіе другіе, напрасно истощали фдкія гиперболы свои противъ женщинъ. Къ счастью, всѣ усилія отклонить людей отъ супружества — остались безуспѣшны.

Авт. Я буду очень сожалѣть, если въ книгѣ моей найдушь совершенно противное тому, что я имѣлъ въ виду. Мнѣ хотѣлось объяснить, что супружеское состояніе есть одно въ мірѣ, въ которомъ заключена возможность достигнуть счастья — истиннаго предназначенія человека въ здѣшней жизни. А отъ чего мало благополучныхъ браковъ, предложены мною доказательства, и разные примѣры. Я старался обнаружить, по какимъ именно причинамъ многіе, счастливые и влюбленные другъ въ

друга супруги, постепенно охлаждающа, и потомъ, далѣе и далѣе, чувствующъ, не только равнодушіе, но и взаимное отвращеніе. Словомъ: мое намѣреніе было представить, не *идеальное*, а *существенное*, т. е. что мы видимъ безпрестанно, что у насъ передъ глазами. Но, вмѣстѣ съ описаніемъ разнообразныхъ причинъ несчастливыхъ браковъ, желалъ я также объяснить, какія средства должны быть приняты къ достиженію возможнаго благополучія въ супружескомъ состояніи.

Пріят. Ты описалъ множество характеровъ, и вывелъ на сцену болѣе ста разныхъ лицъ; но въ числѣ ихъ представилъ порядочныхъ людей всего пять, или шесть особъ обоего пола.

Авт. Что-жъ дѣлать, ежели это правда? Мнѣ кажется, и *пять на сто* еще слишкомъ много! Кто отъ души хочешь другому добра, тотъ не станешь лгать, не будешь представлять чернаго бѣлымъ: такъ точно и Авторъ, движимый благонамѣренностію и желаніемъ общей пользы, долженъ прямо говорить всю правду. Мы слышимъ безпрестанныя жалобы на несчастіе. Мнѣ

хотѣлось разсмотрѣть : ошъ чего эшо происходитъ ? Не уже-ли эшо неизбежное условіе и принадлежность жизни человѣка ? Спрашиваю самъ себя : Къ чему человѣкъ предназначенъ — къ спрѣданіямъ, жалобамъ и горю, или, напрошивъ, предопредѣленіе его провесъ свой вѣкъ спокойно, мирно и, слѣдовашельно, счасшливо ? Вошъ чшо хотѣлъ я разрѣшить.

Пріят. То есшь, ты хочешъ утверждашь послѣднее ? Весьма, и весьма запруднишельную обязанность принимаешъ ты на себя ! Уже давно кто-шо насчиталъ болѣе десяти тысячъ разнообразныхъ сисшемъ о счасшіи. Намъ скучно слушать и чашать эшѣ сисшемы, и очень поняшно почему. Поштому, чшо хощашъ судишь о несбышочномъ, доказывать намъ вещь невозможную. Прошу, напримѣръ, увѣришь человѣка, страждущаго мучишельною болѣзнію, или сдѣлавшаго невозвращимую сердечную потерю, чшо онъ счасшливъ ! Повѣрь : ты, мой любезный, изволилъ хлопотать по пустому, писавши свою книгу.

Авт. Можешъ бышь. Но я имѣлъ доброе намѣреніе, и ежели успѣю хоща одному кому

нибудь бышь полезнымъ, то есть успѣю убѣ-
 дить хотя одного, что кромѣ нѣкоторыхъ
 непредвидѣнныхъ, физическихъ бѣдствій,
 которыя никакая человѣческая премудрость
 отвратить не можетъ, причиною большей
 части нашихъ несчастій мы сами, то бу-
 ду уже вознагражденъ за трудъ мой. Обра-
 тимся однакожъ къ нашему разговору.—Мы
 всѣ хотимъ бышь благополучны, и, напро-
 шивъ, всѣ мы несчастливы — рѣшительно
 всѣ, одинъ менѣе, другой болѣе — въ томъ
 вся разница. Но что-жъ намъ дѣлать, чтобы
 избѣгнуть непріятныхъ упрековъ случаю,
 судьбѣ, форшунѣ, и пр. и пр., то есть, жа-
 лобъ на все то, чему мы приписываемъ на-
 ши бѣдствія, происходящія большею частию
 отъ собственной нашей неосторожности,
 безразсудства, глупости и злости?

Пріят. Не спорю: невозможно опровер-
 гнуть, что причиною многихъ несчастій
 мы сами. Но также долженъ ты согласишь-
 ся, что есть нѣчто такое, *непостижимое*,
 называемое *судьбою*. Почему все въ мірѣ
такъ, а не *иначе*? Почему одинъ, напри-
 мѣръ, является въ здѣшній міръ просто *Ванькою*,
 а другой *Иваномъ*? Почему нѣкому сполно

только принявъ на себя трудъ родишься, какъ говоритъ Фигаро, чшобы провешъ всю жизнь въ изобиліи? Почему, какъ ушверждаешъ Фигаро, иному бѣдняку нужно болѣе усилій, ума и трудовъ, для того, чшобы прожитъ одинъ день, чѣмъ употреблено того, и другаго, и прешьяго для управленія всею Испаніею, въ теченіе, можешъ бытъ, цѣлаго столѣтія? Почему, когда играюшъ въ каршы, къ одному идушъ шузы, къ другому двойки? Почему иной родится красавцемъ, другой безобразнымъ? Почему Сидоръ 14-ши вершковъ ростомъ, строень, прекрасень собою, а Кузьма двухъ вершковъ, горбашъ и уродъ? Почему... Но эшимъ почему не будешъ конца! Загадка нравственнаго устройства міра никѣмъ и никогда не можешъ бытъ разрѣшена. Тщешны усилія понять, что свыше человѣческаго понятія. Разсужденія и пересуживанія о томъ, что значишъ эшо *нѣчто* непостижимое, походяшъ на предположенія ученыхъ людей: отъ чего магнитная стрѣлка обращается непременно къ Сѣверу, или ушверженія нѣкошорыхъ, будшо можно открышъ квадратуру круга и вѣчное дви-

женіе ! Надобно смиришься , познашь предѣлы нашего ума ; не то — мы зайдемъ съ вопросами своими — Богъ знаетъ , въ какой лабиринтъ !

Авт. Я не знаю , почему ты думаешь , будто можно зайти слишкомъ далеко. Признаюсь тебѣ , не постигаю и того , къ чему даже годятся предлагаемые тобою вопросы , о такой истинѣ , которая сама по себѣ весьма понятна ? Пускай Бомарше восклицаетъ устами Фигаро , что ему угодно. Разсудокъ и сердце наше говорятъ , что и бѣдняку *Ванькѣ* и богачу *Ивану* , и красавцу *Сидору* и уроду *Кузьмѣ* , рѣшительно всѣмъ , отъ Царя до паслуха , дано , по благости Провидѣнія , одинакое и равное право на счастье , въ нравственномъ отношеніи. Надобно только употреблять съ пользою открытыя намъ къ тому средства. Словомъ : должно *умѣть* быть счастливымъ.

Пріят. Понимаю твое намѣреніе. Но , любезный другъ , что новаго объявишь ты намъ ? Болѣе ничего сказать не лзя , какъ то , что всѣмъ извѣстно , и напечатано во всякой азбукѣ , на первой страницѣ : « Страхъ

Господень начало премудрости. Будь благочестивъ, ошороженъ, благоразуменъ, и проч. — Вотъ средства къ счастью; но это всѣ и безъ тебя знаюшъ.

Авт. Новаго! *Низто не ново подь луною;* но, мнѣ кажется, новая мысль не есть ша, кошорая кому нибудь первому пришла въ голову. Нѣтъ! она заключалась въ умѣ всѣхъ людей, и только въ первый разъ представлена и объяснена шѣмъ, кто ее сказалъ. Пришомъ-же, я и не принимаю на себя чести изобрѣшенія чего нибудь новаго. Повшоряю, что уже многіе говорили прежде меня, и повшоряю въ слѣдующемъ предположеніи: люди могушъ увѣришъся съ перваго раза въ однѣхъ только самыхъ простыхъ Математическихкихъ истинахъ какъ то: дважды два четыре, и пр. Но если что не очевидно, и чего они не могушъ понять и, шакъ сказашь, ошупать чувствами своими — осязаніемъ, зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ и вкусомъ, то много пошребно усилій, чшобы вразумишъ ихъ. Напримѣръ, скажи въ предосторожность кому нибудь: «Не подходите близко къ этой пропасти: вы можете поскользнуться и упасъ въ нее.» Не вдругъ

повѣришь себѣ потѣ, кому будешь ты говорить. Или *любопытство*, или *самонадѣянность*, что онъ умнѣе и осторожнѣе другихъ, и избѣгнетъ опасности, или важное слово: *авось*, повлекушь его прямо въ пропасть, и онъ, наравнѣ съ другими, погибнетъ. Мнѣ кажется, что нравственные истины должны быть, сколько можно чаще, повторяемы, для *предостереженія* людей. Честъ и слава тому, кто убѣдительно и привлекательно другияхъ оныя представляетъ!

Моя цѣль состояла именно въ томъ, чтобы нравственность, напечатанную, какъ ты сказалъ, въ каждой азбукѣ, на первой страницѣ: «Спрахъ Господень есть начало премудрости,» и пр., показашъ въ *дѣйствіи*. Я не хотѣлъ представить идеальныхъ героевъ романа, которые всѣмъ надоѣдаютъ своимъ совершенствомъ, потому, что такихъ людей нѣтъ въ мірѣ, а существуютъ они только въ воображеніи авторовъ. Мое намѣреніе было: изобразить людей въ настоящемъ видѣ, со всѣми ихъ пороками, недоспашками, заблужденіями, предразсудками, но также и съ свойствами, ведущими ихъ ко всему доброму, великому, прекрас-

ному. Просто : я хотѣлъ представить *смѣсь Бардуса съ Ньютономъ*. Далѣе , хотѣлъ я объяснить примѣрами, основанными на долговременныхъ наблюденіяхъ, какъ всякій человекъ близокъ къ паденію, и то, что совратившись одинъ разъ съ пути добродѣтели, быстро переходитъ онъ въ степени порока, и погибаетъ, увлекая за собою невинное семейство свое, судьба котораго неразрывно соединена съ нимъ. Въ противоположность сему, мнѣ желалось показать въ виду человека, съ душою благородною, возвышенною, съ правилами твердыми, шествующаго непоколебимо по избранному имъ пути, и прошивоборствующаго спрашамъ, соблазнамъ, всѣмъ различнымъ препятствіямъ, которыя встрѣчаетъ добродѣтельный на пути жизни. Наконецъ, хотѣлъ я, не одними нравоучительными сужденіями, но и примѣрами, взятыми изъ общественной жизни, доказать, что такой только человекъ умѣетъ жить съ людьми, и достигаетъ до назначенія своего, наслаждается возможнымъ счастьемъ и спокойствіемъ въ здѣшнемъ мірѣ. — Вотъ цѣль трудовъ моихъ ! — Успѣлъ-ли я удачно совершить свое

намѣреніе не знаю. А что выведено мною на сцену болѣе дурныхъ, нежели хорошихъ людей, въ этомъ не я виноватъ. Еще разъ повторяю: я желалъ представить не *идеально*, а *существенное*, изъясняя образъ мыслей моихъ о томъ, какъ, по моему мнѣнію, должно дѣйствовать, чтобы опровергнуть ошъ себя злобу, зависть, коварство, и прочія препоны, поспавляемые свѣтомъ на пути къ нашему благополучію.

Пріят. (улыбаясь) Любезнѣйшій мой! Читалъ я твою книгу, и выслушалъ все, что ты говорилъ. Но... извини меня, если утверждаю опять тоже: ты хлопоталъ по пустому. Прекратимъ разговоръ нашъ, точно такъ-же, какъ оканчивающія, большею частію, всѣ споры: никто другъ друга не увѣритъ, и каждый остается при своемъ мнѣніи. — Побесѣдуемъ о другомъ. — Предупреждаю тебя, что ты увидишь, какъ многіе найдутъ въ твоей книгѣ личности, и будутъ прямо называть, на кого ты именно мѣшилъ.

Авт. Противъ этого, я объявилъ, въ концѣ послѣдней части, что не стану оправдываться, и отсылаю всѣхъ къ эпиграфу

шома II-го, главы 8-й: » Un peintre veut personifier la laideur ; il en réunit tous les traits. Ce portrait peut ressembler à bien du monde ; mais personne n'a le droit d'en désigner l'original. Il en est de même d'un peintre des mœurs » (Живописецъ хочеть олицетворить безобразіе ; онъ собираетъ для того всякія черты. Изображеніе его можеть походить на многихъ ; но никто не имѣетъ права сказать, съ кого именно и что списано. Тоже самое должно относиться и къ живописцу нравовъ).

Пріят. Эпиграфъ твой ни кого не удовлетворишь, и не успокоишь раздраженнаго самолюбія тѣхъ, кто узнаетъ себя, въ списанныхъ тобою портретахъ. Впрочемъ, Богъ съ ними ! Пускай злые злятся, сколько имъ угодно. Ты исполнилъ долгъ свой, ежели успѣлъ сорвать личину, и представилъ порочныхъ людей и злодѣевъ въ настоящемъ, гнусномъ ихъ видѣ. Но вспомни, что мы живемъ въ эпоху какого-то *Журнальнаго, критическаго тревоженія*. Сколько издается у насъ Журналовъ ! И во всѣхъ посвящены особыя отдѣленія *Библіографіи* и *Критикъ*. Карамзинъ, аѣшь двадцать по-

му, сказала: «Кришика есть роскошь Литшпературы, а мы еще не Крезы.» Предполагать должно, что мы очень разбогатѣли въ продолженіе послѣдняго времени, или что Карамзинъ ошибся, и Кришика не есть-ли признакъ бѣдности Литшпературы? Какъ-бы то ни было, а ты, выступая на сцену, долженъ приготовиться къ жестокимъ рецензіямъ. Книгу твою станушь разбирать въ тончайшихъ подробностяхъ. Повѣрь: ничто не будетъ упущено изъ вида; на все, начинаемая съ названія, обращено будетъ строжайшее вниманіе.

Авт. Съ смиреніемъ и покорностію приму увѣщанія и уроки Гг. Журналистовъ нашихъ. Они съ опеческимъ вниманіемъ пекутся о нашемъ благѣ, и мы должны быть признашельны къ нимъ. Припомъ-же, правду надобно сказать, что придумать названіе книгѣ—совсѣмъ не шутка! По крайней мѣрѣ, я былъ въ большомъ затрудненіи. Наименовать мою книгу романомъ, я не дерзнулъ. Въ ней нѣтъ никакихъ необыкновенныхъ и чрезвычайныхъ происшествій. Мои герои, избранные, большею частію, изъ средняго состоянія Русскихъ дворянъ, дѣйствуютъ въ

тѣсномъ кругу своихъ семействъ. Никто изъ нихъ далѣе Москвы и Петербурга не былъ. Почти все происходитъ въ деревняхъ. Одного изъ моихъ дѣйствующихъ лицъ отправилъ я не надолго въ чужіе края; да что это за герой романа? Онъ влюбленъ, и влюбленъ страстно; но страсть его не есть быстрый порывъ чувства, ниспровергающій все на пути своемъ; онъ не приходитъ въ то неизъяснимое изступленіе ума, которое, какъ обыкновенно водится въ романахъ, увлекаетъ не только въ разнообразныя глупости, но и въ преступленія. Мой Г-нъ Пронскій не позволяетъ себѣ *позволительныхъ* и обыкновенныхъ въ романахъ средствъ: онъ не старается совратить — весьма не равнодушную къ нему — дѣвушку съ пути добродѣтели, не убѣждаетъ ее забыть всѣ приличія, оставивъ родительскій домъ, и бѣжать съ нимъ, куда нибудь, въ отдаленный край, и проч. Мой герой имѣетъ *слабость* повиноваться холоднымъ увѣщаніямъ старой женщины, отдалившись на нѣкоторое время, чтобы испытать себя: точно ли онъ такъ страстно влюбленъ? Героиня моя *такъ холодна, что*

ни на это не похоже. И она имѣетъ слабость повиноваться разсудку, Религіи, скрывая внутри себя чувство снраспной любви. Она не подвергнулась даже ни одной горячкѣ; горесъ и опчаяніе не снѣдали чувствительнаго ея сердца; она не исхудала, не пожелшѣла; никто не замѣчалъ никакой милой томности въ ея глазахъ; словомъ — ни какихъ необыкновенныхъ признаковъ снраспи въ ней не обнаруживалось. Она сохранила здоровье, свѣжесъ, хорошій цвѣшъ лица, продолжала исполнять обязанности, была почтительною дочерью, доброю родственицею. И чѣмъ-же все кончилось? Влюбленные мои, какъ мѣщане, согетались законнымъ бракомъ, и поселились жишъ въ деревнѣ! Вообще, всѣ похощенія, какъ ихъ, шакъ и другихъ дѣйствующихъ лицъ моихъ, не предсшавляютъ рѣшительно ничего романическаго. Иные соединяются брачными узами по разсгетамъ, другіе такъ, просто, безъ размышленія, за шѣмъ, что надобно жениться и выходить за-мужъ. Есть у меня одна чеша, снраспно влюбленная; но и сіи супруги не испытали никакихъ необыкновенныхъ бѣдспвій. Къ соединенію

ихъ не нужно было чрезвычайныхъ усилій, пошому, что не предстояло важныхъ препяшпвій. Они наслаждались не долго супружескимъ счаспїемъ. Все пошло своимъ порядкомъ. Мужъ началъ дѣлать разныя глупости, и кончилъ преступленіемъ; жена плакала, унывала, и горестъ разстроила совершенно ея здоровье: оба преждевременно кончили жизнь свою, оставивъ дѣшей въ нищестѣ. Но все это очень обыкновенно, и—рѣшишельно: я не имѣю ни какого права называть мою книгу романомъ. Вздумалось мнѣ прибавить къ данному мною наименованію: «или домашній бытъ Русскихъ дворянъ,» или «сцены семейной и одинокой жизни,» или — ты помнишь заглавіе — а я, признаюсь — боюсь, чтобы мнѣ не досталось отъ строгихъ командировъ нашихъ, Гг. Журналистовъ, за то, что пишуль слишкомъ длиненъ.

Пріят. Предвѣщаю, что тебя не оставяшь въ покоѣ даже и за то, что ты не объявляешь своего имени, или, по крайней мѣрѣ, по примѣру предшеспвенниковъ своихъ, не даешь себѣ прозванья, по имени какой нибудь своей деревни. Скажутъ, что эша мнимая скромность означаешь непозво-

лишнее самолюбие; выдумаютъ, можешь
быть, то, что тебѣ и въ голову не входило:
будно ты хочешь подвизаться далѣе на по-
прищѣ Лишперашуры, и намѣренъ, въ послѣд-
ствіи времени, когда приобрѣтешь извѣст-
ность, подобно другимъ авторамъ, торже-
ственно объявишь свое имя, и проч. и проч.

Авт. Пусть изволяшь забавляться на
мой счетъ, кому, сколько и какъ угодно.
Разумѣется, нашему не хитрому уму не
выдумать и въ вѣкъ, что люди умные и уче-
ные способны изобрѣсти въ одинъ мигъ.
Но, кажется, мнѣ опасаться много нѣчего.
Сочиненіе мое не обратитъ большаго вни-
манія, пошому, что, ежели я не успѣлъ при-
обрѣсти благосклонности, то также не
имѣлъ несчастія и навлечь гнѣва ни одного
изъ Гг. Журналистовъ, по самой простой
причинѣ: я ни съ однимъ изъ нихъ не зна-
комъ, и не принадлежу ни къ какому при-
ходу. Скажу тебѣ откровенно, что со-
всѣмъ не изъ мнимой скромности, а изъ
боязни и осторожности скрылъ я мое имя,
чтобы не огорчить и не возманишь про-
шивъ себя моихъ однофамильцевъ. Каково-бы
напримѣръ, было имъ читать въ кришикѣ

на мое сочиненіе : « Г-нъ въ » (имя мое было - бы все прописано, съ присоединеніемъ, какъ обыкновенно водилъ : *погтеннѣйшій*) « не только незнакомъ съ Логикою » (и не мѣшаешь побранишь автора, ежели ошкроешь такого рода прегрѣшеніе), » но » даже и въ Грамматику имѣешь весьма плохія познанія : онъ написалъ (говорю для примѣра) : *васъ* , когда надлежало *поспавишь* : *вами* , или : *голова* , когда слѣдовало : *головой* , » и проч. — « И послѣ сего, почтеннѣйшій Г-нъ въ предпринимаетъ издавать замѣчанія свои на нравы современниковъ, не зная первыхъ правилъ Русской Грамматики ! » Тутъ послѣдовало-бы нѣсколько восклицательныхъ знаковъ. Каково-же посрамленіе моимъ однофамильцамъ, что въ родѣ ихъ есть злодѣй, сдѣлавшій важное преступленіе противъ Грамматики ! Впрочемъ, можешь быть, не успѣлъ-бы я преодолевъ авторскаго самолюбія, и рѣшился открыть мое имя, ежели-бы Гг. Журналисты наши соблюдали, по крайней мѣрѣ, такую-же учтивость, какъ въ Англійскомъ Парламентѣ, гдѣ ораторъ, возражающій своему сопровитнику, съ вѣжливостію восклица-

ешъ : « Г. почтенный сочленъ (не называя по имени), говорившій прежде меня, сказалъ большую глупость. » У насъ въ Журналахъ прямо называютъ несчастныхъ авторовъ по именамъ , опчешвамъ , фамиліямъ , съ объявленіемъ даже — къ какому сословію принадлежишь , чѣмъ кто занимается , и какіе имѣешь чины и должности. Еще повторяю : я хотѣлъ опврашить посрамленіе моихъ однофамильцевъ , шѣмъ болѣе , что ко мнѣ можно придрахъся во многомъ. По примѣру нѣкоторыхъ — да , что грѣха таишь ? опкровенно можно сказахъ — всѣхъ соопечесивенниковъ моихъ , учили меня болѣе иноспраннымъ языкамъ , нежели Русскому , называли , когда я ошибался , и не такъ выговаривалъ по Французски , и весьма равнодушны были къ тому , правильно-ли изъясняюсь я на своемъ природномъ языкѣ ! Семнадцати лѣтъ окончилось мое воспитаніе ; я носилъ уже шпоры , саблю , и хлопошалъ о томъ , чтобы поскорѣе выросли у меня усы. Цвѣтущую молодость провелъ я въ походахъ , и на бивакахъ. Оставивъ службу , поздно уже было мнѣ , да припомъ и нѣкогда , занимахъся Русскимъ языкомъ : я читалъ

XXVIII

Французскіе романы, ѣздилъ съ собаками, или игралъ въ висшъ. Такимъ образомъ, если, можешь быть, и не хуже инаго *Рускаго* напишу я записку *по-Французски*, потому, что гувернёръ мой заставлялъ меня, для усовершенствованія въ языкѣ, стараться — даже и размышлять *по-Французски*, то весьма вѣроятно, что противъ правилъ Русской Грамматики могъ я сдѣлать въ книгѣ моей большія ошибки. Въ этомъ случаѣ — право, должно-бы имѣть нѣкоторое снисхожденіе къ нашему брашу, дворянину. Припомъ-же я бралъ повсюду, все, что мнѣ казалось приличнымъ моему предмету, руководствуясь извѣстнымъ правиломъ: *Je prends mon bien, où je le trouve.* (Беру свое добро тамъ, гдѣ нахожу его). Каково - же будетъ моимъ однофамильцамъ, ежели досужій Журналистъ, изошряя далѣе свое остроуміе на мой счетъ, можешь быть, прибавитъ: » почтеннѣйшій Г-нъ въ, назвавъ какого «нибудъ Allworthy Радушинымъ, Gutenberg »Пронскимъ, Mistress Charlston Свіяжскою, или » Mme Dufour Холмскою, и давъ имъ Русскія » имена, воображаетъ, что представилъ на- » шихъ дворянъ. » Что мнѣ дѣлать тогда?

Тщешно буду я возражать, что въ нрав-
сшвенныхъ отношеніяхъ, люди, въ странахъ
просвѣщенныхъ, имѣють одинакія свойства,
и показывають большое сходство между со-
бою, и что въ Россіи, Германіи, Франціи,
Англіи, и такъ далѣе, вездѣ, какъ гово-
ришь Буало, «человѣкъ, сей царь звѣрей,
«имѣетъ множество повелителей надъ со-
«бою. Честолюбіе, зависть, мщеніе, ску-
«пость, корыстолюбіе, лицемерство, эго-
«измъ, попеременно владѣють имъ.» А что
предсказываю я, какъ мнѣ кажется, нѣкто-
рыя ошличительныя свойства и черты *тог-*
но Русскихъ нравовъ, можетъ бытъ, этого
не захотятъ замѣтить. Не примушь также
въ мое оправданіе, что самъ Мольеръ не
только бралъ предметы, но безъ вся-
кихъ околичностей, выписывалъ изъ Те-
ренція и Плавша, которые, съ своей сто-
роны, много заимствовали у Аристофана.
Напрасно также буду я говорить, что Жуи
подражалъ Аддисону, а эшотъ бралъ изъ
другихъ авторовъ, и пр. Ничто, можетъ
бытъ, не будетъ принято въ уваженіе; я
останусь кругомъ виноватъ, и собственный
мой стыдъ разпространится на семейство

мое и на всѣхъ моихъ однофамильцевъ! Сверхъ того, почему я знаю, что я не разсержусь, не обижусь, не взбѣшусь, и — нарушивъ должное *гигиенитаніе* къ Гг. Журналистамъ, не осмѣлюсь написать *антикритики*, на кошорую возразашъ мнѣ *рекритикою*, а я, въ чаду оскорбленнаго авторскаго самолюбія (*craignez tout d'un auteur en courroux* — спрашисъ разгнѣваннаго Автора!) торжественно возвѣщу всѣмъ и каждому, что на это нѣтъ письменнаго отвѣта, точно такъ-же, какъ многіе раздраженные соповарищи мои печатали, что будушъ отвѣчать уже *не письменно*? Изъ чего хлопоташъ, подвергашъ себя непріятности, разстроишъ опъ досады свое здоровье и теряшъ напрасно время и чернилы? Теперь, напрошивъ, спрятавшись за кулисы, я стану равнодушно читать и слушать, какъ будушъ меня *отдѣлывать*, и письменно и словесно. Безъ малѣйшаго волненія буду я получаю Журналы; сердце мое не спанешъ сильно биться, при обысканіи въ нихъ спашей, гдѣ произносисъ судъ на счетъ собратій моихъ; кровь моя не испоршисъ, и я не пошеряю ни сна, ни аппетита, когда приго-

воръ безпристрастныхъ и нелицепріятныхъ
судей нашихъ будетъ для меня не слишкомъ
выгоденъ. Дѣльною и справедливою крити-
кою я воспользуюсь, а грубости могу пе-
ренести свободно, бывъ сокрытъ непрони-
цаемою завѣсою неизвѣстности. Сохраняя
такимъ образомъ мое *инкогнито*, спану
я прислушиваться, и внутренно смѣяться,
какъ будушь разсуждашь о моей книгѣ и
отгадывать имя сочинителя. Еще должно
упомянушь объ одномъ, весьма важномъ об-
стоятельствѣ: теперь могу я безъ опасе-
нія ѣздить по прежнему въ Московскій Ан-
глійскій Клубъ, о которомъ дерзнулъ ска-
зать нѣсколько словъ въ моей книгѣ. Изба-
ви Боже, ежели тамъ узнаюшь мое имя!!
Нѣкоторое почтенные сочлены мои будушь
смошрѣшь на меня, какъ на изверга, и послѣ
шого, можешъ бышь, я весь вѣкъ не соспа-
виль-бы уже себѣ въ Клубѣ паршій въ виспѣ.
А ты самъ знаешъ, что для нашего брата,
спешнаго дворянина, приѣзжающаго на зиму
въ Москву, эшо совсѣмъ не шутка! Куда
мнѣ дѣваться, и что мнѣ дѣлать безъ ви-
ста? — Вошь сколько выгодъ приобретаю
я, не объявляя имени моего! Конечно, весь-

ма-бы пріятно было, для самолюбія моего, слышашь себѣ похвалы, пошому, что—благодаря просвѣщенію—теперь въ глаза рѣдко кого браняшъ. Да и въ кругу деревенскихъ моихъ сосѣдей, *гласность* дала-бы мнѣ нѣкоторый вѣсъ. «Помилуй, папинька! да онъ человекъ *ученый!*» — воскликнули-бы нѣкоторыя добрыя мои сосѣдки, говоря мужьямъ своимъ—«есть печатныя его сочиненія. Ты напрасно говоришь, что онъ очень простъ.»—И мужъ, узнавъ ошъ супруги своей, что я *изъ ученыхъ*, можешъ бышъ, ешалъ-бы сморѣшъ на меня другими глазами, не велѣлъ-бы гоняшъ спада своего по моимъ лугамъ, и запрешилъ кресстьянамъ воровашъ у меня лѣсъ, пошому, что я человекъ *письменный*. Весьма вѣрояшно также и то, можешъ бышъ, что нѣкоторые молодые помѣщики, оставившіе недавно военную службу, осмѣлились-бы даже на выборахъ говоришъ, что я *сочинишель*, *слѣдовательно*, человекъ *ученый*, *умный*, и меня надобно балопировашъ въ Предводишели — хопя изъ этого великолѣпнаго *слѣдовательно* ничего еще не слѣдуешъ. Припомъ-же, преимущесство передо мною получилъ-бы, и по всей справед-

ливости, тошъ у кого вкусный столъ и хорошія вина, пошому, чшо *le véritable Amphitrion est l'Amphitrion, où l'on dîne* (настоящій Амфитріонъ тошъ, у котораго обѣдають). — Но за всѣмъ тѣмъ, эшо распро-
сранило-бы нѣкоторое уваженіе ко мнѣ въ
уѣздѣ; по крайней мѣрѣ говорили-бы, чшо
меня *хотѣли балотировать въ Предводители*
ли, и Г-нъ Амфитріонъ, видя во мнѣ со-
перника, постарался-бы сблизиться со
мною, и преклонишь меня на свою споро-
ну: все эшо, конечно, было-бы для меня
весьма лесно. Но ежели взвѣсишь непріят-
ности съ удобствами, шо скромность и
скрытность возмущъ поверхность надъ са-
молюбіемъ и гласностію. По эшѣмъ-же при-
чинамъ, не принимаю я, по примѣру нѣко-
торыхъ своихъ предшественниковъ, назва-
нія по имени какой нибудь моей деревни.
Мои сосѣди, родные, знакомые, знають име-
на моихъ деревень: тогда опкроешся вся
тайна, и какой нибудь отважный Жур-
налистъ гласно возвѣсшишь объ эшомъ важ-
номъ опкрытіи. . . .

Пріят. Причины, по которымъ ты рѣ-
шил~~ся~~ скрывать свое имя, очень основатель-

ны. Все, что ты говорилъ мнѣ о душевномъ волненіи, опасности поперять сонъ и аппешишь, и прочее—

все самъ я испыталъ,

Когда свои стихи въ Журналы посылалъ.

И такъ—остаешься только пожелать тебѣ добраго успѣха.

Авт. Благодарю. Но я буду доволенъ и шѣмъ, если какой нибудь, сшешной, небогашый помѣщикъ, молодой человекъ, не знающій ни какого другаго языка, кромѣ своего природнаго, съ удовольствіемъ прочитаетъ, вмѣстѣ съ своею женою, мою книгу, воспользуется предложенными мною примѣрами и правилами, собственно для себя, для семейства своего, и отъ души скажетъ мнѣ: *Спасибо!*

СЕМЕЙСТВО ХОЛМСКИХЪ.

ГЛАВА I.

La vanité est l'aliment du sot.

ЛА БРУЙЕРЕ.

Тщеславіе есть пища глупости.

ЛАБРЮЕРЪ.

Человѣкъ сорокъ сосѣдей пировало у
Дворянскаго предводителя, богатаго
3...го помѣщика, Тимоѣя Игнашьевича
Сундукова. Всѣ не могли помѣшиться въ
споловой, за большимъ споломъ (огром-

ная и великолѣпная зала Сундукова открывалась только въ торжественныхъ , необыкновенныхъ случаяхъ); пошому въ диванной и въ кабинетѣ поставлены были приборы , и шамъ обѣдало почти сполько-же народа , сколько въ споловой. За маленькими сполами было гораздо веселѣе. Дѣши хозяевъ и прѣзжихъ госпей шумѣли, смѣялись, шалили между собою. Гувернеры и гувернантки изрѣдка останавливали ихъ , говоря : Mr. Jean ! ne faites pas tant de bruit !... Mlle Lise ! ne criez pas si haut ! Но ни Mr. Jean, ни Mlle Lise не слушали ихъ , и почтенные чужеземцы, съѣхавшіеся съ разныхъ споронъ, продолжали бесѣдовать между собою , рассказывая другъ другу о своемъ жишѣ. Большая часпъ были недовольны , и жаловались на судьбу свою.

Тимоѣей Игнашьевичъ былъ въ полной радости. Онъ спрашно любилъ давань балы , и щеславился шѣмъ , что никшо лучше его во всей губерніи не живешъ. Однажды , повѣряя расходныя книги сво-

его прикащика, на другой день послѣ праздника, сказалъ онъ нѣкопорымъ, оспававшимся еще у него госшамъ, что онъ угощалъ, счиная все, по еспь: господъ, лакеевъ, кучеровъ, форейшоровъ и лошадей, всего *штукъ болѣе* 500. — Это разнеслось по всему уѣзду: смѣялись, рассказывали другъ другу; однакожъ никто не хошѣлъ исключишь себя изъ числа *штукъ*, угощаемыхъ Сундуковымъ, и по первому приглашенію его опянь всѣ къ нему являлись. Послѣ того въ 3.... уѣздѣ вошло въ пословицу спрашиваешь другъ у друга: «Быль-ли ты», или, «будешь-ли въ числѣ *штукъ* у Сундуковыхъ?» Доморощенная музыка его, управляемая крѣпоснымъ капельмейстеромъ, со славою совершила нѣсколько опличныхъ подвиговъ: расперзала увершюры изъ оперъ: Калифъ Багдадскій и Два слѣпца Толедскіе; разыграла, съ такимъ-же искусствомъ, по особенному приказанію помѣщика, нѣсколько Русскихъ пѣсень. Хоръ пѣв-

чихъ, составленный изъ дѣвокъ, одѣтыхъ въ мужское платье, и нѣсколькихъ лажеевъ, пропѣлъ поздравительные куплеты имянинницѣ, женѣ Тимоѳея Петровича, Ольгѣ Пешровнѣ. Правду сказавъ, при восклицаніи: *прославимъ, прославимъ*, недоспавало басовъ. — Двое изъ нихъ съ упря куда-то пропали, и ихъ опыскали за пятакъ вершъ, въ кабацѣ, пьяныхъ; но самъ капельмейстеръ кричалъ громко, и велѣлъ бить въ Турецкій барабанъ изъ всей мочи, а попому никто не замѣшилъ отсутствія басовъ, и все было такъ *хорошо*, что помѣщикъ, въ изъявленіе благодарности, и въ поощреніе дарованій капельмейстера, налилъ ему самъ, господскими руками своими, спаканъ Саншуринскаго вина.

Въ то время, когда подавали Шампанское, за здоровье имянинницы, и домашняя артиллерія (нѣсколько сфартухъ чугунныхъ пушекъ) производила пальбу, къ удивленію многочисленной публики,

собравшейся изъ ближнихъ деревень къ Сундукову, доложили, что лошади Князя Бориса Машвѣевича Рамирскаго, ѣхавшаго на пиръ, испуганныя палъбою, понесли и взвалили коляску Князя на бокъ, но что онъ не ушибся, и идетъ пѣшкомъ черезъ мостъ.

Извѣстіе сіе произвело общее смятеніе. Князь Рамирскій, богатый сосѣдъ Сундуковыхъ, былъ еще не женатъ; Сундуковы давно имѣли его въ виду для старшей дочери своей, Глафиры. Человѣкъ, посланный къ нему съ приглашеніемъ, за нѣсколько дней до праздника, не заспалъ Князя: онъ былъ въ другихъ деревняхъ, и его ожидали домой не прежде, какъ упрямъ въ день праздника, слѣдовательно, такое вниманіе и поспѣшность Князя предвѣщали много хорошаго. Тогдашъ одинъ изъ мѣлочныхъ госпей, какой-то бѣдный дворянинъ, былъ командированъ вонъ изъ-за стола, чтобы очистишь мѣсто новому гостю. На кухню отправлено

приказаніе подогрѣвать и подавать снова кушанье. Самъ хозяинъ спустился къ Князю на встрѣчу.

«Глафирушка! какъ распрепались твои булки!» сказала Ольга Пепровна своей дочери. — «Анисья Федоровна» — продолжала она, обращаясь къ сидѣвшей подлѣ нея сосѣдкѣ и пріятельницѣ, Фіалкиной — «сдѣлай одолженіе, голубушка, поправь ей волосы. Да зачѣмъ ты въ шали? Здѣсь и безъ того жарко. Сними, сударыня: къ чему молодой дѣвушкѣ такъ кушаться!» Другія, сидѣвшія за споломъ невѣсты, число коихъ было довольно велико, также, какъ-то невольно поправляли платья и прически свои.

Князь Рамирскій, вошедъ въ большое общество, и увидѣвъ, что всѣ глаза обратились на него, чрезвычайно смѣшался. По приказанію старой, скупой мащери своей, оставилъ онъ службу въ молодости, и провелъ большую часть жизни въ деревнѣ, занимаясь подѣ

ея наблюденіемъ , однимъ только деревенскимъ хозяйствомъ. Мать рѣдко опускала его отъ себя, и сама почти никого не принимала. Князю было подъ 40 лѣтъ , когда маменька его скончалась , и онъ , получивъ большое имѣніе , сдѣлался независимымъ. Привычка къ деревенской жизни, и къ уединенію, такъ сильно въ немъ укоренилась, что онъ рѣдко выѣзжалъ , а если являлся иногда въ обществѣ , то , по застенчивости своей, никогда не осмѣливался подходить къ дамамъ , бесѣдовалъ съ мужчинами, и то объ одномъ хозяйствѣ и винокуренныхъ своихъ заводахъ.

Одному, въ деревнѣ, часто бывало ему скучно. Упомявсь послѣ обозрѣнія хозяйственныхъ заведеній своихъ , Князь чувствовалъ , что чего-то недостаеетъ въ обширномъ и огромномъ его домѣ. Онъ давно искалъ себѣ невѣсты. Свѣжестъ , молодостъ , высокій ростъ , прекрасная шалія , веселый характеръ Елисаветы Холмской плѣняли его. Онъ

вспрѣчалъ Елисавету у сосѣдей, и она
 чрезвычайно ему нравилась; но все ни
 какъ не могъ онъ преодолѣть своей за-
 стѣнчивости. Не болѣе, какъ разъ или
 два говорилъ онъ съ нею, и по бывъ
 завлеченъ ею-же самою въ разговоръ.
 Елисавета видѣла сдѣланное ею впечат-
 лѣніе. Князь былъ не дурень собою,
 богатъ, имѣлъ знашыхъ родспвенни-
 ковъ. Чего-же лучше желать? Хопя за-
 мѣчала она въ обращеніи его какую-то
 неловкость, холодность и гордость,
 но приписывала все это застѣнчивости.
 Носился также слухъ о большой ску-
 поссти Князя; но Елисавета, надѣясь
 на свою красоту, полагала, что можно
 перевоспитать мужа, и поставитъ по
 своему. Словомъ: она все обдумала и
 приняла твердое намѣреніе — быть не-
 премѣнно *Княгиней Рамирскою*. Ей было
 досадно слышать по приѣздѣ къ Сунду-
 ковымъ, что Князь Рамирскій не бу-
 депъ; но когда доложили о прибытіи
 его, то, по всѣмъ вѣроятностямъ, Ели-

савеша заключила, что причина такой поспѣшности ничто другое, какъ она, и пошому рѣшилась она, не далѣе, какъ въ томъ-же день, заспавишь Князя обѣясниться, и настоящимъ образомъ свашаться. Сообразно съ симъ планомъ, Елисавета начала маневры свои съ самаго вступленія его въ комнату. Князь, подходя къ хозяйкѣ, и извиняясь въ сдѣланномъ имъ безпокойствѣ, кланялся всѣмъ, но въ особенносши обрапилъ глаза на Елисавету. Она равнодушно поклонилась, и показывала, что не занимается имъ, въ надеждѣ заспавишь его чрезъ то подойди къ себѣ послѣ обѣда, и спросишь: за что она на него сердится? Но Елисавета ошиблась въ ожиданіи. Князь, по заспѣшчивосши своей, приблизившись къ ней не осмѣлился, и она должна была употребить другія средства: ихъ увидимъ мы въ послѣдствіи.

Вскорѣ послѣ обѣда начались, такъ называемые, сюрпризы. Нѣкоторыя изъ

госпѣй опсправились на балконъ, куришь прубки и пишь кофе, а другіе сѣли играшь въ виспъ и мушку; въ сшоловой спѣшили все убрашь. Форшепьяно-рояль номѣспили среди комнапы; кругомъ посшавили, въ нѣсколько рядовъ, спульа, и шопъ-же крѣпосшной кашель-мейстеръ, учишель барышенъ своихъ, насшроилъ скрипку. Веѣ госпи приглашены были шогда въ споловую, и маменька, какъ будшо ничего не зная, съ удивленіемъ опсправилась вмѣспѣ съ прочими. Пяшь дочерей показали искусство свое: *одна лузше другой*, онѣ играли выученныя ими, *тайно отъ мамсньки*, разныя пьесы. Старшая дочь, Глафирушка, назначенная въ невѣспы Князю Рамирскому, не имѣла рѣшишельно никакой способности къ музыкѣ. Какъ сдѣлашь *анти-музыкальныя* свойсшва ея гласными? Предусмошришельная маменька успроила черезъ свою Мадамъ Француженку шакъ, чшобы Глафирушка играла сонату, въ чешыре руки, вмѣспѣ съ Елиса-

вешою Холмскою, которая была оп-
 личная масшерица, и училась у лучшихъ
 арписповъ въ Москвѣ. Маменька раз-
 счищывала, что при игрѣ въ чешыре
 руки, Елисавета скроешь недоспаши
 ея дочери. Искусно помѣспили Князя
 Рамирскаго подлѣ маменьки, и спара-
 лись не дань ему замѣнишь, что при-
 гошовляемая ему невѣспа весьма плохо
 знаешъ музыку. Но все благоразумное
 распоряженіе эшо унищожилъ нелов-
 кій и недогадливый мужъ Сундуковой.
 Онъ всегда восхищался игрою Елиса-
 веты, и когда дочери его переспали,
 просилъ одну ее сыграть что нибудь.
 Елисавета, какъ обыкновенно водилъ,
 прежде опговаривалась, попомъ, по на-
 стоятельному убѣжденію, сыграла нѣ-
 сколько фанпазіей своихъ, и нѣсколько
 трудныхъ пассажей изъ концершовъ
 Фильда.

Если-бы Сундукова могла предузнашь,
 какъ сильно повредишь эшо ея предпрі-
 яшіямъ, шо она вѣрно никогда не пу-

скала-бы къ себѣ въ домъ Холмскую. Князь Рамирскій былъ большой охотникъ до музыки; отличное искусство Елисаветы восхищало его; онъ предавался мечтаніямъ о томъ, какъ-бы весело ему было слушать ее, въ длинные, осенніе и зимніе вечера, въ большой гостиной своей. Воображеніе представило ему семейственную жизнь въ самомъ привлекательномъ видѣ; прелестная жена и дѣти мелькали передъ нимъ. Онъ такъ задумался, что забылъ сказать, вмѣстѣ съ прочими, обыкновенныя привѣтствія хозяйкѣ о способностяхъ дочерей къ музыкѣ. Задумчивость Князя не скрылась отъ проницательности Елисаветы.

Послѣ музыкальныхъ сюрпризовъ, которые были продолжительны, и — всѣмъ надобно, хозяинъ пригласилъ гостей своихъ кашаться въ шлюпкахъ. Большой прудъ его простирался версты на три, и оканчивался подлѣ лѣса, названнаго Сундуковымъ, въ первые дни его супружества, въ честь жены, Ольгиною

рощею. Въ эту рощу обыкновенно ѣздили Сундуковы, когда у нихъ бывали госпи, пипшь чай послѣ обѣда. Многіе замѣпили, что дочери Сундуковыхъ, съ Мадамою, и Елисавета Холмская, ушли топчасъ послѣ музыкальныхъ сюрпризовъ. Госпи, зѣвая, предвидѣли, что готовятся еще какія нибудь продѣлки.

Въ нѣсколькихъ шлюпкахъ опсправились всѣ въ *Ольгину рощу*. Гребцами были кучера, псари и садовники Сундукова; они пѣли довольно согласно, и при звукахъ Русскихъ заунывныхъ пѣсенъ хозяева и госпи прибыли веселиться въ рощу. На полянѣ, среди лѣса, пригошвленъ былъ шеапръ на чистомъ воздухѣ. Прекрасная погода благопріятспвовала новому сюрпризу. Прежде всего подали чай. Пошомъ явились на сцену дочери Сундуковыхъ, одѣшныя паспушками, и, подъ руководствомъ Мадамы, представили на Французскомъ языкѣ (кошораго большая часть госпей не понимала) какую-то паспоральную пьесу.

Флоріана. По недоспапкѣ въ акприсахъ, и по совершенной неспособности нѣкоторыхъ дочерей хозайскихъ, приглашена была Елисавета взять роль. Она, по дальновидности своей, имѣя намѣреніе плѣнять Князя Рамирскаго, не ошказалась. Послѣ спектакля, каждая изъ дочерей, поднося маменькѣ букетъ цвѣтовъ, произносила Французскіе поздравительные стихи, выписанные Мадамою изъ спаринныхъ альманаховъ. Къ счастью, Сундуковъ ничего не понималъ, а то онъ могъ-бы обидѣться, и принявъ за оскорбительную насмѣшку, что въ стихахъ называли его *le plus heureux des pères et des éroux* (счастливейшій отецъ и супругъ). Онъ жилъ съ женою, какъ кошка съ собакою, и часто бывалъ недоволенъ обращеніемъ и поспупками дочерей своихъ, особенно же старшей, Глафиры, *фаворитки* матери.

Елисавета Холмская доспигла своей цѣли: довершила побѣду надъ Княземъ

Рамирскимъ ловкостью своею въ игрѣ на театрѣ, и прекраснымъ Французскимъ произношеніемъ.

Возвратились съ гулянья уже довольно поздно, и поспѣхъ начались танцы. Кавалеровъ было гораздо меньше, нежели дамъ. Три, или четыре офицера, изъ полка, стоявшаго въ уѣздѣ, одинъ Засѣдатель Земскаго Суда, бывшій въ явной враждѣ съ кадансомъ, нѣсколько молодыхъ гувернёровъ, Французовъ, и всѣ дѣши мужескаго пола танцовали; но и за тѣмъ еще недоспавало кавалеровъ, по числу дамъ; нѣкоторыя изъ дѣвушекъ должны были замѣнить ихъ. Князь Рамирскій не танцовалъ, отпразднелъ опѣвисша, и съ восторгомъ смотрѣлъ на Елисавету, которая и въ танцахъ была отличнѣе всѣхъ.

Между тѣмъ смерклося. Оркестръ заигралъ шаринный Польскій: «Громъ победы раздавайся», и всѣ отпразднелись фейерверкомъ. Хозяйку повелъ одинъ почешный госдь; прочія дамы разобра-

лись, какъ попало; Елисавета очень искусно приблизилась въ это время къ Князю Рамирскому. Онъ долженъ былъ подать ей руку, но чрезвычайно смѣшался, пошому, что былъ безъ перчатокъ, копорья насилу опыскалъ въ своей шляпѣ. Эта пара опспала опъ другихъ; сего — по именно и хопѣла Елисавета, чтобы никто не могъ слышать разговора ея съ Княземъ.

» Чшо вы, Князь, шакъ печальны? » — Кшо, я-съ? . . . Помилуйте: я ничего. — « Какъ ничего? Вы весь день были задумчивы. Чшо вы скрываетесь: вы влюблены въ Глафиру Тимоѳеевну; всѣ это замѣпили, и говорятъ, что вы на ней женишесь. Я очень рада, и поздравляю васъ: премилая и предоспойная дѣвушка! » — Кшо-съ: я влюбленъ въ Глафиру Тимоѳеевну? — Князь Рамирскій шажело вздохнулъ при сихъ словахъ. « Но о чемъ-же вы вздыхаете? » — Такъ-съ я вздохнулъ. — « Еспѣ-же какая нибудь причина вздохамъ и печали вашей? » —

Ахъ ! я вздыхаю совсѣмъ не объ ней! —
 « Но о комъ-же ? » — Ахъ ! . . . сударыня !
 мнѣ нравишся совсѣмъ не она вы...
 вы . . . мнѣ нравишесь , и ежели-бъ я былъ
 споль счастливъ , чшобы вы оспливи-
 ли меня . . . — Онъ не могъ продолжашъ
 далѣе , смѣшался , и покраснѣлъ до ушей.
 « Насилу , насилу вымолвилъ ! » думала Ели-
 савеша , въ радости , что ея намѣреніе
 такъ удачно исполняется . » Какъ , Князь...
 я ? Но вы сами знаете...я не завишу
 опъ себя...У меня маменька : адресуй-
 шесь къ ней . » — Но я желалъ-бы знать
 ваше расположеніе — продолжалъ Князь
 Рамирскій , нѣсколько ободрившись . « Я...
 вы...я васъ уважаю...Но я завишу опъ
 маменьки : какъ ей будетъ угодно . » —
 Слѣдовашельно , я могу надѣяться быть
 счастливымъ — сказалъ Князь , цѣлуя съ
 восторгомъ руку Елисавешы . Въ это
 время приблизились къ прочимъ го-
 стямъ . Елисавеша не опнимала у Кня-
 зя своей руки , но спѣшила предупредить
 его , чшобы онъ былъ оспорожнѣе , и ни-

кому о разговорѣ ихъ не сообщалъ, пока не объяснился съ маменькою.

Фейерверкъ былъ не очень удаченъ. Колеса опсырѣли и не вершѣлись; нѣсколько ракетъ не полетѣло; но бураки, и, въ особенности, шупихи, всѣмъ понравились. Большая толпа бабъ и крестьянскихъ ребятишекъ, собравшихся изъ сосѣдственныхъ деревень, были въ шумномъ восхищеніи. Сундуковъ приказалъ имъ пѣть пѣсни, и просилъ госпей своихъ посмотрѣть иллюминацію. Всѣ аллеи въ саду были освѣщены разноцвѣтными бумажными фонарями. Щипъ (изобрѣшеніе и произведеніе домашняго живописца), на копоромъ намалевана была толстая, уродливая женщина, въ видѣ Цереры, держащая въ рукѣ вензель имениницы, найденъ всѣми весьма прелестнымъ.

Но болѣе всего понравилась госпямъ особая иллюминація — *magnifique et pas cher* (великолѣпно и не дорого): дегтярныя бочки, и косыры соломы, зажженные по берегу, кругомъ пруда. Огонь, отражав-

шійся въ водѣ, представлялъ въ самомъ дѣлѣ прекрасный видъ.

По возвращеніи въ комнашы, начались опять танцы. Попомъ былъ ужинъ. Совсѣмъ разсвѣло, когда окончился праздникъ ; нѣкоторые изъ госпей, ближніе сосѣди, спали разъѣзжаясь по домамъ ; прочіе оспались у Сундуковыхъ.

ГЛАВА II.

« Jeune fille ! la nature vous a desti-
« née à augmenter le bonheur d'un
« homme de bien. »

SAINT-LAMBERT.

« Предназначеніе дѣвушки — умно-
« жить счастье добраго человѣка. »

СЕНЬ-ЛАМБЕРТЬ.

Управишель Напальи Алексѣевны Холм-
ской, на другой день послѣ бала у Сун-
дуковыхъ, подалъ ей письмо, съ гербовою
княжескою печашью, въ то время, когда
она обѣдала съ дочерьми своими. Взглядъ

на письмо заспавилъ Елисавету поблѣднѣть. Она поняла, о чемъ идешъ дѣло.

Но, прежде чѣмъ письмо будешъ распечатано, намъ должно познакомить читателей съ семействомъ Холмскихъ, и обратишь на него вниманіе.

Нашалъя Алексѣевна Холмская вышла за-мужъ въ молодыхъ лѣтахъ. Оспавшись сиротою, не имѣвъ никакого руководства при выборѣ супруга, она не внимала голосу разсудка. Конечно : одно только богатство не можешъ соспавишь истиннаго благополучія ; однакожъ, во всемъ естъ мѣра. Повиновашься, какъ въ молодости кажешся, одному влеченію сердца, не думаешь о будущемъ, и воображаешь, что человекъ, котораго неопытная дѣвушка выбираешъ въ супруги, естъ образецъ совершенства : все это должно произвестъ одинакія послѣдствія съ другою безразсудностью, когда имѣюшь въ виду одно только богатство — неизбежно несчастную жизнь супруговъ.

Холмская перенесла много горя. Она была

ослѣплена спрасію, и думала, что любовь должно предпочесть *мѣлогнымъ* соображеніямъ. Съ небольшимъ состояніемъ, вышла она за человека, который ничего не имѣлъ. Семейство ихъ годъ отъ году прибавлялось, а съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивались издержки; доходъ-же, по беспечности ихъ, оставался все прежній. Въ нуждѣ, или, лучше сказать, въ нищетѣ провела Холмская большую часть жизни своей. И въ этомъ состояніи можно жить счастливо — нѣтъ спора; но для сего надобно имѣть силу характера, надобно съ молодости приучиться отпказываться себѣ въ прихотяхъ, и довольствоваться необходимымъ. Безъ сихъ условій, бѣдность есть самое тягостное бремя. Четыре дочери и сынъ дѣлали положеніе Холмскихъ часъ отъ часу запруднишельнѣе. Но вдругъ богатый дядя Холмскаго, который при жизни своей не хотѣлъ знать его, умеръ, не успѣвъ сдѣлать духовной. Большое имѣніе, домъ въ Москвѣ, и множество билетовъ Опе-

кунскаго Совѣта, на положенную въ оный значительную сумму, доспались Холмскимъ, совсѣмъ неожиданно. Холмскій переселился съ семействомъ въ Москву, взялъ лучшихъ учителей для дѣтей, спалъ жилъ *открыто*, принималъ много гостей, и надѣялся провести сироту свою спокойно и въ изобиліи.

Надеждамъ его, такъ-же, какъ надеждамъ многихъ другихъ людей, не было предназначено совершиться. Разспроенное еще прежде здоровье, внезапный переходъ отъ бѣдности къ богатству, перемѣна въ образѣ жизни, хлопоты при полученіи наслѣдства, и—модные докторы, приблизили его преждевременно ко гробу. Онъ умеръ, не успѣвъ, такъ-же какъ дядя, сдѣлавъ духовной, о чемъ говорилъ безпрестанно, но все откладывалъ день за день. Холмскому хотѣлось обеспечить состояніе дочерей, раздѣливъ все между ими и сыномъ поровну. Послѣ смерти его, большая часть имѣнія доспалась малолѣтнему сыну. Вдо-

въ выдѣлена была , по законамъ , седьмая , а дочерямъ четырнадцатая часть. Опекуны малолѣтнаго Алексѣя Холмскаго назначили небольшую часть изъ доходовъ на воспитаніе и содержаніе его ; за тѣмъ оспальное собиралось и хранилось. По доспѣженіи совершеннолѣтія должно было скопиться значительному капиталу. Холмская основывала всю надежду на великодушіи своего сына , ибо отъ него зависѣло , когда онъ будетъ полнымъ хозяиномъ , улучшить жребій матери и сестеръ.

Между тѣмъ время шло. Холмская, обратившись въ прежнее недоспапочное состояніе, старалась дать дочерямъ воспитаніе , соопвѣственное ихъ настоящему положенію, и приучала ихъ къ домашней жизни и хозяйству. Старшая дочь ея, Наталья, обучавшаяся въ Институтѣ , жила по выпускѣ отсюда въ Петербургѣ, у дальней родственницы своей, Графини Вельской ; ей было 22 года , въ то время , когда мы начинаемъ исторію семейства

Холмскихъ. Елисаветъ , другой дочери , былъ 20-й , Каперинъ 19-й годъ. Софья и Алексѣй , меньшія дѣти Холмской , были годомъ моложе другъ друга.

Обширный домъ въ Москвѣ, и большая, усроенная подмосковная доспались малолѣтнему сыну Холмской. Она, съ дочерьми, переселилась въ имѣніе, отдѣленное ей на законную часть , выстроила себѣ небольшой домъ , и жила почти безвыѣздно въ деревнѣ.

У нея было много сосѣдей , съ которыми она довольно часто видалась ; бывали балы, благородные спешакли, и дочери Холмской не скучали жизнью въ Надежинѣ (такъ называлась ея деревня).

Ближній сосѣдъ Холмской Сундуковъ , вышедшій въ люди изъ низкаго званія , разбогатѣвшій , и сдѣлавшійся дворяниномъ разнообразными благородными способами (о чемъ подробнѣе расскажем мы въ свое время) , жилъ открытѣе прочихъ. Въ многочисленномъ семействѣ его бывали часто именинные праздники ; доче-

ри его любили танцовать. Но мы уже знакомы съ Сундуковымъ, и имѣемъ понятіе объ его праздникахъ.

Намъ извѣстно также, что на одномъ изъ сихъ праздниковъ рѣшилась судьба Елисаветы. Она объявила Князю Рамирскому, чтобы онъ адресовался къ ея маменькѣ, а ему самому не съ кѣмъ было совѣщиваться, ибо онъ былъ независимъ и, по холодности своей, не имѣлъ никого, къ кому принималъ-бы въ немъ истинное участіе.

Вездѣ—свадьбы, свадьбы, и всѣ семейныя дѣла служатъ обильнымъ источникомъ разныхъ полковъ и сужденій. Многіе сосѣди, а въ особенности сосѣдки, не могли надивиться, когда свадьба и помолвка Князя Рамирскаго съ Елисаветою Холмскою сдѣлались гласными — почему Князь Борисъ Машвѣвичъ предпочелъ Елисавету Катеринѣ? Эпа была красивѣе лицомъ, и характеромъ своимъ, тихимъ и важнымъ, казалась сходнѣе съ Княземъ. Но сердце

человѣческое имѣетъ свои странности , и часто любовь рождается отъ противоположностей. Веселость Елисаветы, огонь, блиставшій въ глазахъ ея, ловкость въ танцахъ, также и то , что всякая бездѣлица могла заспавишь ее смѣясь, все это нравилось Князю , и обращало его вниманіе къ Елисаветѣ. Напропивъ, Каперица, казалось ему, имѣла отъ природы сердитый характеръ, или, можетъ быть, какая нибудь тайная грусть пнягошила ея сердце. На прекрасныхъ чертахъ лица Каперицы всегда видна была какая-то мрачность и задумчивость, а это весьма не нравилось Князю Рамирскому. Всякій, кто хорошо зналъ Князя, удивлялся также и тому, что онъ рѣшился жениться на дѣвушкѣ безъ соспо-янія. Въ этомъ и самъ онъ долго колебался, но наконецъ любовь воспорже-ствовала. Письмо, присланное отъ него съ нарочнымъ къ Холмской, произ-вело смяшеніе, описанное въ началѣ сей главы.

«Тебѣ вѣрно извѣстно содержаніе этого письма?» спросила мать у Елисаветы, съ веселою улыбкою, показывая ей подпись Князя Рамирскаго.

Елисавета покраснѣла, и призналась, что сама позволила Князю опіесписъ къ ней. «Ты должна была предвидѣть и сообразишь» — сказала ей мать — «что давъ такое позволеніе, ты уже нѣкошорымъ образомъ одобрила предложеніе его. Но хорошо-ли ты обдумала? Повѣрила-ли себя? Поняла-ли свое сердце? Не одно-ли только богатство плѣняешь тебя? Конечно, для счастливой жизни, а особенно въ супружесствѣ, должно имѣть необходимое; но смыслъ этого слова неопредѣленный: иные почитаютъ необходимымъ то, чтобы ни въ чемъ себѣ не опказывать; другіе довольны небольшимъ, и они-то настоящіе счастливцы. Но, другъ мой Лизанька, ты знаешь мои правила. Я всегда говорила: не лзя бытъ счастливою въ супружесствѣ безъ взаимнаго уваже-

нія и довѣренности. Одно только большое состояніе, такъ-же какъ и одна только спраспная любовь — равно недоспашочны. Никогда не одобрю привязанности къ иншересу, но возспаю шакже и прошивъ шѣхъ людей, кошорые, предавшись романическимъ идеямъ, не хопяшъ нисколько подумапъ, что совершенная бѣдноспъ опсправляешъ нашу жизнь, и дѣлаешъ насъ несчастливыми, не смопря ни на какую любовь. . . . Я испышала эшо надъ собою» . . . Холмская бросила при сихъ словахъ выразишельный взглядъ на дочь свою Капешину, и яркій румянецъ замѣнилъ мѣспо обыкновенпой блѣдноспи на щекахъ ея.

Елисавета начала увѣренія, что не одно богашспво заспавляешъ ее согласишься на предложеніе Князя Рамирскаго, но и шо, что у него шакая *прекрасная репутація*, и онъ нравишся ей умомъ и наружноспью своею.

«Если шакъ, шо я съ своею спороны не только согласна, но и чрезвы-

чайна рада» — отвѣчала Холмская. —
 «Каждой изъ васъ, конечно, не лѣзя
 сдѣлать такой выгодной партіи, какая
 представляется Лизанькѣ» — продолжала
 она, обращаясь къ другимъ дочерямъ —
 «но безъ имѣнія, которое хотя-бы нѣ-
 сколько обеспечивало будущую семей-
 ную вашу жизнь, я никогда не согла-
 шусь. Все это однакожь впереди.
 Займемся теперь побою, Лизанька. Ты
 говоришь, что Князь Рамирскій тебѣ
 нравится. Я съ своей стороны нахожу,
 что эта партія, какой лучше желать
 не лѣзя. Я буду отвѣчать, что пред-
 ложеніе его принято. Но, другъ мой,
 подумай еще, не спѣши, размысли, по-
 спарайся болѣе узнать Князя. Вспомни,
 что ты хочешь принять на себя весь-
 ма важную обязанность. Теперь еще
 есть время: послѣ не лѣзя будетъ уже
 поправиль; ты, можешь быть, спа-
 нешь всю жизнь свою упрекать себя
 въ неосмотрительности; повпоряю:
 тогда будетъ поздно! Вспомни Русскую

старинную пословицу : мужъ не башмакъ , съ ноги не сбросишь. »

— Я уже давно обдумала , милая маменька — ошвѣчала Елисавета , цѣлуя руки ея. — Повѣрыте : не одно только богатство его нравится мнѣ въ немъ. Припомъ-же , знаете-ли , маменька ? — прибавила она , посмошрѣвъ на Кашерину. Князь имѣетъ много знашныхъ родныхъ въ Пешербургѣ.

Двоюродный бранъ его служишь у Министра : онъ вѣрно поможетъ Пешрушѣ Аглаеву получишь мѣсто.

« Все эшо хорошо » — сказала Холмская — « хошя-бы и можно было упрекнушь тебя , если ты давно думала объ эшомъ : почему ты мнѣ во всемъ не ошкрылась ? Я ошпиѣе тебя , и , кажется , какъ мать , должна-бы имѣть все право на твою довѣренность ; но Богъ съ тобою ! Впрочемъ , я ничего дурнаго о Князѣ не слыхала , а эшо уже очень много въ нашъ вѣкъ. На нѣкоторые недоспашки должно смо-

прѣшь сквозь пальцы, если они проис-
ходящъ не отъ дурной нравственности.
Совершеннаго человека нѣтъ на свѣтѣ,
и Князь Рамирскій, доживъ, кажется,
безъ малаго до 40 лѣтъ, не ославилъ
себя ни однимъ такимъ порокомъ, въ
которые обыкновенно попадающъ бога-
тые люди. По этому одному онъ за-
служиваетъ уже мое уваженіе.»

— Онъ очень любезенъ, снисходите-
ленъ, и, кажется, самаго добраго и
пихаго характера, а безъ того богат-
ство его никакъ-бы не прельстило
меня.

«Что принадлежишь до этого, то,
повѣрь, что ни ты, и ни одна изъ не-
вѣстъ не могутъ узнать навѣрное ха-
рактеръ жениха своего. Дѣвушка не
знаетъ даже собственныхъ свойствъ
прежде замужства. Напримѣръ: чув-
ство ревности, этошъ важный
порокъ, который можетъ имѣть са-
мая несчастная послѣдствія въ су-
пружествѣ, совершенно ей неизвѣстенъ.

Женихъ съ невѣстою могутъ побыть
десять лѣтъ вмѣстѣ, и все не узнаютъ
характеровъ другъ друга. Въ госпиной,
при свидѣтеляхъ, со взаимнымъ жела-
ніемъ нравились, онъ и она непрерывно
наблюдають за собою, и одинъ другому
ничего не дадутъ замѣтить. Припомъ
мужчину еще труднѣе узнать, нежели
дѣвушку: онъ знаетъ, что супруже-
ство даетъ ему всю власць; онъ пер-
питъ до времени, все, что ему не нра-
вилося въ невѣстѣ, потому, что имѣетъ
право въ послѣдствіи передѣлать все
по своему. Впрочемъ, что я говорю те-
перь, то не относится ни сколько къ
Князю Рамирскому. Я готова согла-
ситься съ тобою, что у него добрый,
прекрасный характеръ; увѣрена, по
крайней мѣрѣ, въ томъ, что ты из-
бѣгнешь важнаго неудобства и повода
къ частымъ непріятностямъ: ты не бу-
дешь послана въ необходимость —
просить его о всякихъ мѣлочныхъ из-
держкахъ своихъ. Это, кажется, вздоръ,

но при небольшомъ соспоянїи обой-
пишься безъ этого не лзя, и эта без-
дѣлица бываешъ часто причиною боль-
шихъ неудовольствїй между супругами.»

Такъ говорила добрая, предусмотрѣ-
тельная мать; но слѣдствїемъ сего
разговора былъ однакожъ благопрїят-
ный отвѣтъ Князю Рамирскому. Князь
самъ вскорѣ явился въ Надежино; его
помолвили съ Елисаветою, объявили
объ этомъ сосѣдямъ, и горничныя дѣ-
вушки спали пѣшь: *Не разливайся, мой
тихий ружей; Отставала лебедушка
отъ стада лебединого, и другія зауныв-
ныя свадебныя пѣсни, невольно рас-
полагающія невѣсту къ задумчивости и
къ размышленію, о томъ, какую важную
обязанность она рѣшается на себя при-
нять.*

Князь Рамирскій, вскорѣ послѣ по-
молвки, поскакалъ въ Москву, покупалъ,
какъ обыкновенно водилъ, четверо-
мѣстную карету, бѣлую шаль, и другіе
подарки для невѣсты. Занималъ денегъ

ему не было нужды. Маменька его довольно накопила ихъ при жизни своей, а по смерти ея и самъ онъ присоединилъ къ нимъ немало. Всѣ, споль *необходимыя* для супружескаго благополучія принадлежности, вскорѣ были искуплены, и Князь, получивъ уже нѣкоторую опытность и познаніе, въ томъ, что значахъ *крекъ, линобатистъ, тамбурина кисея*, спѣшилъ возвратишься въ Надежино.

Холмская давно и поржесшвенно объявила совершенную свою неспособность поргочашься и покупашь; но у нея былъ въ Москвѣ вѣрный, дѣлшльный и исправный коммисіонеръ, племянница, Федосья Пепровна Ліонская, *молодая дѣвушка* — лѣтъ за сорокъ. Еще прежде, когда Холмская жила въ Москвѣ, съ мужемъ своимъ, не дерзала она никогда бытъ безъ нея на Кузнецкомъ мосту и въ рядахъ. Всѣ наряды для дочерей дѣлались всегда по совѣщанію съ нею, а пошому и въ настоящемъ случаѣ Холмская не находила надобно-

сти ѣхашь сама въ Москву, покупать приданое, а отправила къ Ѳедосьѣ Пепировнѣ, съ эскафетомъ, билетъ Опекунскаго Совѣща, въ восемь тысячъ рублей, съ просьбою: распорядишься эшѣми деньгами по своему благоусмотрѣнію. Елисавета уговорила маменьку употребить на приданое капиталъ, доставшійся ей по раздѣлу, попому, что она вступаешь въ богатое и знашное семейство, и ей надобно *поддержать себя*. Десять тысячъ собственннхъ денегъ Елисаветы, хранившихся въ Опекунскомъ Совѣщѣ, поступили такимъ образомъ поже въ распоряженіе Ѳедосыи Пепиновны. Цѣлыя два листа кругомъ, исписанные рукою Елисаветы, и содержащіе замѣчанія о томъ, *что и гдѣ* купишь, какое платье, какъ одѣлашь, и пр., доставлены были отъ нея къ милой и доброй кузинѣ, съ убѣдительною просьбою: довершишь свои одолженія шѣмъ, что испуивъ все, поспѣшишь самой приѣхать на свадьбу. Елисавета распространилась

въ увѣреніяхъ, о чувствахъ дружбы своей, о томъ, что она очень огорчилась, если единственный другъ ея не будетъ свидѣтельницею самой важнѣйшей эпохи въ ея жизни. Тайная причина приглашенія, разумѣется, была та, чтобы воспользоваться глубокими познаніями кузины въ нарядахъ.

Федосья Петровна съ опличіемъ исполнила возложенное на нее порученіе. Нѣсколько дней сряду она жила на Кузнецкомъ мосту и въ рядахъ, жаловалась знакомымъ своимъ, что совсѣмъ измучилась, и боится занемочь опъ хлопотъ. Ей никто не вѣрилъ: всѣ знали, что ни чѣмъ не лъзя было сдѣлать ей шакого удовольствія, какъ порученіемъ купишь что нибудь на Кузнецкомъ мосту, гдѣ она была со всѣми знакома, и гдѣ мадамы принимали ее всегда съ большимъ уваженіемъ. Вскорѣ кузина явилась въ Надежино со всѣми прелестями, и была вознаграждена за хлопоты свои. Елисавета съ восхищеніемъ ее цѣловала. Тотчасъ при-

спунили къ дѣлу: всѣ покупки были съ восхищеніемъ разсмотрѣны; каждое плаще, каждый чепчикъ, каждая шляпка были примѣряны, и все найдено чрезвычайно милымъ. Можно вообразить себѣ также, сколько разъ все было показано поочередно каждой сосѣдкѣ, приѣзжавшей съ поздравленіемъ, и какія были послѣ того сужденія, полки, рассказы о сихъ важныхъ предметахъ, не только въ домѣ у самой невѣсты, но и при свиданіяхъ сосѣдокъ между собою.

Веселое время въ жизни дѣвушки, когда она бываетъ невѣстою! Учасіе, снисходительность, услужливость матери и сестеръ; воспоргъ старой няни, что барышня ея будетъ Княгиня и богаша; поздравленія и радость горничной и всей дворни, для копорыхъ богашество и знапность выше всего; множество новыхъ нарядовъ, и—даже досада и зависть подругъ—все это восхищало Елисавету. Во все время помолвки своей она была — въ полной мѣрѣ счастлива.

ГЛАВА III.

« Prenez pour époux un homme raisonnable et occupé, ami de l'ordre et sensible. »

ST. LAMBERT.

« Соедините судьбу вашу съ человекомъ умнымъ, любящимъ за-
« нятіе, другомъ порядка, чувств-
« вительнымъ. »

СЕНЬ-ЛАМБЕРТЬ.

Князь Рамирскій былъ нѣсколько холоденъ съ своею невѣстою, но и мать и невѣста относили это къ его, извѣстной всѣмъ, заспѣчивости. Елисавета думала сама, и говорила сестрамъ,

что она его совсѣмъ перевоспитаетъ, и пославшиъ по своему. Между тѣмъ сообщила она Князю о сношеніяхъ сосѣда Аглаева съ ихъ семействомъ.

Аглаевъ давно былъ влюбленъ въ сестру Елисаветы, Кашерину. Отецъ Аглаева былъ старинный другъ и сослуживецъ Холмскаго. Молодой *Петруша* — такъ называли сына въ семействѣ Холмскихъ — былъ единственное дитя престарѣлаго отца. По волѣ его, *Петруша*, съ небольшимъ 20-ми лѣтъ, оставилъ службу, въ чинѣ 40-го класса, и поселился у отца въ деревнѣ. Любовь *Петруши* къ *Кашеринѣ* годъ отъ году усиливалась; онъ былъ поэтъ, и обучавшись еще въ Московскомъ Университетскомъ Пансіонѣ писалъ уже для нея стихи. Альбомъ *Кашерини* былъ наполненъ нѣжными, пламенными изъясненіями. Въ элегіяхъ, въ посланіяхъ: къ ней, къ *Хлоѣ*, къ моему генію, и пр., прославлялъ Аглаевъ прелести *Кашерини*, и клялся вѣкъ любить ее;

даже напечаталъ собраніе своихъ стихотвореній и посвятилъ Каперинѣ. Въ краснорѣчивомъ Предисловіи называлъ онъ ее Ангеломъ-хранишелемъ, геніемъ, одушевляющимъ его, десятою Музою. Все эшо нравилось Каперинѣ, и она находила сочиненія Аглаева превосходными. Но неугомонные Журналисты были совсѣмъ прошивнаго мнѣнія: въ Журналахъ появлялись жестокія крипики и разборы самые *привязчивые*. Эши нападенія сильно прогали, и даже приводили въ слезы Аглаева. Въ одномъ возраженіи, или аншикрипикѣ, онъ поржесшвенно признался передъ всѣми, что слезы, почно слезы, невымышленные, орошающъ бумагу, на копорой онъ пишешъ. Каперина принимала участіе въ горесши Аглаева, ушѣшала его, поддерживала, находила, что крипики прошивъ него явно приспрасшны, и написаны изъ зависши. Аглаевъ, съ одобренія Кашерини, напечаталъ нѣсколько аншикрипикъ и рекрипикъ особыми

книжками. Никшо не опвѣчалъ ему, и онъ, думая, что воспоржеспвовалъ надъ врагами своими, охопнѣе предался любимымъ занятіямъ, сочинилъ современную романшическую поэму, и сославилъ нѣсколько плановъ для трагедій. Все это было одобрено Капериною.

Спраспъ къ спихотворспву имѣешъ свои выгоды, но также и вредъ. Правда, что поэпъ, мечшая о безсмертіи, чишая для наученія и примѣра хорошихъ авшоровъ, конечно не сдѣлаешся каршежникомъ, или разврашнымъ повѣсою; но съ другой спороны спраспъ къ поэзіи имѣешъ неудобспва большія, разспроивая воображеніе, возбуждая склонность къ мечшашельности, и дѣлая челоѡка совершенно неспособнымъ ни къ какимъ *мѣлогнымъ*, *житейскимъ* *занятіямъ*.

Нашъ поэпъ, съ самой юности своей, былъ чувспвишеленъ до крайности; всякая бездѣлица могла шронуть его

до слезъ, хоша онъ шакже былъ способенъ всѣмъ восхищиться. Такъ, напримеръ, каждое прекрасное мѣстоположеніе приводило его въ совершенный восторгъ. Какъ часшо, въ уединенныхъ прогулкахъ, въ лѣску, на крупомъ берегу рѣчки, пропекавшей близъ Надежина, мечшалъ онъ, что къ совершенному его блаженству ничего болѣе не нужно, какъ только быть мужемъ прелесной Каперины, жить съ нею въ небольшомъ домикѣ, на берегу этой рѣчки! Воображеніе ярко рисовало ему семейственное его благополучіе. Впрочемъ, онъ полагалъ, что имѣеть хорошее соспояніе, и почишалъ себя счастливымъ, что можеть раздѣлить все съ Капериною. Она, съ своей стороны, предавалась шакимъ-же романическимъ мыслямъ. Ей никогда въ голову не приходило имѣніе Аглаева: любовь его, небольшая хижина, черный хлѣбъ, ключевая вода — вопшъ все, что, казалось ей, было нужно для благополучной жизни!

Опець Аглаева одобрялъ намѣреніе его женишься на Капериѣ. Старая Холмская была также согласна; но вдругъ сдѣлалась непредвидѣнная перемѣна въ положеніи Аглаева. Опець его скоропоспѣжно умеръ, и послѣ смерти открылось такъ много долговъ, что имѣнія едва было достаточно на уплату. Все было продано съ публичнаго торга. Аглаеву осталась одна только, доставшаяся ему послѣ матери, небольшая черезполосная деревенька, въ пяти верстахъ отъ Надежина.

Сія перемѣна въ положеніи Аглаева нисколько не поколебала Каперины. Она говорила, что давъ ему слово, никогда не измѣнитъ. Это утѣшило поэта: онъ переселился въ единственную, оставшуюся у него деревеньку, поправилъ кое-какъ домъ, и возобновилъ предложеніе Холмскимъ. Но теперь Холмская была совсѣмъ противнаго мнѣнія: она объявила, что все приданое дочери ея состоитъ въ небольшой, отдаленной де-

ревнѣ, которая худо плашишь оброкъ, и — въ 40-ти тысячахъ рублей денегъ, доставшихся Каперинѣ послѣ опца. У Аглаева также *поэты нѣтъ нигде*, и пошому Холмская рѣшила, что пока онъ не вступитъ въ службу, и не будетъ получать хорошаго жалованья, она никакъ на свадьбу его съ Капериною не согласится. Любовники плакали; повторяли клятвы въ вѣчной вѣрности. Холмская жалѣла объ нихъ, но осталась непоколебима въ своемъ намѣреніи.

У Аглаева былъ спарый, богатый дядя, и жилъ въ Москвѣ. Аглаевъ основывалъ теперь всю свою надежду на его пособіи. Долго трудился онъ надъ сочиненіемъ краснорѣчиваго письма, гдѣ самыми пламенными чертами изобразилъ спросъ свою къ Каперинѣ, и намѣреніе посвящать ей всю жизнь — словомъ: помѣспилъ въ письмѣ своемъ все, что обыкновенно влюбленные поэты пишутъ въ такихъ случаяхъ. Съ нестерпнѣмъ ждалъ Аглаевъ отвѣта. Воображеніе представляло

ему, что дядя будетъ пронуть до слезъ письмомъ его, пошчасъ прискачешъ, будетъ посаженнымъ опцемъ, и — на первый случай подарить молодымъ — по крайней мѣрѣ, сто тысячъ рублей. Но опвѣсть дяди былъ полученъ не такъ скоро. Увы! Дядя при томъ не былъ пронуть до слезъ, велѣлъ написашъ камердинеру своему, и самъ только подписалъ письмо, сочиненное самымъ холоднымъ, *ликейскимъ* слогомъ: онъ поздравлялъ племянника съ намѣреніемъ вступитъ въ законный бракъ, желалъ ему всякаго благополучія, и — больше ничего! Можно предсавить, какъ пораженъ былъ сею холодностію чувствительный, пламенный Аглаевъ! Онъ проклиналъ эгоисповъ, и въ жалобной элегіи изъяснилъ свои чувства. Успокоясь нѣсколько, рѣшился онъ употребить еще средство: отправился въ Петербургъ. искалъ мѣста. Но долго останавливаясь тамъ не могъ: любовь къ Кашеринѣ влекла его домой, и вскорѣ, съ обѣ-

щаніями и большими надеждами, возвращился Аглаевъ въ свою деревню. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда Князь Рамирскій спалъ свашашься.

Елисавета рассказала жениху своему о препятствіяхъ къ соединенію сеспры ея съ Аглаевымъ, и была увѣрена, что Князь не откажется помочь имъ. Она просила Князя написать къ брату его въ Пешербургъ, и выхлопашь Аглаеву какое нибудь выгодное мѣсто.

Какъ-же удивилась она, когда Князь Рамирскій, выслушавъ ее, отвѣчалъ равнодушно, что ничего не обѣщаетъ, не бывъ напередъ увѣренъ въ успѣхѣ, и что никогда не просишь онъ о людяхъ ему неизвѣстныхъ; что онъ подумаетъ, и, узнавъ короче Аглаева, можетъ быть, за него постарается. Замѣшивъ, что это огорчило Елисавету, Князь сказалъ ей, что онъ богатъ, приданого ему не надобно, и попому можетъ она предложивъ часть свою въ деревнѣ, принадлежавшей ей вмѣстѣ съ Капе-

риною, сестрѣ своей; что черезъ это положеніе Кашерини улучшился, а со временемъ, можешь быть, онъ выхлопочешь Аглаеву хорошее мѣсто, и такимъ образомъ Аглаевъ можешь же-нишься на Кашеринѣ. Такое великодушіе привело въ восторгъ Елисавету: она тотчасъ послала нарочно за Аглаевымъ, побѣжала къ матери, сообщила ей предложеніе Князя Рамирскаго, и, вмѣстѣ съ Кашериною, начала уговаривать мать свою — не опекладывать счастья двухъ любящихъ сердецъ. Холмская еще не рѣшалась, хотѣла возражать, потому, что и уступка часши Елисаветиною была незначительна для обезпеченія будущаго состоянія Кашерини; но Аглаевъ прискакалъ опроремью, умолялъ на колѣняхъ; плакалъ, Кашерина также плакала, Елисавета цѣловала руки матери. Все это поколебало спарушку, и — она благословила Кашерину. Свадьба обѣихъ сестеръ назначена была въ одинъ день.

О приданомъ для Каперины сдѣлано было особое распоряженіе. Холмская думала , что безразсудно упопребишь для нея сколько-же денегъ на наряды, сколько упопреблено для Елисаветы. Каперины купили только самое необходимое , безъ чего обойдшишься было невозможно, а оспальныя деньги опдали ей, съ шѣмъ , чшобы она берегла ихъ на случай нужды.

Князь Рамирскій съ непріятною надмѣнностію выслушалъ благодарность Аглаева , и холодно , съ покровипельнымъ видомъ , обѣщался бышь ему и впередъ полезнымъ. Съ перваго взгляда можно было увѣришься, что новыя родные не будутъ большими друзьями между собою.

Князь объявилъ намѣреніе свое : пошчасъ послѣ свадьбы ѣхашъ въ Москву , чшобы познакомишь молодую жену съ родными своими. Полагая пребышь тамъ , можешъ бышь , долго , Князь не велѣлъ опдавашъ Московскаго дома сво

его въ наемъ. Вмѣстѣ съ шѣмъ предло-
жилъ онъ Холмской, и дочери ея Софѣ,
сопутствовашъ ему, говоря, что Ели-
саветѣ будетъ на первый случай нѣже-
ло распашься съ семействомъ своимъ,
что домъ у него обширный, и всѣмъ по-
мѣститься будетъ можно.

Аглаевъ между шѣмъ ни о чемъ болѣе
не могъ думать, кромѣ Каперины. Серд-
це его наполнено было сладостнымъ, не-
изъяснимымъ упоеніемъ. Вся вселенная,
всѣ блага заключались для него въ ней
одной. Онъ останется съ нею, одинъ,
въ смиренномъ своемъ домикѣ... Эта
мысль приводила его въ восторгъ. При-
шомъ-же, думалъ онъ, надобно заняшь-
ся на свободѣ украшеніемъ новаго жи-
лища Каперины. Судьба его устраи-
лась такъ неожиданно, что онъ не и-
мѣлъ времени приготовиться къ свадьбѣ
и будущей жизни съ женою. Аглаевъ чер-
пилъ планы; рассказывалъ, что думаетъ
передѣлать въ домѣ, какъ меблировать
которую комнату; хотѣлъ переселить

одинъ крестьянскій дворъ, чшобы изъ дома былъ открышый видъ вдаль ; находилъ необходимымъ распроспранишь садъ, отдѣливъ нѣсколько десяшинъ отъ пашни ; думалъ пуспипть рѣку въ садъ, запрудипть ее, и сдѣлать каскадъ. Также хотѣлось ему поспроипть бесѣдку, подъ названіемъ : *Храмъ Гименея* , на одномъ возвышеніи, близъ дома, откуда видны были уѣздный городъ, нѣсколько селъ и домъ въ Надежинѣ. Аглаевъ напередъ восхищался эшимъ храмомъ Гименея. Холмская давно замѣчала въ немъ склонность къ моповспву, и эшо, можетъ бышь, всего болѣе оспанавливало согласишься на его предложеніе. Но , въ успокоеніе свое, думала она, что у Аглаева доброе сердце , и что разсудипельная Каперица, въ кошорую онъ шакъ спраспно былъ влюбленъ, удержипть его отъ пуспыхъ издержекъ. Холмская хотѣла на досугѣ объаснишь ей, что съ небольшимъ ихъ имѣніемъ совсѣмъ можно раззорипься , если она не обра-

пишъ вниманія на недоспашокъ будущаго ея мужа, впрочемъ — споль обыкновенный и общій почти всѣмъ Русскимъ дворянамъ : жишъ выше своего соспоянія.

Разносшъ соспоянія жениховъ вскорѣ обнаружилась. Князь Рамирскій сдѣлалъ, какъ намъ уже извѣстно, богашые подарки своей невѣсшѣ. Бѣлая шаль, съ прекрасными букешами, споила нѣсколь-ко тысячъ. Бриллианты, жемчугъ, модная, чешверомѣспная, опкидная кареша, цугъ вороныхъ лошадей, щегольски одѣшые кучеръ и фореишпоръ, богашая ливрея съ княжескими гербами — все эшо приводило въ восхищеніе Елисавету. Увы! Аглаеву наиспрожайше запрещено было опъ машери, и онъ самой невѣспы, дѣлашъ пусшыя издержки на подарки : эшо невольнo возбудило въ немъ непри-ятное чувспво, какой-шо родъ зависпи къ Князю Рамирскому ; однакожъ, спра-спная любовь къ Каперинѣ скоро изгла-дила сіе временное впечатлѣніе, и онъ

радосшно повшорялъ ей стихи Жуковскаго, изъ Баллады : *Алина и Альсимъ* :

Чшо пользы въ плашье золошое

Себя рядишь ?

Богашсшво на землѣ прямое ,

Одно—любишь !

Къ эшимъ стихамъ прибавилъ онъ еще, чшо даритъ невѣстѣ своей гораздо болѣе—посвящаетъ ей всю жизнь, клянясь всѣмъ жертвовать для ея счасшя , принимая на себя обязанность забошиться объ ея спокойсшви, и пр. и пр. Аглаевъ говорилъ при эшомъ случаѣ опяшь все то , чшо спрасшные любовники-поэшы обыкновенно обѣщаютъ. По шѣсношѣ дома въ Надежинѣ , невозможно было приѣхать на свадьбу родной сестрѣ Князя Рамирскаго , Графинѣ Хлестовой, и прочимъ его роднымъ. Расположились : обвѣнчашься упромъ и пошчасъ, послѣ ранняго обѣда, разъѣхашься молодымъ по домамъ. Черезъ нѣсколько дней пошомъ хошѣлъ Князь Рамирскій , изъ подмосковной своей, опправишья съ

женою въ Москву , и уже по возвращеніи опшуда дѣлашь визиты сосѣдямъ по деревни, гдѣ онъ имѣлъ всегдашнее пребываніе, а попомъ пригласишь ихъ къ себѣ, и дашь праздникъ.

Елисавета одѣлась къ вѣнцу очень просхо, шакъ-же, какъ и сеспра ея. Бѣлыя плашья и букеты цвѣтовъ соспавили весь нарядъ ихъ. Но возвращаясь изъ церкви, и пригошовляясь въ дорогу, Елисавета надѣла модную шляпку , съ перьями, дорогой кружевный вуаль, и многое другое, что казалось ей мило. Она очень досадовала, что не кспати надѣвать въ дорогу подаренные ей брильянты и жемчугъ.

Обѣдъ кончился. Новое лондо, съ гербомъ и вензелемъ Княгини Рамирской, запряженное въ шесть прекрасныхъ вороныхъ лошадей , подвезено было къ крыльцу ; особая, шакже новая, щегольская коляска назначена была для спарой няни , которую уже переименовали въ *экономки* ; нѣсколько бричекъ, съ хоро-

шею упряжью, запряженныхъ одношерстными, красивыми лошадьми, опредѣлено было для горничныхъ дѣвушекъ, и для приданого. Новые экипажи, сыпья, вычищенные лошади, хорошо одѣтые слуги и кучера, нѣсколько колокольчиковъ, привязанныхъ къ бричкамъ — все эшо было такъ хорошо, такъ хорошо, что сердце Елисаветы сильно билось отъ радости.

Мать, со слезами, благословила ее Образомъ; Священникъ оислужилъ молебенъ; вся дворня пришла прощаться и провожать ее. Во всякомъ другомъ случаѣ, какъ эшо прощанье, такъ и то, что она вступаеиъ на поприще совсѣмъ новое, принимаетъ на себя обязанность весьма важную, должно-бы распрогашъ Елисавету; но она была въ какомъ-то очарованіи, ничего не чувствовала, равнодушно простилась съ матерью и сестрами, забыла даже поклониться Священнику и дворовымъ людямъ, и пода-ла торжественно руку своему мужу.

Сѣли въ карешу ; зазвенѣли колокольчики ; приспѣжныя завились ; пыль поднялась сполбомъ, и — гордо проскакали княжескіе экипажи мимо толпы народа , собравшагося изъ Надежина и другихъ деревень посмопрѣть на молодыхъ, и на экипажи ихъ.

Въ противоположность этому , нѣсколько крестьянскихъ пѣлегъ повезли приданое Кашеринны въ Пріюшово (такъ называлась деревня Аглаева). Шестъ разношерстныхъ, худыхъ лошадей запряжены были для молодыхъ въ спаромодную карешу Холмской. Но Кашерина съ чувствомъ молилась за молебномъ , со слезами приложилась къ Образу , пѣжно цѣловала руки у мачери, когда она благословляла ее, проспилась со всѣми дворовыми людьми и женщинами , и , въ одно время съ Княгинею Рамирскою, отправилась въ смиренный домикъ своего мужа. Аглаевъ, въ восторгѣ , что ѣдетъ съ молодою женою, не замѣшилъ разносши въ экипажахъ, и не видалъ соспрада-

нія , какое видно было на лицахъ дворовыхъ людей, при прощаньѣ.

На другой день Холмская опшправилась обѣдать въ Пріюшово къ Кашеринѣ, а Софья поѣхала къ Елисаветѣ.

ГЛАВА IV.

Чей скорбный духъ воспрянешъ къ Богу,
Кто вѣры пламенникъ зажжешь,
И бездны скользскую дорогу
Съ крестомъ Спасителя пройдеши,
Въ пучинѣ золь шовъ не погибнешъ...

И. Козловъ.

Холмская, по возвращеніи ошъ Агла-
евыхъ къ себѣ домой, почувсшвовала
тягоспнѣйшую грусь. Послѣ шума,
хлопотъ, безпреспаннаго развлеченія,
пригошовленій къ двумъ свашьбамъ, на-
спала шеперь въ домѣ ея глубокая ши-

шина : изрѣдка кашель, или нѣсколько словъ , раздававшихся въ дѣвичей и лакейской, да лаяніе, ласкавшейся къ ней, Болонской ея собачки напоминали спарушкѣ, что она не одна въ домѣ. Холмская ходила по всѣмъ комнатамъ, какъ будто опыскивая дочерей своихъ. Тоска и несносная пущоша вездѣ преслѣдовали ее.

Со слезами на глазахъ, ушла спарушка въ свою комнату, хошѣла чишать, взяла книгу, смотрѣла въ нее, но ничего не видала и не понимала. Ей предспавились всѣ обшояпельспва, шакъ скоро и неожиданно совершившагося замужспва двухъ ея дочерей. Хошя дѣло было кончено, и въ ушѣшеніе свое спаралась она увѣрять себя, что поправишь уже ничѣмъ не лзя, и, слѣдовашельно, позднее раскаяніе будетъ бесполезно; однакожъ, прошивъ воли, печалила ее мысль, что слишкомъ скоро и необдумавши согласилась она на бракъ Кашерины. Но можно-ли было прошивоспояшь

убѣжденіямъ и сильнымъ настойчиамъ любви и молодости ! — Впрочемъ , почему-жъ предполагашъ , что Кашерина будешь несчастлива ? Приданая ея деревня , вмѣстѣ съ частію , уступленною ей Елисаветною , можешь , если только Аглаевъ займется приведеніемъ въ устройсво имѣнія , давашь хорошій доходъ. Кашерина разсудительна ; ей было извѣстно , что выходишь она за небогаго человека ; сужденія ея были основательны ; она ясно видѣла , въ какомъ положеніи назначено ей провести свой вѣкъ. Образъ жизни , хозяйство , будущія занятія свои описывала она въ самомъ прелестномъ видѣ. Всѣ увѣряли , что Князь Рамирскій не оставишь Аглаева безъ пособія и постарается доставишь ему выгодное мѣсто. Хотя Холмская и замѣтила , что Князь былъ до сихъ поръ довольно холоденъ , и отдалялся отъ Аглаева , но онъ честный и добрый человекъ. Можно-ли , чтобы оставилъ онъ безъ вниманія столь близкихъ родныхъ ?

Въ такомъ отношеніи смотрѣла Холмская на положеніе Аглаева , когда оба зятя ея были еще женихами ; припомъже шумъ , множесство госпей , шипье приданого , приготовленія къ свадьбамъ , не оставляли ей ни одной минуы свободной.

Часто , въ продолженіе сего времени , Холмская , по цѣлымъ ночамъ , молилась со слезами Богу о счастіи дочерей. Упованіе на благоспѣ Божію и молишва подкрѣпляли ее. Мысль , что во всѣхъ случаяхъ жизни , и особенно въ супружесствѣ , всю надежду свою возлагаешь должно на милоспѣ Божію , успокоивала ее. Очень часто (разсуждала она) видимъ мы браки , при заключеніи копорыхъ , по всѣмъ вѣрояшносшямъ , должно-бъ было ожидать самой благополучной жизни , а напрошивъ того бывають они несчастливы. Внезапная болѣзнь мужа , или жены , смерть дѣшей , или какая нибудь перемѣна въ обстоятельствахъ , разрушають счастіе. Словомъ : вся человѣче-

ская премудрость ничтожна, и во всемъ должно полагаться на милосердіе Бога.

Такъ думала Холмская въ то время. Но теперь, когда осмалась она одна, и въ мрачномъ расположеніи духа, все предспавлялось ей въ прошивномъ видѣ. Она вспомнила, что кромѣ равнодушія Князя Рамирскаго къ Аглаеву, на предложеніе: ушвердишь усшунку Елисавешою часши ея въ пользу Кашерини, насшоящимъ акшомъ, опвѣчалъ Князь, что еще шерпишь время, и что онъ подумаетъ и сдѣлаетъ послѣ. Воспомианіе эшо засшавило Холмскую содрогнушься, и сильно укоряшь себя въ слабости своей. Сынъ ея, вышедшій въ то время изъ опеки, и посшупившій подъ попечительсшво, совсѣмъ не оправдалъ хорошаго мнѣнія мащери о добромъ сердцѣ его и привязанности къ сесшрамъ. Онъ оканчивалъ послѣдній курсъ въ Университетѣ, и находился во время помолвки сесшерь въ Москвѣ. Машъ, увѣдомляя его, что Кашерина выхо-

дишъ за небогатаго человека, присоеди-
 няла въ письмѣ своемъ , что она швердо
 увѣрена , въ добротѣ его , и въ томъ ,
 что когда онъ будетъ въ правѣ самъ
 располагать своимъ имѣніемъ , то не
 оставишъ сестры безъ помощи. Добрый
 Алеша отвѣчалъ двусмысленно , и дока-
 залъ на самомъ опытѣ , что не смо-
 пря на молодость свою, онъ имѣлъ оди-
 накія правила съ Княземъ Рамирскимъ: онъ
 ничего не обѣщалъ, и отвѣчалъ только ,
 что самъ будетъ. Однакожь , за нѣсколь-
 ко дней до свадьбы , прислалъ онъ на-
 рочнаго, съ письмомъ, что ему приѣхать
 не лзя. Письмо его заключало холодное
 поздравленіе сестрамъ. Проспо , безъ
 всякихъ причинъ , писалъ онъ , что на
 свадьбѣ ихъ быть не можетъ ; хвалилъ
 Елисавету , за сдѣланный ею выборъ ;
 подшучивалъ , совсѣмъ не побрашски ,
 надъ Капериною , что она выходитъ за
 спихотворца , у котораго ничего нѣтъ;
 говорилъ , что они отправляющіяся на
 Парнасъ , и представлялъ въ смѣшномъ

видѣ будущую ихъ жизнь. Письмо оканчивалъ совѣшомъ Софѣ: переселишься къ будущей Княгинѣ Рамирской, пошому, что у нея въ домѣ найдется скорѣе богатый женихъ.

Воспоминаніе объ эшомъ усилило грусть Холмской. Ей было досадно, что она оппустила опъ себя Софью. Твердый и основапелый разсудокъ Софьи, любовь къ ней и нѣжныя попеченія, неоднократно и прежде улаждали горестъ мапери. Холмская сожалѣла шакже, что уѣхала опъ Каперины: счастье эшой дочери, въ насшоящемъ ея положеніи, подкрѣпило и разсѣяло — бы мапъ, по крайней мѣрѣ, на нѣкопоре время.

Казалось, уныніе распроспранилось на всѣ окружающіе Холмскую предметы. Прежде слышала она въ домѣ своемъ повсюду веселыя восклицанія и смѣхъ; шеперь всюду, какъ ей казалось, было гробовое спокойствіе, и пишина въ ея комнацѣ прерывалась только еди-

нообразнымъ спукомъ маятника спѣнныхъ часовъ , умножавшимъ поску ея.

Холмская сидѣла въ глубокой задумчивости ; бывшая въ рукахъ ея книга упала на полъ ; она ничего не чувствовала, и слезы градомъ текли изъ глазъ ея. Въ это время человекъ вошелъ съ докладомъ, о приѣздѣ шариннаго , истиннаго друга Холмской, двоюродной сестры , Прасковьи Васильевны Свѣжской. Добрую Свѣжскую приглашали на свадьбу ; но она отвѣчала, что тогда будетъ тихо и шумно , а что она лучше явится въ Надежино , когда все разѣдущся, и тамъ болѣе, что въ то время Напалья Алексѣевна вѣрно больше обрадуется ея посѣщенію. Точно : съ сердечнымъ удовольствіемъ разговаривала ее Холмская, и поспѣшила сообщить ей все, что было на душѣ. Беседа съ другомъ , участіе, и хладнокровное возраженіе противъ опасеній о судьбѣ дочерей, облегчили и подкрепили Холмскую. Очень пріятно провели

спарыя подруги вечеръ, и расположились ѣхать вмѣстѣ въ Пріюшово, къ Аглаевымъ.

Прасковья Васильевна Свіяжская принадлежала къ сословію *пожилыхъ дѣвушекъ*. Хотя она и довольно поуспарѣла, но еще видны были оснанки прежней красоны ея. Она была ровнаго и шихаго харакшера, въ обращѣніи привѣплива, во всѣхъ поступкахъ и черпахъ ея лица видно было какое-то особенное *доброжелательство*. Это опличительное выраже-
ніе лица принадлежишь только жен-
щинамъ. Въ чемъ оно состоишь, объ-
яснишь не лзя; но на лицѣ муж-
чины почти никогда не увидишь до-
брожелательства. Удивлялись, что Сві-
яжская не за-мужемъ, шѣмъ-же болѣе по-
шому, что она была богаша, оспалась
еще въ молодыхъ лѣтахъ независи-
мою, и имѣла право сама распола-
гашь собою. Непредвидѣнныя препяшсшвія
положили преграду къ соединенію ея съ
однимъ человекомъ, къ кошорому чув-

спивовала она большую привязанность. Воспоминаніе о немъ предохранило Свіяжскую отъ супружества. Въ послѣдствіи времени много предсказывалось ей партій, но она отказывала, и приняла рѣшительное намѣреніе — никогда не выходить за-мужъ. Холмская воспитывалась въ домѣ ея родителей, и выросла вмѣстѣ съ нею; онѣ были истинными, неизмѣнными друзьями, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, и Свіяжская многими опытами доказала привязанность свою къ Холмской.

» Ты напрасно горюешь, и придумываешь Богъ знаетъ что, за шѣмъ, что-бы по пустому мучишь себя » — сказала Свіяжская. — « Разсмотри сама хладнокровно положеніе твоихъ дочерей. Князя Рамирскаго я не знаю; но ты говоришь, что онъ добрый человекъ. Состояніе у него большое, и въ этомъ важномъ отношеніи ты можешь быть увѣрена, что твоя Елисавета ни какого горя имѣть не будетъ. Аглаевъ

бѣденъ — но только по сра́вненію съ Княземъ Рамирскимъ. Впрочемъ, онъ имѣетъ изрядное состояніе, и ежели онъ и жена его благоразумно устроятъ себя, и не будутъ роскошны, то, получивъ мѣсто и хорошее жалованье, Аглаевъ можетъ жить порядочно. Припомъ же и впередъ надежда: богатый, холоспой дядя его, о которомъ ты мнѣ сказывала, также вѣрно что нибудь ему оставитъ. До сихъ поръ не понимаю — въ чемъ тебѣ раскаяваться, что ты позволила своей Капинкѣ выйти за Аглаева? Мнѣ кажется, счастье въ супружествѣ зависитъ болѣе отъ характеровъ и склонностей, чѣмъ отъ богатства или бѣдности. Капинка, о которой ты беспокоишься, любитъ жизнь тихую и уединенную. Не можетъ быть, чтобы зная такъ давно Аглаева, дочь своя не увѣрилась, что и онъ имѣетъ одинакія съ нею склонности. Онъ авторъ: жизнь уединенная и скромная вѣрно не будетъ тяготить

его. Елисавета веселаго характера, и любитъ разсѣяніе: соспоянiе позволишь ей вести такой образъ жизни; слѣдовательно, каждая изъ дочерей своихъ поставлена судьбою на своемъ мѣстѣ. Прочее зависишь отъ нихъ самихъ, и отъ обстоятельствъ, за которые никто отвѣчать не можетъ. Софья, моя фаворитка, надеюсь Но, я не знаю: не пожелаешь ли ей моего счастливаго соспоянiя — то есть, оспаться вѣкъ въ дѣвкахъ!»

— Спало бышь, ты полагаешь, что въ дѣвкахъ можно прожить счастливѣе, чѣмъ за мужемъ?

» Хотя ты можешь мнѣ сказать тоже, что Мольеръ въ своей комедіи: » Vous êtes orfèvre, Mr. Josse — Вы золотыхъ дѣлъ мастеръ, Г-нъ Жоссъ) . . . Но къ чему говоришь много? Ты сама была за-мужемъ. Отвѣчай сама себѣ, по совѣсти, на свой вопросъ.»

— Правда твоя — сказала Холмская, со вздохомъ. — Но примѣръ мой не можетъ служить общимъ правиломъ.

«И конечно—продолжала Свѣяжская.— Впрочемъ, слово: *счастіе*, есть выраженіе неопредѣленное. Всякій разсуждаетъ по своему о томъ, въ чемъ оно состоитъ. Счастіе такъ подвержено обстоятельствомъ и разнымъ случаямъ, что одна только опытность, кажется, даетъ средство утвердить его, открывая намъ, что счастіе зависитъ именно отъ насъ самихъ, и что, ежели какія-либо непредвидѣнные бѣдствія нарушаютъ его, то осмѣется намъ большимъ утѣшеніемъ, когда мы сами невиноваты. Примѣняя эту мысль къ нашему разговору, ты сама согласишься, что тебѣ рѣшительно не въ чемъ упрекать себя. Еще повторю: по всѣмъ вѣроятностямъ, ожидать должно, что замужство твоихъ дочерей будетъ счастливо. Ежели случится прошивное, ты не будешь виновата. Ты не уговаривала и не принуждала ихъ: онѣ сами выбрали, и ты, по разсудку, одобрила и утвердила ихъ выборъ.»

Бесѣда сія чрезвычайно облегчила Холмскую, и возвратила ей покойсвѣе, кошораго она совсѣмъ было лишилась. Подруги весело разошлись спать, и во снѣ предспавились Холмской дочери ея въ самомъ пріятномъ видѣ.

На другой день начались поздравительныя посѣщенія сосѣдей Холмской. Они хотѣли, кромѣ душевнаго желанія—поздравить почтенную сосѣдку, и провѣдать, зная, что ея дочери уѣхали и она осталась одна. Разумѣется: наспо-ящая цѣль посѣщеній была та, чтобы посмотрѣть, какіе подарки сдѣлали Холмской зящя, покрипиковать, посмѣяться, и попомъ рассказывать по своему, что слышали и видѣли. Эти госпи были весьма непріятны для Свіяжской и для Холмской, останавливая поѣздку въ Пріюшово, гдѣ ихъ уже ожидали. Русская пословица справедлива: не во вре-

мя госпѣ хуже Ташарина. Опѣ иныхъ госпѣ въ деревнѣ не лѣзя опѣдѣлашся, такъ, какъ въ городѣ, велѣвъ сказаши просто, что дома нѣтъ. Кромѣ убышка, пошому, что многіе прѣзжающъ съ кучею людей и лошадей, деревенскія посѣщенія нарушающъ обыкновенный образъ жизни, поспавляющъ хозяевъ въ запруднишельное положеніе занимать гостей, ш. е. или играшъ въ каршы, копорыхъ иные не любяшъ, или что нибудь болшаши. Не во гнѣвъ будь сказано, а, право, у насъ въ деревняхъ гораздо болѣе злословія и праздноспи, нежели въ городахъ, и — даже въ столицахъ.

Но обрашмся къ сосѣдямъ Холмской. Пожилыя дамы выхваляли благоразуміе Елисавешы. « Она сдѣлала прекрасную партію, » говорили онѣ, « вышла замужъ за челоуѣка знашнаго и богатаго, и вѣрно будешъ счастлива. » Напрошивъ того, молодыя дѣвушки, копорыя завидовали Елисавешѣ, и были на нее въ

досадѣ, восхищались поступкомъ Каперины, и превозносили его. Онѣ называли ее героинею, потому, что она, не смотря ни на что, сохранила твердо данное ею слово, предпочла любовь всему въ мірѣ, и рѣшилась соединить судьбу свою съ небогатымъ, но любезнымъ для нея человекомъ.

«Вотъ чувства прямо благородныя! Вотъ настоящая любовь!» — восклицала пожилая дѣвушка, Авдошья Павловна Фіалкина. — «И что значишь богатство, въ сравненіи съ истинною, спрашною любовью!» — Все это вздоръ — отвѣчала шепушка ея, Варвара Филоновна Хандрина. — Можно и съ большимъ состояніемъ любить другъ друга. Чувствительность, спрашная любовь — все это сущее сумасбродство!

Авдошья Павловна прибавила, съ нѣжнымъ вздохомъ, относясь къ Свіяжской, что она предпочла-бы пустыню, съ любезнымъ человекомъ, пышнымъ чертогамъ; что знатность и богатство —

ничпожны, и чпо одна шолько любовь дѣлаешъ насъ счаспливыми. Свіяжская посмошрѣла на нее, понюхала шабаку, и ничего не ошвѣчала на эшу напыщенную, обвешшалуу, шакъ называемую, *зувствительность*.

« Я думаю » — сказала мапъ Фіалкиной — « вашей Кашеринѣ Васильевнѣ не очень пріятно было видѣшъ, чпо сесприца ея ошправилась въ модномъ, ошкидномъ лондо, на прекрасныхъ лошадахъ, въ поже самое время, когда ей должно было ѣхашъ съ мужемъ въ вашей шаромодной карешѣ. Мнѣ рассказывали объ эшомъ ключница моя и кружевницы: онѣ просились у меня посмошрѣшъ, какъ поѣдушъ молодые. Я очень пожалѣла о Кашеринѣ Васильевнѣ. Впрочемъ, кпо знаешъ? Можешъ бышъ, дасшъ Богъ, и она будешъ счасплива. Только воля ваша, а мнѣ кажешся, какъ-шо спрашно выдавашъ дочерей! Я, можешъ бышъ, даже слишкомъ была разборчива, и ошказала слишкомъ многимъ женихамъ,

кошорые , въ другихъ семействахъ , вѣрно - бы съ удовольствіемъ были приняты. »

Холмская не могла удержаться , чтобы не посмотрѣть на Свіяжскую , которая еще прежде обратила глаза свои на худую , блѣдно-желтую Авдошью Павловну , приближавшуюся видимымъ образомъ къ прицѣпильному возрасту , а это была еще самая меньшая изъ юныхъ дочерей , сдѣлавшихся жертвами лишней разборчивости маменьки. . . .

Семейство Сундуковыхъ явилось послѣ всѣхъ , также поздравляя Холмскую. Тимоѣей Игнасьевичъ , съ женою и дочерьми своими , пріѣхалъ со всею шаринною , феодальною пышностію , въ опкидной , шестимѣстной каретѣ , въ 8-мъ лошадей. Но поздравленіе было не всѣмъ искреннее. Сундуковъ , и въ особенности супруга его , давно имѣли въ виду опдать за Князя Рамирскаго старшую изъ пяти взрослыхъ дочерей своихъ. Сосѣди начали было даже гово-

ришь , что Князь помолвленъ на Глафирѣ Тимоѳеевнѣ. Маменька была въ эшомъ почши увѣрена. Можно вообразишь , до какой степени была она взбѣшена внезапнымъ сватовствомъ и свашьюбою Елисаветы , кошорая , кромѣ того , что имѣла небольшое соспояніе , но , по мнѣнію Сундуковой , и лицомъ была гораздо хуже ея Глафирушки ! Не смотря на смуглыя лица , и большіе , безъ всякаго выраженія , глаза , Сундукова почишала дочерей своихъ красавицами , что впрочемъ и позволишельно матери. Сундукову шакже сперва было досадно , что у нихъ отбили жениха , но онъ вскорѣ ушѣшился мыслию , что дочери его богаты , и вѣрно найдутся имъ паршіи не хуже Князя Рамирскаго. « Ну , любезная сосѣдка ! » — сказалъ онъ Холмской — « Елисавета Васильевна отбила у насъ женишка. Мы было прочили за него вошь ее (показывая на дочь свою Глафиру) , и , казалось , дѣло совсѣмъ было сладилось ; но видно ваша дочка

показалась ему лучше. Теперь все кончено. Дай Богъ имъ совѣшъ, да любовь. Я нисколько не сержусь. На все судьба. »

— Кажешся, совсѣмъ и не за чпо сердишься — возразила Глафира, повертываясь на спулѣ, съ досадою и неперпѣніемъ. — Я опвѣчала-бы вамъ поже, что гораздо прежде объявила самому Князю, по еспъ — совсѣмъ пропивное тому, что вы думали.

« Удивляюсь, съ чего пришелъ тебѣ въ голову такой вздоръ » — сказала Сундукова, покраснѣвъ опъ досады. — « Дочери мои получили воспишаніе, имѣющъ таланты и хорошее приданое. Онѣ найдущъ жениховъ, и безъ твоего спраннаго свашовспва. Ежели — бы Князь Рамирскій былъ и гораздо искапельнѣе, и поспояннѣе въ желаніи своемъ войдпи въ наше семейспво, то и тогда получиль-бы навѣрное опказъ. Дочерямъ моимъ внушено съ малолѣпства, что не одно только богатспво нужно для сча-

спливой жизни, а характеръ Князя Бориса Матвѣевича извѣстенъ... Ахъ! извините — я совсѣмъ забыла...»

Холмская ни мало не обидѣлась и несколько не потревожилась такою неумѣстной выходкою Сундуковой. Злоба, зависть и желаніе кольнуть были слишкомъ очевидны, и ничего, кромѣ презрѣнія, не заслуживали.

«Имѣете-ли вы извѣстія о нѣ молодыхъ?» — продолжала Сундукова, обращаясь къ Холмской, для того, чтобы переменить предметъ разговора, и не дожидаясь отвѣта, она прибавила: «Я думаю, вашей Каперинѣ Васильевнѣ было непріятно, что состояніе мужа не позволило и ей также ѣхать веселиться въ Москву? И по правду сказать: она хорошо сдѣлала. По возвращеніи домой, положеніе ея казалось-бы ей тягоспѣе; да не лзя-же всѣмъ невѣстнамъ безъ приданаго выходить за богатыхъ!»

— Однакожъ нѣтъ правила безъ исключенія — возразилъ Сундуковъ, желая нарочно кольнуть свою жену: и дома, и въ гостяхъ, онъ безпрестанно ссорился и перебранивался съ нею. — Ты видишь по замужеству Елисаветы Васильевны, что красота и любезность побѣдили богапство.

Сундукова хотѣла опвѣчать, но закусилась губы и удержалась. Глаза ея налились кровью; на лицѣ выступили багровыя пятна отъ злобы. Посѣщеніе эшихъ гостей, пріѣхавшихъ бранишься и говоришь колкости другъ другу, было для Холмской весьма непріятно. Къ счастью, они вскорѣ оставили ее въ покоѣ. Послѣ нѣсколькихъ минушъ молчанія, Сундукова повпорила съ холодноспію поздравленіе Холмской, вспала, расцѣловалась, и, въ сопровожденіи дочерей своихъ, вышла изъ гостиной. Мужъ оспался еще на нѣсколько минушъ, чшобы пригласишь хозяйку и Свіяжскую къ себѣ на именины. Тупъ изъ лакей-

ской раздался голосъ жены его , что
пора ѣхать , и что она его дожидает-
ся. Мужъ и жена начали бранишься и
снова говоришь колкостями другъ другу ,
когда сѣли въ карету у крыльца , а о-
кончили ихъ уже дома, когда разошлись
спать. Такой примѣръ родителей пред-
вѣщалъ дочерямъ, что и онѣ , со вре-
менемъ , если выйдутъ за-мужъ, будутъ
премилыми женами.

ГЛАВА V.

« I rejoice , that the person , who
« it was my duty to love, good or bad
« is such , that I can love him , with a
« willing mind. »

ADDISON.

« Я счастливъ, что та особа, ко-
« торую я обязанъ любить, какія-бы
« она ни имѣла свойства, точно
« любви достойна.»

АДДИСОНЪ.

Безполезно рассказывать, что Агла-
евы были въ полной мѣрѣ счастливы. —
Но долго-ли это продолжилось? Черезъ
нѣсколько дней послѣ свадьбы ничего
вѣрнаго предположить нельзя. Свѣж-

ская, какъ шепка ихъ, и другъ машери, принята была съ уваженіемъ и радостію. Она привезла молодымъ, въ подарокъ на новоселье, не модныя бездѣлки, а вещи, копорыя никогда цѣны своей не теряютъ: серебряныя, чайный и столовый, приборы, прекрасной работы.

Для молодой хозяйки все еще было ново: она водила госпей своихъ по дому, изъ комнапы въ комнапу, рассказывала, какъ все удобно и хорошо расположено, и какія перемѣны и переспройки должно будетъ еще сдѣлать.

Свѣяжская совсѣмъ не знала Аглаева. Теперь, она разсмапривала его внимательнo, наблюдала за нимъ впайнѣ, и вскорѣ замѣпила, что онъ довольно легкомысленъ, но въ жену свою влюбленъ спраспно. Лишь только Кашерина предлагала что нибудь, Аглаевъ, не давъ ей даже досказать, потчасъ соглашался, и находилъ, что мысль ея прекрасна.

«Вопъ здѣсь, милый другъ мой» — говорилъ Аглаевъ — «мы выломаемъ спѣну,

и изъ этой комнашы выйдепъ прекрас-
ный для шебя кабинетъ. Далѣе пристро-
имъ маленькую оранжерею , и цвѣпоч-
ную , такъ , чшобы ходъ былъ прямо
изъ швоего кабинета. Посрединѣ сдѣ-
лаемъ пшичникъ : мы охопница до ка-
нареекъ , и мы разведемъ ихъ. Прекрас-
ный запахъ ошъ цвѣшовъ , зеленыя де-
ревья въ оранжереѣ — все это будепъ
прелесшно , и зимою , среди прескучихъ
морозовъ , мы будемъ жишь , какъ буд-
шо на Югѣ. Эшъ птяжелыя , толсныя
колонны слѣмаемъ , и сдѣлаемъ легкй ,
чугунный балконъ. Много заняпй и ра-
бошы намъ будепъ ; по крайней мѣрѣ ,
года два надобно будепъ упошребить
на пересройки.»

— И швой кабинетъ , дружочикъ мой,
должно также совсѣмъ передѣлать вновъ—
говорила Каперица. — Онъ мнѣ кажет-
ся шемень. Надобно сдѣлать Ишальян-
ское окно , и дверь , чшобы ходъ былъ
прямо ошъ шебя въ садъ. Шкафы , для
книгъ швоихъ , не очень красивы ; писъ-

менный споль также малъ ; сверхъ
шого. . . .

» Я слышала » — прервала разговоръ
ихъ Свіяжская , съ важнымъ видомъ —
« чшо вы ищете мѣста , а когда будете
опредѣлены , то надобно оставишь де-
ревню. »

— Конечно правда — ошвѣчалъ Агла-
евъ. — Но пока мѣспъ я получу мѣсто ,
должно шакъ устроишь , чтобы жишь
было спокойно. Пришомъ-же , еще Богъ
знаешъ , когда буду я опредѣленъ ; ду-
маю даже : не лучше-ли мнѣ ошашься
въ деревнѣ , и пустишь въ какіе ни-
будь оборошы , чшобы улучишь свое
состояніе ?

Холмская улыбнулась , и совѣшовала
не спѣшишь , обдумываешь свои пред-
пріятія , бышь ошпорожну , и не забы-
ваешь , что безъ неусыпной дѣятельно-
сти всякіе оборошы принесушь не ба-
рышь , а убытокъ. Свіяжская , хошя за-
мѣчала излишнюю пылкость и недо-
спашокъ разсудительности въ Агласевѣ ,

но, не бывъ коропко знакома съ нимъ, не рѣшилась говорить ему прямо. Она хотѣла сообщить замѣчанія свои Холмской, предостеречь ее, и посовѣтовавъ принять всѣ мѣры, чтобы остановить при самомъ началѣ наклонности Аглаева къ пустымъ издержкамъ, которыя могутъ не только разсироить, но и совсемъ раззорить его. Что касается до Капириной, то Свѣжская нашла домашнее хозяйство ея въ такомъ оплчномъ порядкѣ, и такъ все хорошо было устроено, не смотря на недавнее всупленіе Капириной въ домъ мужа, что если, въ послѣдствіи времени, Аглаевы разспроятся — думала она — то не Капирину должно будетъ винить въ этомъ. О мужѣ ея была она совсемъ прошивнаго мнѣнія.

Заключеніе свое сдѣлала Свѣжская не по одному первому посѣщенію: оно было слѣдствіемъ наблюденій ея за Аглаевымъ. При томъ-же, не хотѣлось ей только огорчить Холмскую, рассказавъ слышанное ею

въ Москвѣ, въ то время, когда она получила письмо о помолвкѣ Каперины. Ей говорили, что Аглаевъ вѣтренъ, мошовавшъ, любишъ карпы, и уже много проигралъ. Она думала, что все эшо пусшыя слухи. Теперь на опышѣ увѣрилась Свіяжская, что слышанное ею — едва-ли не было справедливо.

Въ продолженіе сего времени, часпо получали извѣстія опъ Елисавешы и Софы, изъ Москвы. Письма Княгини Рамирской наполнены были изъясненіями чрезвычайнаго ея благополучія. Она говорила, что нѣтъ женщины счастливѣе ея, во всемъ мірѣ; описывала крошоснь и угодливоснь своего мужа, и прибавляла, что къ полному ея удовольствію недосшаешъ только того, чтобы маменька и сеспра Капинька были свидѣтелями ея благополучія. Балы, визишы, наряды, ласковоснь родныхъ Князя Рамирскаго, его нѣжное вниманіе — все, въ подробноспи, было описано. Письма Елисавешы адресованы были къ машери,

и Софья писала опъ себя особенно къ Каперинѣ, слѣдующее:

« Я должна откровенно сказать те-
 « бѣ мнѣніе мое о нашемъ Князѣ Бо-
 « рисѣ Машвѣевичѣ, хотя навѣрное ни-
 « чего еще утверждать не лзя, и, мо-
 « жетъ быть, скоро сообщу тебѣ, что
 « я ошиблась. До сихъ поръ кажется
 « мнѣ, что нашей Лизанькѣ надобно бу-
 « деть имѣть необыкновенную твер-
 « досць, и сохранить врожденную свою
 « веселость, чтобы привыкнуть къ стран-
 « ному характеру своего мужа. Пока-
 « жется, онъ еще очень угодливъ, испол-
 « няетъ всѣ ея, иногда весьма необду-
 « манныя желанія; но, кажется мнѣ,
 « что въ самомъ согласіи его видна ка-
 « кая-то принужденность и *фальшивость*,
 « доказывающія, что онъ совсѣмъ-бы
 « иначе поступалъ, ежели-бы не было о-
 « бычая — сначала супружества угож-
 « дая молодой женѣ. Припомъ, можетъ
 « быть, онъ боится, что его назовутъ
 « скупцомъ, или совѣспился сестры и

« родныхъ своихъ ; но я уже замѣтила ,
 « что онъ пягопишся, и , покамѣспъ еще
 « про себя , ворчишъ на большія издерж-
 « ки жены своей. Видно внутреннее бо-
 « реніе скупоспи съ желаніемъ казашься
 « роскошнымъ. До сихъ поръ наша мо-
 « лодая покупашъ безпреспанно все ,
 « что ей понравишся. Ежедневно пуше-
 « шеспиуешъ она на Кузнецкій мосшъ ,
 « и мнѣ , прошивъ воли моей , надарила
 « множеспиво нарядовъ. Самъ-же знашый и
 « великолѣпный нашъ зяшъ , къ счаспию ,
 « не шакъ щедръ. Кромѣ подарка , сдѣ-
 « ланнаго, по обыкновенію, послѣ свапиь-
 « бы , ничего болѣе онъ не даришъ , и я
 « эшому чрезвычайно рада , пошому ,
 « что неприятно бышъ обязанною чело-
 « вѣку , котораго уважашъ и любишъ ,
 « какъ роднаго брата , я не могу,

« Мы живемъ здѣсь довольно весело.
 « Сами выѣзжаемъ, и къ намъ многіе ѣз-
 « дяшъ. Кромѣ шого , что я пользуюсь
 « любимымъ моимъ удовольспвіемъ: ѣз-
 « жу часто въ Театръ, мнѣ удалось бышъ

« и на нѣсколькихъ балахъ. Графиня Ав-
 « дошья Машвѣевна Хлеспнова (родная
 « сеспра Князя Рамирскаго) давала ,
 « нарочно для молодой , праздникъ. Мно-
 « жество было гостей , и такая шѣсно-
 « ша , что нѣгдѣ было повернуться. Но,
 « или я зажилаь долго въ деревнѣ и
 « ошвыкла , или , въ самомъ дѣлѣ — ны-
 « нѣшніе балы очень скучны. Вообрази
 « себѣ , что кошильоны , мазурки , или ,
 « шакъ называемые , попури , по ешь ,
 « смѣсь всѣхъ танцевъ , продолжающіяся
 « иногда часа по два ! Всѣ садятся въ
 « кружокъ на стульяхъ , и , поочередно ,
 « или вальсируютъ , или просто ходятъ
 « въ мазуркѣ. Сзади танцующихъ сидятъ
 « маменьки и пепиньки : невозможно ни
 « куда уйти , и шѣмъ избавишься отъ
 « слушанья глупостей и вздора , иногда
 « не весьма умнаго , кавалера своего.
 « Такая неволя наводитъ , по крайней
 « мѣрѣ на меня , несносную шоску. Видѣ-
 « ла я шакже еще одну модную забаву —
 « живыя картины. Лизанька была сама

« дѣйствующимъ лицомъ. Она представ-
 « ляла Королеву турнира; передъ нею
 « стоялъ на колѣняхъ рыцарь-побѣдитель,
 « котораго она увѣнчивала. Побѣжден-
 « ные находились въ разныхъ положеніяхъ.
 « Видъ былъ почно прелестный, и Лиза-
 « нка, высокимъ своимъ ростомъ, строй-
 « ностью талии, и прекраснымъ костю-
 « момъ, обратила на себя общее вниманіе.
 « Повсюду раздавались восклицанія: « Ка-
 « кая прелестная женщина! Кто это?...
 « Многіе еще въ первый разъ видѣли ее.
 « Съ замѣшнымъ удовольствіемъ внималъ
 « мужъ ея такимъ восклицаніямъ, и, вѣ-
 « рояшно, нѣсколько успѣшилъ въ издерж-
 « кахъ на ея туалеты для этой карни-
 « ны. Вообрази, что костюмъ ея сто-
 « илъ болѣе 500 рублей! Меня также
 « приглашали взять роль, но я рѣшише-
 « льно отказалась. У меня недоспало-
 « бы духа представать на сцену, въ боль-
 « шомъ собраніи незнакомыхъ мнѣ лю-
 « дей; при томъ-же безразсудно было-бы,
 « при нашемъ состояніи, спрашивать

« деньги по пустому на плащъ , копо-
 « рое послѣ надобно кинушь.

« Должно пересказать шебѣ комическую
 « сцену , случившуюся въ шопъ вечеръ,
 « хотя сцена эша , какъ говоряшь , едва-
 « ли не кончися весьма непріятнымъ ,
 « прагическимъ происшествіемъ. Одна
 « злополучная (Княгиня Альцесшова, какъ
 « я узнала послѣ) предсшавляла въ живыхъ
 « карпинахъ Дидону. Ей должно было
 « сшояшь неподвижно ; но , къ несча-
 « сшю , въ самое шо время , когда она
 « крылся занавѣсъ , никакъ не могла она
 « удержашься опъ чиханья и кашля. На-
 « добно-бъ было опустить занавѣсъ , и
 « пѣмъ-бы все кончилось ; но , какъ буд-
 « шо нарочно , не могли опыскашь распо-
 « рядишеля праздника. На сценѣ сдѣлалось
 « смяшеніе , занавѣсъ не закрывался , а
 « несчастная Дидона продолжала чихашь
 « и кашляшь. Ты можешь себѣ предсшавишь ,
 « какой всеобщій смѣхъ раздался по за-
 « лѣ ! Эшо шакъ смѣшало и поразило
 « Дидону , что она упала въ обморокъ.

« Мужъ ея , бывшій въ числѣ зритель ,
 « и сидѣвшій назади , располкалъ всѣхъ ,
 « вскочилъ на сцену , и на рукахъ своихъ
 « вынесъ ее въ другую комнату. Опом-
 « нившись опъ обморока , она потчасъ
 « уѣхала домой , и теперь ей , бѣдной ,
 « никуда показаться не лзя : ее иначе
 « не называютъ въ обществѣ , какъ
 « *тихающею Дидою*. Сколько было раз-
 « ныхъ полковъ и слуховъ объ этомъ ,
 « точно можно сказать , несчастномъ
 « происшествіи ! Всякій рассказываетъ по
 « своему. Между прочимъ слышала я , что
 « будто открываешь самая дерзкая злоу-
 « мышленность. Наглый шалунъ *Эней* ,
 « говоряшъ , былъ влюбленъ въ Княгиню
 « *Альцесову* , свашался , получилъ опъ
 « казъ , и вздумалъ опмстить ей такимъ
 « гласнымъ посрамленіемъ. Передъ самымъ
 « поднятіемъ занавѣса , бросилъ онъ на
 « воздухъ горсть крѣпкаго нюхательна-
 « го табаку , и , какъ утверждающъ ,
 « уговорилъ распорядителя праздника
 « нарочно уйдши на это время со сцены.

« Взбѣшенный мужъ , сказывающъ , хо-
 « чешъ вызвапъ на дуэль обоихъ дерз-
 « скихъ шалуновъ. Но къ чему приведетъ
 « дуэль? Альцеспова уже на вѣкъ сохра-
 « нишь названіе *гигающей Дидоны*.

— « Мнѣ кажется странно , что всѣ
 « такого рода увеселенія : благород-
 « ные спектакли , шарады въ дѣйствіи ,
 « живыя картины , сюрпризы , почти все-
 « гда оканчивающіяся какимъ нибудь не-
 « удовольствіемъ. При мнѣ рассказывала
 « одна , незнакомая мнѣ дама , что въ
 « какомъ - то городѣ случилась , при
 « представленіи живыхъ картинъ , со-
 « всѣмъ неожиданно , большая непріят-
 « носъ , копорую съ трудомъ могли
 « окончить миролюбиво. Передъ началомъ
 « представленія былъ Прологъ , въ копо-
 « ромъ хошѣли сказапъ нѣсколько ком-
 « плиментовъ дамамъ , взявшимъ на себя
 « роли — хвалили , разумѣется , ихъ кра-
 « сопу ; но чпобы и зрительницы не
 « обидѣлись , сказано было и на ихъ счешъ
 « нѣсколько привѣтствій ; въ эпомъ-же

« опношеніи упомянули въ Прологѣ о
 « дамахъ , копорыя опказались опъ
 « учаспія въ предспавленіи , назвавъ и
 « ихъ по именамъ. Разсказывавшая намъ
 « дама ушверждала , что точно не имѣ-
 « ли въ виду — и это весьма вѣрояпно —
 « не только оскорбленія ихъ , но , на-
 « прошивъ , думали оказашъ вѣжливоспъ ,
 « и сказанное на ихъ счешъ въ
 « Прологѣ : жестокосердыя красавицы ,
 « слѣдовало имъ приняшъ за компли-
 « меншъ. Но все исполковано было въ
 « прошивномъ смыслѣ : многіе перессо-
 « рились между собою , и даже доходи-
 « ло было до дуэлей. Насилу , кое-какъ
 « уладили и помирились ; но нѣсколько
 « старинныхъ дружескихъ связей раз-
 « рушилось навсегда черезъ эшопъ не-
 « удачный Прологъ.

« Всякій имѣешъ свой образъ мыслей,
 « и смотришъ на вещи по своему. Я
 « еще повшорю : мнѣ кажется , что жен-
 « щинѣ надобно вооруишъя необыкно-

« вннымъ мужесвомъ , рѣшившись вы-
« ставить себя на показъ , при множе-
« ствѣ незнакомыхъ ей людей. Обраща-
« юсь опять лично къ себѣ. Ты сама
« знаешь , что разсѣянная жизнь мнѣ
« всегда скоро надоѣдаетъ , и остав-
« ляетъ въ душѣ какую-то тягостную
« пустоту. Мнѣ очень не хочется ѣхать
« съ нашими молодыми, въ ихъ Николь-
« ское , деревню Князя Рамирскаго , гдѣ
« гостоваясь весьма большіе праздники.
« Очень-бы желала я поскорѣе къ вамъ ;
« особенно-же съ шѣхъ поръ , какъ я
« узнала , что пепушка Прасковья Ва-
« сильевна приѣхала въ нашу сторону.
« Съ удовольствіемъ гостова опказанъ-
« ся , и не быть свидѣтельницею тор-
« жественнаго прибытія молодыхъ въ
« ихъ великолѣпные чершогі , въ Николь-
« скомъ. О заведеніяхъ своихъ , о ка-
« менномъ большомъ домѣ , о садѣ , раз-
« сказываетъ часто Князь Борисъ Маш-
« вѣвичъ , съ особенною охотою. Ли-
« занька наша напередъ восхищается ,

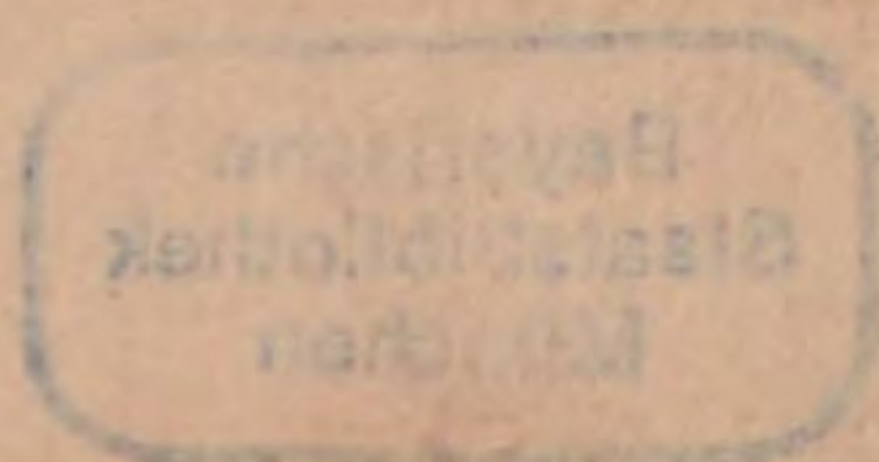
«воображая себѣ, какъ приѣдушъ къ
 «нимъ сосѣди, и какъ она будешъ при-
 «нимаешь и угощаешь ихъ. Она убѣди-
 «тельно просишь меня ѣхать съ нею;
 «но мнѣ въдесять разъ было-бы пріят-
 «нѣе поскорѣе съ тобой увидѣться.
 «Скромный, небольшой вашъ домикъ,
 «простоша въ обращеніи, непришвор-
 «ная веселость своего мужа, свое
 «счастье, и вообще вашъ образъ жизни,
 «гораздо приличнѣе и ближе къ моимъ
 «сердечнымъ /склонностямъ, нежели высо-
 «комѣріе, напыщенность и принужден-
 «ная улыбка высокопочтеннаго и над-
 «меннаго Сіяшельства, Князя Бориса
 «Машвѣевича »

Такого мнѣнія была Софья о знашномъ
 зятѣ своемъ, но она просила Каперину не
 показывать писемъ ея матери, «потому
 «что,» прибавляла Софья, «я еще не
 «такъ хорошо узнала характеръ Кня-
 «зя, и, можетъ быть, ошибаюсь въ мо-
 «емъ заключеніи. Зачѣмъ-же, безъ вся-

«кой нужды и преждевременно, трево-
«жишь маменьку?» Въ письмахъ своихъ
къ мапери, сообщала Софья полько,
что ей весело; описывала, съ кѣмъ
изъ старыхъ знакомыхъ встрѣтилась,
у кого была, и проч.

Черезъ нѣсколько дней, послѣ полу-
ченія Капериною письма опѣ Софьи,
молодые наши, а также и Софья, со-
всѣмъ неожиданно, приѣхали изъ Мо-
сквы къ мапери, въ Надежино. Князь
Рамирскій, по убѣдительной просьбѣ
жены своей, согласился *сдѣлать сюр-
призъ* спарушкѣ, и, вмѣстѣ съ шѣмъ,
дославивъ сеспрамъ удовольствіе по-
видашья съ брашомъ, который при-
ѣхалъ тогда, на короткое время, изъ
сшешныхъ деревень своихъ. Софья,
сверхъ того, имѣла большое желаніе
видѣшья поскорѣе съ крешною своею
маперью, Прасковьею Васильевною Сви-
яжскою: она уважала ее, и была при-
вязана къ ней, еще изъ дѣшства. Агла-

евы пошчасъ явились, узнавъ о приѣздѣ
сесперъ, и Холмская, среди всего се-
мейства своего, видя кругомъ себя
милыя для нее, довольныя и веселыя
лица, была въ полной мѣрѣ счаст-
лива.

ГЛАВА VI.

« Femmes , n'aspirez point à l'em-
« pire ; obtenez le crédit. »

ST. LAMBERT.

« Женщины ! старайтесь не вла-
« ствовашь , но пріобрѣсть довѣ-
« ренность. »

СЕНЬ-ЛАМБЕРТЬ.

Во время бытности Софьи въ Москвѣ, предсталъ къ мамери ея , совсѣмъ не-
ожиданно , чудесный женишокъ , ближ-
ній сосѣдъ Аглаева , опсавной 14-го
класса чиновникъ , Князь Яковъ Сер-
гѣевичъ Спаровѣковъ. Онъ былъ чело-

вѣкъ молодой, не дурень собою, имѣлъ порядочное соспояніе: все это хорошо. Но самыя главныя и сущесствєнныя достоинства его соспояли въ томъ, что онъ былъ, за непоняшливость къ наукамъ и совершенную неспособность, выпущенъ съ 14-мъ классомъ изъ Кадетскаго Корпуса, былъ въ гласной враждѣ и ябедническомъ процессѣ съ родными братьями, обходился дурно съ своими крестьянами, велъ какой-то странный образъ жизни, ни съ кѣмъ не былъ знакомъ, и, какъ носился слухъ, не рѣдко пилъ запоемъ. Онъ часто видалъ Софью у обѣдни, въ приходской своей церкви; Софья давно ему нравилась, но никакъ не собралъ онъ до того времени смѣлости—попросить кого нибудь, чтобы его познакомили въ домѣ Холмской.

Всегда, послѣ обѣдни, Князь заходилъ на рюмку ерофеича къ Священнику, и шѣща Священника, старая попадья, замѣшивъ привязанность Его Сіа-

шельства къ Софѣ, взялась хлопотать за него. Она была имъ уполномочена, и пошчасъ, въ видѣ свахи, оправила къ старой Холмской. Прежде всего, разумѣется, объяснила сваха: сколько за Его Сіяпельствомъ душъ, земли, лѣсу, покосовъ, лошадей, рогашаго скоша и овецъ; далѣе пересчитала все серебро его, въ разныхъ издѣліяхъ. Вообще увѣряла она, что у Князя видимое и невидимое множество разнаго богатства. Попомъ, слегка, коснулась нравственныхъ его свойствъ. «Правда — сказала сваха — «Его Сіяпельство немного своеобразно, и не такъ-то хорошо обходится съ своими людьми; но какъ-же бытъ, мапушка? Людямъ надобенъ страхъ. — Шила въ мѣшкѣ не скроешь», прибавила сваха. — «Вы вѣрно извоили слышать, что Его Сіяпельство иногда также придерживается рюмочки, и что у него много сударокъ. Нѣчего грѣха таить — и это все правда; но молодая жена, такая

разумница, какъ Софья Васильевна, оспановишъ его опъ всякаго художества. А она пакъ-то ему приглянулась, что не смошря на княжесство и богатество свое, и спишъ и видишъ Князь какъ-бы на ней женишся.» Холмская насилу могла удержашъ негодованіе свое, пошому, что дурная нравственностъ, сумазбродство и глупостъ эшого 14-ти класснаго Князя были слишкомъ гласны. Свіяжская замѣшила, что Холмская краснѣетъ опъ досады, и пошому приняла на себя шрудъ опвѣчашъ свахѣ. Она просила поблагодаришъ Князя за честъ, и сказашъ, что Софья Васильевна слишкомъ еще молода, и что нескоро расположены опдавашъ ее за мужъ.

Въ то-же время, когда попадашъ пакъ удачно исполняла свое порученіе, женихъ, бывъ увѣренъ изъ словъ красно-рѣчивой свахи, въ нешремѣнномъ успѣхѣ, опсправился, по совѣшу ея, рекомендовашъ себя, какъ уже близкаго

будущаго родню, къ сосѣдямъ своимъ Аглаевымъ. Они съ изумленіемъ услышали о предложеніи его. Каперина вспыхнула отъ досады; но удержалась, и, какъ будто предвидя отвѣтъ, сдѣланный свахѣ, поже сказала Князю, что Софья еще очень молода, и ей извѣстно навѣрное, что маменька не отдастъ Софьи теперь, шѣмъ болѣе пошому, что она осталась у нее одна дочь при ней.

Топчасъ, по отъѣздѣ Князя, Аглаевъ съ женою отправился къ мамери. Въ смѣшномъ видѣ разсказалъ онъ о предложеніи и рекомендаціи Князя Сшаровѣкова, представлялъ въ лицахъ всю сцену, передразнивалъ, говорилъ его языкомъ: всѣ отъ души смѣялись.

«Да что это за чудакъ?» — спросила Свіяжская. — «Я давно слышу объ его проказахъ; онъ-же еще, говоряшъ, при всей глупости своей, большой ябедникъ. Прежде мало интересовалась я знать подробности его жизни;

пепері-же пришлось ксташи. Расскажи
мнѣ, Пепръ Ѳедоровичъ, объ эпомъ
прелеспномъ женишкѣ нашей Сонички.
Вошъ какую чудесную побѣду она сдѣ-
лала, совсѣмъ не думавши!»

Трое брашьевъ, Князья Спаровѣко-
вы — сказалъ Аглаевъ — точно не-
обыкновенное явленіе въ наше время.
Они служатъ доказательствомъ, что
не смотря на всѣ усилія благонамѣрен-
наго Правительсва о распространеніи
общаго просвѣщенія, во всѣхъ сослоя-
ніяхъ, и пѣмъ болѣе въ дворянскомъ
сословіи, сохранились еще у насъ —
хотя, благодаря Бога, весьма немно-
гіе — оспашки нравовъ и обычаевъ,
надъ кошорыми, въ свое время, за-
бавлялись, кошорые обнаруживали и
предавали общему посмѣянію — Великая
Екашерина, въ своихъ комедіяхъ, Из-
дашли прекрасныхъ и оспроумныхъ
Журналовъ *Живописца* и *Всякой всячины*,
Фонъ - Визинъ, въ безсмерпномъ *Недо-*
рослѣ, и, безъ малаго лѣшъ 40 тому,

Крыловъ и Клушинъ въ *Зрителѣ*. Впрочемъ, эти несчастные Князья не виноваты: папенька воспиталъ ихъ въ нравахъ 45-го столѣтія. Спарикъ недавно кончилъ жизнь, и заслуживаетъ вниманіе, какъ чудесный феноменъ въ моральномъ мірѣ. Надобно дать вамъ нѣкоторое понятіе объ немъ самомъ. — Послѣ отца доспалось ему большое состояніе, и множество денегъ. Началъ онъ, казалось, весьма романически: послѣ смерти родителей своего вздумалъ жениться на бѣдной сиротѣ, воспитанной въ ихъ домѣ; но желалъ, чтобы невѣста его соединилась съ нимъ брачными узами не иначе, какъ дозволить себя увезти. Онъ подспавилъ лѣсшницу къ ея окошку, и наспояшелоно требовалъ, чтобы она избрала сей путь: иначе никакъ не хотѣлъ онъ жениться. Восмеркою въ каретѣ проскакалъ онъ верстъ 20, и обвѣнчался тайно, въ чужомъ приходѣ. Онъ ни ошъ кого не зависѣлъ, ему не было нужды

скрывапсья, и сумазбродство его въ семъ случаѣ непоспѣжимо. Но можно-ли было ожидать, послѣ такого романческаго вступленія въ супружество, слѣдствій совершенно противоположныхъ! Вообразите себѣ, что изъ всего огромнаго дома своего избралъ онъ одну самую дурную комнату, въ верхнемъ этажѣ, гдѣ была вощинная контора при его опцѣ. Тридцать лѣтъ нигде почти не выходилъ онъ изъ этой комнаты. Безпечность его прогрессирула до такой степени, что не только все было разсорено изъ дома дворовыми его людьми, но онъ равнодушенъ былъ и къ тому, что они выломали всѣ полы, и даже подлѣ той комнаты, гдѣ онъ имѣлъ всегдашнее свое пребываніе. Время свое Князь проводилъ слѣдующимъ образомъ. Онъ взялъ въ управители пьяницу, небогатаго дворянина, соседа своего. Всякій день ѣздили они въ гости другъ къ другу, по еснѣ: въ комнату, по угламъ,

опредѣлили они свои дома; на каждомъ окошкѣ были назначены поспоялые дворы, или жишельство котораго либо изъ сосѣдей. Съ ушра поспавлены были на окошкахъ и по угламъ ерофеичъ, разныя водки, наливки, пиво, икра, вешчина, полошки, и всякаго рода закуски и напипки. День начинался шѣмъ, что каждый, выпивъ въ своемъ домѣ, по два, или по три спакана сбишню, съ перцомъ и съ водкою, пускался въ путь, въ гости одинъ къ другому. Собесѣдники останавливались на каждомъ перепутьѣ, и довершали дѣло въ гостяхъ, выпивъ по нѣскольку спакановъ пуншу, и оканчивая шѣмъ, что обоихъ, мершвецки пьяныхъ, клали ихъ безъ чувствъ въ постели. *Похищенная героиня*, жена Князя, съ горя, опъ шакого образа жизни мужа, лишилась ума. Можно вообразить: какое воспитаніе получили дѣти опъ пьянаго опца и сумасшедшей матери! Они жили на своей волѣ, въ особомъ людскомъ

Флигелѣ, безъ всякаго надзора, и были несчастнѣе дѣшей послѣдняго изъ слугъ своихъ, попому, что объ нихъ рѣшительно никто не имѣлъ никакого попеченія. Надъ двумя старшими сжался Предводитиель, взялъ ихъ изъ родитиельскаго дома, и опредѣлилъ въ Кадетскій Корпусъ. Меньшаго, семилѣтняго мальчика, хошѣлъ онъ также, года черезъ два, опдашь шуда-же; но, къ несчастію, вскорѣ эшопъ почтенный человекъ умеръ; мѣсто его замѣнилъ нынѣшній представитиель нашего сословія, кошорый хлопочепъ только объ одномъ себѣ. Злополучный Князекъ дошелъ наконецъ до того, что весь гардеробъ его, и зимній и лѣтній, состоялъ только въ одномъ заячемъ шулупѣ. Онъ долженъ былъ даже и пропитаніе доспавать себѣ воровствомъ, похищая пищу, или у поваровъ на кухнѣ, или у дворовыхъ людей. Изъ соспраданія, добрый дѣчекъ выучилъ его кое-какъ Русской грамошѣ. По всему

можно было предвидѣшь, чего слѣдовало ожидать отъ молодаго человека, сшоль благовоспитаннаго.

Но и шѣ два брата, которые были опданы въ Кадетскій Корпусъ, вскорѣ на самомъ опышѣ доказали, что они досшойны родителей своихъ. Старшій, прелесный женишокъ сесшры Софьи Васильевны, за лѣность, совершенную неспособность и нездоровье, опспавленъ 14-мъ классомъ, а другой выпущенъ въ армию офицеромъ, но шакже не долго служилъ. По возвращеніи 14-ти класснаго Князя въ родительскій домъ, сумасшедшая его маменька скоро скончалась, а опца, семидесяти-лѣшняго сшарика, принялъ онъ самъ въ руки, и началъ поступашъ съ нимъ шакъ деликатно, что и шошъ въ непродолжительномъ времени опправился въ поля Елисейскія. Тушъ опкрылись новыя, блистательныя достоинства Князя: онъ захвашилъ себѣ всѣ, оставшіяся послѣ опца, наличныя деньги и заемныя письма, сдѣлавъ на

пихъ фальшивый переводъ на свое имя. Сверхъ того, самовольно, съ пособіемъ друзей, которые всегда въ такихъ случаяхъ являюща, выдѣлилъ онъ себѣ лучшую часть въ имѣніи. Но друзья, желая воспользоваться болѣею частью опцовскихъ денегъ, такъ хорошо умѣли совѣщивать ему, что запутали его въ самый раззорительный процессъ. Средній братъ попался въ передѣлъ, извѣстному въ здѣшнихъ мѣстахъ ябеднику, оштрафованному за подозрѣніе во взяточкахъ Секретарю. Старшій братъ избралъ себѣ такихъ-же достоинствъ руководителя. Къ меньшому, который еще до сихъ поръ недоросль, опредѣленъ былъ того-же разбора опекунъ. Всѣ сіи достойные люди, съ пособіемъ Земскаго Суда, подвизались весьма успешно, и сдѣлались настоящими наследниками родительскаго достоянія, въ наличныхъ деньгахъ и векселяхъ состоявшаго, и котораго братья раздѣлили сами между собою не умѣли.

Недавно, приведя въ совершенное разспройсво доспавшееся имъ имѣніе, и войдя по процессу въ долги, кое-какъ раздѣлили они деревни. И вошъ, какой образъ жизни эшѣхъ прехъ Сіашельныхъ фигуръ:

Сшаршій брашъ мнѣ самый ближній сосѣдъ; наши земли смежны между собою, и пошому мнѣ извѣсны подвиги его. Онъ позволяешъ себѣ всѣ возможныя неисповсшва съ своими кресшьянами; привелъ ихъ въ совершенную нищету, а что всего лучше, и ешъ обыкновенное послѣдствіе такого управленія имѣніемъ, онъ самъ черезъ то разспроился, и не получаешъ никакого дохода. Мужики его, безъ присмотра, спились съ круга, не занимающся землешесшвомъ и усшройсшвомъ домовъ, а воруюшъ безсовѣстно у помѣщика своего лѣсъ, кошорый въ здѣшнихъ мѣсшпахъ довольно дорогъ, продаюшъ краденое за безцѣнокъ, и оспавляюшъ всѣ приобрѣшенныя такимъ образомъ деньги

въ кабакахъ. До какой степени простирается невѣжество этого Князя, можешь показаться вовсе невѣроянымъ. Онъ ведетъ самую странную, удивительную жизнь, никуда не ѣздитъ, и самъ никого къ себѣ не принимаетъ. Говоряшъ, впрочемъ и весьма вѣрояшно, что онъ пьетъ заноемъ. Очень рѣдко, можешь быть разъ, или два въ годъ, бываетъ онъ у меня; посѣщенія его продолжаются часа по чепыре, и вы можете вообразить, какъ онъ мнѣ надоѣдаетъ, потому, что поддерживаешь съ нимъ разговоръ очень затруднительно. Однажды, говоря о томъ и о другомъ, спросилъ я: любитъ-ли онъ заниматься чтеніемъ, и какіе Авторы ему нравятся? Онъ отвѣчалъ, что иногда читаетъ старинныя книги, найденныя имъ въ библіотекѣ его покойнаго дѣдушки. А новѣйшіе Авторы извѣстны-ли вамъ? спросилъ я у него. Въ это время читалъ я, вновь вышедшій тогда, послѣдній томъ *Исторіи*

государства Россійскаго, Карамзина, и мнѣ хошѣлось знать: слыхаль-ли онъ объ его сочиненіяхъ? Князь ошвѣчалъ, что нѣтъ. На-смѣхъ, самъ не знаю, за-чѣмъ, спросилъ я у него: извѣсны-ли ему шворенія новѣйшихъ Авшоровъ, какъ-шо, напрымѣръ, *Сократа*? Онъ очень спокойно объявилъ мнѣ, что не любилъ чипать, и никогда не чипаетъ новыхъ Авшоровъ, и что вѣрно Со-крашъ, о кошоромъ я его спрашиваю, шакой-же *фармазонъ*, какъ и прочіе.»

Всѣ помирали со смѣху. Свіяжская сказала Аглаеву, расхохотавшись до слезъ, что эшого бышь не можешъ, и что онъ, просто, выдумалъ ошъ себя шакой вздоръ.

—Очень понимаю, — продолжалъ Аглаевъ — что вамъ должно показаться невѣроятнымъ: какъ, въ наше время, Русскій дворянинъ можешъ бышь до шакой сшечени невѣждою? Но, я божусь вамъ, что эшо истинная правда. Впрочемъ, я сначала предупредилъ васъ, что раз-

сказываю вамъ о Князьяхъ Спаровѣковыхъ, какъ о необыкновенномъ явленіи въ наше время. Послушайте далѣе. Средній братъ, повѣрившій судьбу свою, какъ я вамъ прежде говорилъ, ябеднику и взяточнику, опешавному Секретарю, попалъ въ полную его зависимость. Секретарь вздумалъ женишь его на своей дочери, и однажды эшопъ Князь, проведя цѣлый день у Секретаря, въ душеспасительномъ употребленіи ерофеича и разныхъ наливокъ, очень удивился, узнавъ, въ то время, когда очнулся, что онъ женатъ, и что Анфиса Гавриловна, весьма некрасивая дочь Секретаря, сдѣлалась Княгиней Спаровѣковою, подругою его на весь вѣкъ. Дѣло такъ и ошалось. Не смотря на всѣ прелести и насояніе своей супруги, Князь ведетъ такой-же образъ жизни, какъ старшій братъ, то есть—никуда не ѣздишь и никого къ себѣ не принимаетъ; но расположился онъ совсѣмъ иначе. Въ Корпусъ получилъ онъ

нѣкопорыя познанія, и почиаетъ себя
 ученымъ, особенно-же въ *Математикѣ*
весьма сильнымъ. Нѣсколько разъ уда-
 валось ему слышать о бесполезныхъ
 усиліяхъ достигнуть изобрѣшенія вѣч-
 наго движенія (perpetuum mobile).
 Князь предпринялъ доказать, что это
 вещь возможная, и, не думавъ долго,
 приступилъ къ дѣлу: выпроилъ себѣ
 въ лѣсу небольшой домикъ, удалился
 отъ всѣхъ, собралъ разныхъ масте-
 ровыхъ своихъ, и уже нѣсколько лѣтъ
 занимается съ ними соспавленіемъ вѣч-
 наго движенія, изобрѣшаетъ, переправ-
 ляетъ, вновь передумываетъ. Къ сча-
 стію его, что онъ предался шакому не-
 винному занятію, пошому, что черезъ
 это, по крайней мѣрѣ, пересталъ онъ
 пьянствовать.

Меньшой братъ ихъ, недоросль до
 сихъ поръ, малый лѣтъ слишкомъ двад-
 цапи, высокій, толстый, румяный, пере-
 щеголялъ всѣхъ братьевъ. Спроси его
 воровать, къ чему въ юности долженъ

онъ былъ прибѣгать по необходимости, для пропитанія, усилилась до такой степени, что онъ обворовываетъ по-пихоньку собственнѣхъ своихъ крестьянъ, крадетъ у нихъ медъ, куръ, яицы, и прочій всякій вздоръ, и бываетъ часто ошъ нихъ бишъ за воровство; но онъ къ этому привыкъ съ малолѣтства. Любимыя его занятія состоятъ въ томъ, что съ другомъ своимъ, опшавленнымъ за пьянство и дурное поведеніе Прапорщикомъ, ѣздитъ онъ по одиодворческимъ селамъ, особенно-же въ то время, когда бываютъ тамъ, подлѣ кабаковъ, мірскія сходки. Оба друга вмѣшиваются въ предметъ сужденія на такихъ сходкахъ, напиваются вмѣстѣ съ сельскими спариками до пьяна, и слѣдствіемъ этого бываютъ часто драки. Князь выстроилъ себѣ жилище особеннаго рода, собственнаго изобрѣшенія (дѣдовскій, огромный, каменный домъ никѣмъ не занятъ, и почти совсѣмъ развалился). Онъ выкопалъ

въ землѣ яму, обложилъ ее кирпичемъ, едѣлалъ въ ней сводъ, и назвалъ ее кузницею. Сверху ямы выстроилъ онъ, для собственнаго своего помѣщенія, двѣ или три комнаты, и надъ всѣмъ эшимъ едѣлалъ — что вы думаете? — внутреннюю мельницу! Однакожъ, при такомъ построении имѣлъ онъ необыкновенную предусмотрительность и соображеніе: въ такъ называемой кузницѣ — куришь онъ попихоньку хлѣбное вино, для собственнаго употребленія и для торгашества, а въ внутренней мельницѣ, какъ въ благонадежномъ убѣжищѣ, сохраняетъ, что успеетъ гдѣ украситъ. Такой помѣщикъ сокровище для Земскаго Суда; просьбы, разумѣется, подають на него безпрестанно, и слѣдствія никогда не прекращаются. Если въ уѣздѣ нѣтъ никакой другой поживы, то Судъ отправляется для прокормленія въ деревню Князя, которая до сего времени называется: *имѣніе малолѣт-наго*.

Холмская и Свіяжская утверждали, что не лзя вѣришь, въ наше время, существованію между дворянами такихъ мерзавцевъ и дураковъ, какими описалъ онъ прехъ брашьевъ Князей Спаровѣковыхъ. Аглаевъ подтвердилъ, что онъ рѣшительно ничего ошъ себя не выдумалъ; но если рассказъ его можешъ казаться невѣрояшнымъ, то споришь объ эшомъ онъ не спанешъ. «Къ счастью» — прибавилъ Аглаевъ — «мое повѣствованіе можешъ уже казаться выдумкою; но что есть еще такого рода дворяне, хошя, благодаря Бога, весьма и весьма ихъ немного, то эшо шочно справедливо. Впрочемъ, совсѣмъ не интересный рассказъ мой объ эшихъ прехъ брашьяхъ не служишь-ли доказательствомъ, что не въ одной Англіи бываюшь чудаки? И у насъ, въ обширномъ нашемъ опечествѣ, чего хочешь, шого просишь: найдущся молодцы всякаго разбора. Но, замѣльте однакожь, что всѣ подвиги брашьевъ Князей Спаровѣко-

выхъ имѣющъ свой собственный оппечашокъ *національности*, и нравовъ прошедшаго сполѣтія. Въ Англіи сумасбродство бываешъ совсѣмъ другаго рода.»

По приѣздѣ Софьи сѣвши возвѣспишъ ей о побѣдѣ. Аглаевъ долженъ былъ опяшъ повшоришъ повѣспивованіе свое. Всѣ снова опъ души смѣялись, кромѣ Князя Рамирскаго: онъ хладнокровно выслушалъ, ни разу не улыбнулся, и сказалъ, что все это довольно забавная выдумка, но что онъ никакъ не можешъ повѣришъ существованію въ наше время такихъ дворянъ. Сомнѣніе свое Князь изъявилъ въ выраженіяхъ весьма неоспорожныхъ. Алексѣй Холмскій былъ того-же мнѣнія, и, совсѣмъ не кшаши, вздумалъ убѣждашъ Софью — не опказывашъ богашому жениху. Она преодолѣла справедливое негодование прошивъ брата, и замѣшивъ припомъ, что Аглаевъ обидѣлся словами Князя Рамирскаго, спаралась все обрашишъ въ шутку, давая постепенно

другое направленіе общему разговору, спала рассказывать Московскія новости, и наконецъ умѣла все уладить, и заставивъ позабыть глупое свашовство, которое впрочемъ не имѣло никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Князь Яковъ Сергѣевичъ, возвращаясь домой, приблѣ, опѣ досады на неудачу свою, нѣсколько людей, попавшихся ему кспати подѣ руку, пьянствовали съ горя недѣли двѣ, и шѣмъ все кончилось. Обращимся къ Рамирскимъ.

«Какой пріятный сюрпризъ ты намъ сдѣлала, милая Лизанька.» — сказала ей Каперица, прогуливаясь вмѣстѣ съ нею и Софьею въ саду, въ Надежинѣ. — «Какъ добръ мужъ швой, что согласился на швое желаніе, нечаянно насъ обрадовать!» Елисавета поспомощрѣла на Софью, и улыбнулась. — «Что значишь эта улыбка?» спросила Каперица. — Ничего — отвѣчала Елисавета. — Мы съ супругомъ моимъ имѣли маленькій... ничего болѣе — маленький, дру-

жескій разговоръ объ этомъ посѣщеніи. — «Но никакой непріятности, надѣюсь, между вами не было?» — Совсѣмъ никакой; я объяснялась оспорожно, и ничего лишняго не сказала. Софья была свидѣтельницею, хотя она и молчипъ шеперь. Впрочемъ, довольно-бы смѣшно было, молодой и недурной собою женщиной, и еще въ первые мѣсяцы супружескаго, не пользоваться своимъ правомъ! Я крѣпко стояла за себя и, какъ видишь, одержала побѣду. Не знаю, Софья, ошъ чего ты такъ сердито смотришь, и ссылаюсь на самое себя: не правда-ли, что я объяснялась съ мужемъ моимъ покорно и вѣжливо?

— Прекрасная вѣжливостъ и покорностъ! — отвѣчала Софья. — Ты про-ешо смѣялась надъ нимъ, и безъ всякихъ околичностей говорила, что насюятельно пребуешь исполненія швоего желанія. Я не понимаю, какъ ты не замѣшила, что мужъ швой принялъ съ большою непріятностію ироническій,

и вмѣстѣ съ нѣмъ рѣшительный по-
нвой. Повѣрь, что онъ недолго бу-
дешь терпѣшь такое спранные обра-
щеніе. Послушайся моего совѣта: раз-
смотри сама характеръ своего мужа,
и будь впередъ оспорожиѣе.

«Видно тебѣ вѣкъ оспаваться въ
дѣвкахъ!» — отвѣчала съ неудовольст-
віемъ Княгиня Рамирская. — «Вошъ въ
чемъ дѣло» — продолжала она, обра-
щаясь къ Каперинѣ: «супругъ мой
большой охотникъ до лошадей, и лю-
битъ беречь ихъ; ему казалось, что
заѣзжая сюда будешь крюку верспъ
пятидесять, что дорога тяжела, и ло-
шади его измучатся, а нанимашъ въ
сторону, говорилъ онъ, дорого. Мож-
но-ли было слушать равнодушно такой
вздоръ? Я имѣла-бы право просто раз-
сердись за мѣлочную его расчесли-
вость, но удержалась, и шутила
только надъ великимъ его благополу-
чіемъ и бережливостію. Терпѣшь не
могу скупости, и, во что-бы то ни

стало, непременно хочу исправить мужа отъ этого порока. Покамѣспъ, прошу тебя, Софья, ѣхать вмѣспѣ съ нами въ Никольское, попому, что нѣжная привязанность Князя къ лошадямъ, можешъ бытъ, не допустить его прислать сюда за побою экипажъ.»

— Я подумаю объ этомъ — отвѣчала Софья — припомъ-же у маменьки есть свои лошади, и мы можемъ обойдпись безъ присылки. Мнѣ, признаюсь, очень-бы хошѣлось пожить съ Капинькою здѣсь, пока окончатся всѣ ваши визиты, балы и угощенія: отъ всего этого, благодаря Бога, она избавлена.»

« У меня немного было хлопотъ, » сказала, съ веселою улыбкою, Капери-на. « Домикъ у насъ небольшой; принимаешь многихъ нельзя: приѣхали родные, и нѣсколько добрыхъ пріятелей; я угощила ихъ, безъ всякихъ церемоній, чѣмъ могла. Шампанскаго у насъ нѣтъ, а домашнія наши наливки всѣмъ понра-

вились. Наряжаться мнѣ не было нужды, да ежели-бы я и хопѣла, то не во что. Въ обыкновенномъ, всеневномъ платьѣ принимала я гостей моихъ. Впрочемъ, будь у насъ и великолѣпный домъ, щегольскіе экипажи, дорогія вещи, — кажется мнѣ, все это не прибавило-бы ничего къ моему счастью. »

— Однакожъ — возразила — Елисавета должна признайся, что гораздо пріятнѣе жить въ спокойномъ, тепломъ домѣ, нежели въ какой-нибудь хижинѣ, ѣздить въ каретѣ, а не въ бричкѣ, или на дрожкахъ, носить жемчугъ и брильянты, вмѣсто какого-нибудь ожерелья изъ коралловъ. Впрочемъ, у всякаго свой вкусъ, и мы обѣ съ тобою счастливы, имѣя то, чего мы желали и что любимъ. —

— Софья старалась скорѣе перервать этотъ разговоръ, замѣтивъ, что Капуринна оскорбилась словами сестры, и всего болѣе потому, что приѣхала съ

мужемъ на дрожкахъ, и на ней было ожерелье изъ корольковъ.

Въ это время мужа сестеръ ея подошли къ нимъ.

«Я удивляюсь, Княгиня,» сказалъ мужъ Елисаветы, «что ты, вскорѣ послѣ дождя, когда еще не просохло, и съ деревьевъ каплетъ, вышла гулять въ шляпкѣ, кошорая стоить слишкомъ сто рублей, въ кружевномъ вуалѣ, и въ шелковыхъ, цвѣтныхъ башмакахъ! Все это однимъ разомъ такъ можно испорчить, что послѣ нигде не будешь годишься.»

—Правда—опвѣчала Елисавета.—Притомъ-же я промочила ноги, и у меня вѣрно будетъ насморкъ, а башмаки мои (она указала на нихъ) теперь надобно бросить.

«Бросить? А вы, сударыня, кажется, изволили заплащать за нихъ десять рублей ассигнаціями, на вашемъ Кузнецкомъ мосту!» продолжалъ Князь, съ явнымъ негодованіемъ.

— Ахъ , да , я точно заплашила эту ужасную цѣну — отвѣчала Елисавета со смѣхомъ.

« Совсѣмъ нѣчему смѣяться » — возразилъ Князь Рамирскій , съ величайшею запальчивостію. « Небрежность ваша , невниманіе , моповсво вовсе не забавны. Почему не надѣшь калошь , или башмаковъ на толстой подошвѣ ? »

— Какое нѣжное вниманіе о моемъ здоровьѣ ! — сказала Елисавета , съ насмѣшливою улыбкою — Думаю шакъ потому , что ни чему другому не должна я приписывать швою запальчивость ; это конечно очень лестно для меня ; но на что мнѣ калоши ? Я до сихъ поръ простуды не знаю , да и ходишь небольшая охопница ; я люблю больше ѣздить , и воронымъ швоимъ порядочно доспанешся , когда мы будемъ жишь въ Никольскомъ. Будь увѣренъ , другъ мой , что я , по крайней мѣрѣ , по двадцати версшъ всякій день спану кашаюсь на нихъ.

Князь Рамирскій хопѣлъ было опивѣ-
 чапъ, но, увидя, что Свіяжская под-
 ходишъ къ нимъ, скрѣпился, и поблѣд-
 нѣлъ отъ досады. Елисавета, не смо-
 ря ни на что, продолжала насмѣхаться
 надъ его бережливостью и привязан-
 ностью къ лошадямъ. Свіяжская, подо-
 шедшая въ эшо время, замѣтила,
 что между ними вышла какая нибудь
 непріятность.

«А! здравствуйте, пепушка! Вы что-
 то задумались? — продолжала спокойно
 Елисавета. — Не хошите-ли, мы васъ
 развеселимъ? Послушайте важное суж-
 деніе наше о цѣнѣ башмаковъ и о воро-
 ныхъ лошадяхъ.»

— Насмѣшливость не естъ признакъ
 ума и доброты сердца — сказалъ Князь
 Рамирскій, и пошелъ прочь большими
 шагами.

Кашерина, съ мужемъ и съ брапомъ,
 еще прежде ушла въ другую аллею.
 Софья, со слезами на глазахъ, смолѣла

на Свіяжскую. « Чпо все это значишь ? » спросила спарушка.

— Ничего, сущій вздоръ! — отвѣчала Елисавеша, принужденно улыбаясь. Она сама была изумлена неожиданною запальчивостію своего мужа. Это былъ еще первый для нея опытъ!

« Совсѣмъ не вздоръ, » возразила Софья. « Другъ мой, Лизанька! остерегись: ты готовишь себѣ много горя; ежели не перемѣнишь своего обращенія съ мужемъ. Ты вывела его изъ терпѣнія, и сильно оскорбила вѣтренностію и безразсудностію своею. У него такой характеръ, что ежели ты будешь далѣе также поступать съ нимъ, то сама на опытъ увидишь, какія изъ этого могутъ быть послѣдствія. Послушайся меня: поди къ нему, постарайся успокоить его, и окончишь эту непріятность, а болѣе всего побереги маменьку! Сохрани Богъ, ежели она замѣшитъ, что вы начинаете ссориться Это убьетъ ее! »

— Мнѣ пойдти къ нему! — отвѣчала Елисавета. — Мнѣ совѣтуешь ты первой уступить! Но ты не знаешь, что теперь-то насущное время показать настойчивость и силу характера: надобно, чтобы онъ пришелъ просить у меня прощенія!

«Настойчивость и силу характера!» — сказала Свѣжская. — «Эти безразсудныя слова, несвойственныя ни въ какомъ отношеніи женщинѣ, часто нарушаютъ супружеское счастье. И тебѣ угрожаешь тоже, ежели ты заблаговременно не остережешься. Несчастный и жалкій характеръ той жены, которая хочетъ взять поверхность надъ своимъ мужемъ; да и вообще, кажется мнѣ, разсудительной женщинѣ не должно даже и думать о томъ, чтобы властвовать: это совсѣмъ не нашъ удѣлъ. Сила характера женщины обнаруживается въ смиреніи, и въ твердомъ исполненіи обязанности здѣшней жизни. А въ чемъ состоитъ обязанность замужней

женщины? Способствовала всѣми силами счастью человека, съ которымъ соединила она судьбу свою, вѣчными, неразрывными узами. Разсмотри сама хладнокровно: исполняешь-ли ты свою обязанность? Послушайся меня, другъ мой, Лизанька: я помню, какъ ты родилась, и имѣю право, по дружбѣ моей съ своею матерью, говорить тебѣ такимъ языкомъ. Поспайся примиришься съ мужемъ; теперь еще это легко; но, можешь быть, въ скоромъ времени, будешь уже поздно! Повѣрь, другъ мой, что укротить оскорбленное самолюбіе мужчины — совсѣмъ не бездѣлица.»

Елисавета привыкла съ малолѣтства уважать Свѣяжскую. Она поспашъ пошла къ мужу, и увидѣла, что онъ разсердился на нее гораздо болѣе, нежели она думала. Съ трудомъ могла она уговорить его, и помириться съ нимъ.

«Ты обидѣла и оскорбила меня,» сказалъ ей Князь. «Не могу скрыть

ошъ тебя не только огорченія моего, но и большаго удивленія. Подумай: можно-ли обходишься такимъ образомъ съ мужемъ? Насмѣхашься надъ нимъ, и выспавляшь его передъ всѣми дуракомъ! Вообще, я ненавижу колкія шупки; блестящее, мнимое остроуміе насчетъ другаго очень обидно, и какая цѣль обидѣть человѣка — и кого еще? Мужа, кошорый, ежели-бы и въ самомъ дѣлѣ былъ виновашъ, то имѣетъ право требовашь уваженія и снисходительности ошъ жены. Но кончимъ. Ты говоришь, что сама жалѣешь и раскаяваешься въ своей вѣтренности; я. . . . постараюсь забыть швое оскорбленіе.»

Миръ, совсѣмъ не ошъ души, и холодный поцѣлуй — вошъ все, до чего доспигнула Елисавета, смирившись и унизившись передъ мужемъ!

Князь Рамирскій старался скрыть передъ Холмскою чувство своего недовольства; но разсудительная и проницашельная Софья наблюдала за нимъ

втайнѣ. Запальчивость его сдѣлала надъ нею впечатлѣніе гораздо сильнѣе, нежели надъ самою Елисавешою; она замѣтила, что Князь припворяется, хочешь казаться веселымъ, но негодованіе его совсѣмъ не прошло. Она увѣрилась, что мужъ Елисавешы злопамятенъ, и — не ошиблась, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи сего.

ГЛАВА VII.

« La vengeance s'éteint, la justice
« fait grace, l'orgueil blessé ne pardonne
« jamais. »

DUMOUSTIER.

« Мщеніе гаснетъ, правосудіе ми-
« луетъ, но оскорбленная гордосишь
« не прощаетъ никогда. »

ДЮМУТЬЕ.

Нѣсколько дней продолжался гнѣвъ
Князя Рамирскаго; жена его съ горе-
стію увѣрилась, что повелѣвать имъ
совсѣмъ не такъ легко, какъ она вооб-
ражала. Но, урокъ, данный ей мужемъ,

хопія грубо, и безъ всякой нѣжности, не оспался безполезнымъ.

Во все время пребыванія своего у матери, Елисавета спрого наблюдала за собою, и никакого неудовольствія между ею и мужемъ не произошло. Только передъ самымъ отъѣздомъ, предложеніе, сдѣланное Свіяжскою, и согласіе Елисаветы, безъ позволенія мужа, было поводомъ къ возобновленію прежней сцены. Свіяжская, собираясь въ свою подмосковную, хотѣла взять Софью, съ шѣмъ, чѣмъбы Рамирскіе, въ проѣздѣ домой, заѣхали за нею. Елисавета согласилась, шѣмъ болѣе, что они должны были и безъ того побываць съ визитомъ у Свіяжской.

«Вы совсѣмъ забыли, сударыня, что лошади мои и такъ измучены,» сказалъ Князь Рамирскій женѣ своей, «и что заѣзжая къ Прасковѣ Васильевнѣ будетъ около сша верстѣ крюку. При томъ-же, пріѣхавши въ Никольское, надобно намъ опянь пушешествовать, нѣ-

сколько дней сряду, съ визитами къ сосѣдямъ, а лошади у меня совсѣмъ не желѣзныя: испоршишь ихъ очень легко. Женщины поняпія не имѣють о дорогахъ; по вашему, заѣхавъ опсюда въ Кіевъ не будетъ никакого лишка! И что за фантазія? Почему Софѣ Васильевнѣ не ѣхать вмѣстѣ съ нами, какъ мы располагали прежде, и не побыть у насъ нѣсколько дней, покамѣстъ всѣ разѣдущся? Веселоси будутъ совсѣмъ не такъ продолжительны, какъ вы думаете. Сестра, Графиня Авдотья Машвѣвна, придетъ изъ Москвы, съ дочерьми; сосѣдей новой хозяйкѣ также пригласишь надобно; но все эшо, надѣюсь, кончися въ нѣсколько дней. Тетушка опказалась бытъ у насъ на эшо время, но она, сдѣлаешъ одолженіе, придетъ послѣ: тогда и можешъ она взять съ собою сестру Софью Васильевну.»

— Намъ должно не шупя объяснишься — опвѣчала Елисавета, съ горькою

улыбкою. — Мнѣ хочется знать, до какой степени могу я располагать собою: могу-ли я чего нибудь желать, или не должна имѣть вовсе ни какой собствен- ной воли? До сихъ поръ, кажется, на самомъ опытѣ совершается со мною старинная пословица: «Счастливъ тотъ, кто не имѣетъ никакихъ желаній.»

«Эта такая истина, прошивъ ко- рой я спорить не буду,» сказалъ Князь Рамирскій, съ неудовольствіемъ. «Очень радъ, что хоть въ этомъ мы согла- сны.»

Елисавета сдѣлала надъ собою боль- шое усиліе; и не произнесла ни одного слова. Молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ. «Ты поѣдешь съ нами, Софья? Не правда-ли? Ты сдѣлаешь мнѣ это удовольствіе?» сказала она наконецъ, умоляющимъ голосомъ, со слезами на гла- захъ. Софья желала-бы гораздо лучше пробыть это время съ Свѣяжскою и съ сестрою Капериною; но она посправила правиломъ: всегда предпочитать по-

лезное пріятному. Думая , что ея присутствіе въ Никольскомъ, и довѣренность и уваженіе къ ней Елисаветы предупреждашь , можешь быть , много неудовольствій , она рѣшилась ѣхать съ Елисаветою.

По распоряженію Князя Рамирскаго , ей должно было сѣсть въ бричку , съ горничною дѣвкою , потому , что прочіе экипажи , и людей , отправилъ онъ заблаговременно домой , и для сбереженія лошадей велѣлъ ѣхать шагомъ , а самъ , съ женою , оспался на легкѣ , въ одной коляскѣ и бричкѣ. Но и эта глупость и невѣжливость Князя не остановили Софьи. Она утвердилась въ мнѣніи своемъ о надмѣнности и ничтожности Князя Рамирскаго, который полагалъ , что сдѣлалъ большую честь Холмскимъ , женившись на Елисаветѣ безъ приданаго, и за то почиалъ себя въ правѣ требовать отъ нихъ безусловнаго и слѣпаго повиновенія. Софья знала характеръ сестры своей, и, по всей справедливости, опасалась

лась, что въпренность ея и склонность къ власполюбію завлекутъ ее далеко, и могутъ имѣть самыя несчастныя послѣдствія. Свіяжская была одного мнѣнія съ Софьею, одобрила ея намѣреніе ѣхать съ сеспрою, и общалась, когда окончатся веселости въ Никольскомъ, сама приѣхавъ туда за нею.

Но Каперинъ такое распоряженіе совсемъ не понравилось. Мысль о долговременной разлукѣ съ Софьею была ей тяжела. Она любила Софью, и дружеская связь ихъ упрочилась съ самого дѣтства. — Скажемъ нѣсколько словъ объ Аглаевыхъ.

Каперица смодѣлала въ это время на свое положеніе въ настоящемъ только времени, и ей казалось, что она избрала ближайшій путь къ счастью. Хотя она была увѣрена, что ни въ какомъ состояніи въ мірѣ нѣтъ вѣрнаго и совершеннаго благополучія; но надѣялась, что покорностью воли мужа, вниманіемъ, угодли-востью и бережливостью, споль необхо-

димою при небольшомъ ихъ состояніи , достигнеть она своей цѣли. Ей казалось, что у мужа ея тихій и добрый характеръ. Хотя она сама замѣчала , еще прежде , нѣкоторую склонность его къ мотовству , но думала , что съ лѣтами все это пройдетъ. Съ самаго дѣтства , она была приучена къ хозяйству и бережливости. Примѣръ матери, которая , съ небольшимъ состояніемъ , умѣла жить всегда порядочно, не расширявая себя и не дѣлая долговъ, былъ у нее передъ глазами. Впрочемъ, уже давно привыкла Катерина ограничивать свои желанія самымъ тѣснымъ кругомъ; она надеялась, что мужъ ея не будетъ тяготиться тихою, уединенною жизнью, и ропсала на ея бережливость; припомъ-же хотѣла она воспользоваться склонностью его къ Лешерашурѣ, думала поощрить и направить его на это поприще.

Сколько удовольствій представляло ей воображеніе ! У нихъ была комната, которую они называли *библіотекою* (и

въ самомъ дѣлѣ , въ послѣдствіи времени , по милости Свѣяжской , эта команда носила не пустое названіе). Какъ часто Аглаевъ , сидя въ ней , съ женою , которая занималась своею работою , и читая ей стихи , свои , или любимыхъ его Французскихъ Авторовъ: Милльвуа , Ламаршина , и Русскихъ Поэтовъ того-же разряда , клялся , что нѣтъ человека счастливѣе его во всей вселенной , и что онъ желаетъ только весь вѣкъ прожить такъ , какъ живетъ теперь!

Предполагаемая имъ передѣлка въ домѣ , по мнѣнію его , были *необходимы* , и долженствовали *стоить бездѣлицу*. Пылкое воображеніе Аглаева предсказывало ему все въ прелестномъ видѣ. Онъ краснорѣчиво доказывалъ , какъ имъ будетъ послѣ того спокойно. Каперина видѣла , что мысль объ этомъ дѣлала его счастливымъ; припомъ-же и сама она думала , что предполагаемая перемѣны и перестройки точно будутъ *стоить* *сущую*

бездѣлку, и что мужу ея надобно еще какое-нибудь другое занятіе, кромѣ липперапуры: одно и то же можешь наскучишь.

Холмская улыбнулась, и подтвержда-
ла: не спѣшишь, не разомъ все пере-
дѣлываешь; совѣтовала и напоминала
о благоразуміи и осмотрительности.
«Но это такія добродѣтели,» возра-
жалъ Аглаевъ, «которыя всегда и во
всемъ меня руководствуютъ.» Словомъ:
Каперица, по всѣмъ вѣроятностямъ,
предполагала, что ей предстоить спо-
койная и счастливая жизнь. Но... увы!
Неудача мужа ея на поприщѣ Словесно-
сти, жестокія крипики Журналовъ на
новыя его схищворенія, опказъ при-
нятъ на Театръ трагедію, которую по-
читалъ онъ образцемъ совершенства —
все это надоѣло ему въ Липперапурѣ,
и отвратило его отъ охоты писать.
Несбывшіяся надежды на пособіе Князя
Рамирскаго и богатаго дяди совсѣмъ
его перемѣнили. Къ несчастію, легко-

мыслие и слабость характера завлекли его въ противоположную сторону. . . .

Не говоримъ ни слова о томъ, что родные его не сдѣлали ему никакого пособія : это очень обыкновенно ; но мы обращаемся къ вамъ, жестокосердые, неумолимые рецензенты-насмѣшники ! Ежели-бы знали вы, сколько причиняете горя, и какъ, однимъ разомъ, насмѣшками своими разрушаете вы иногда всѣ надежды, всѣ сладостныя мечты спиховорца, которыя дѣлали его такимъ счастливымъ ! Не чувствуете вы, что оскорбляя самолюбіе поэта, вы наносите смертельный ударъ въ глубину сердца его ! А кому дѣлаетъ онъ вредъ своими стихами ? Хорошіе читаютъ и пошчасъ раскупаютъ ; дурные — лежатъ спокойно въ книжныхъ лавкахъ ! Пускай играетъ всякій своею любимою игрушкою. Не грѣхъ-ли обижать и огорчать *невинныхъ* ? — Выходка сія противъ привязчивыхъ рецензентовъ здѣсь очень прилична. Важныя дѣйствія бывають отъ

маловажныхъ причинъ. Журналисты были весьма много виноваты въ нарушеніи супружескаго счастія Аглаевыхъ.

Но не будемъ спѣшить преждевременнымъ разсказомъ. Мы желаемъ, не одними словами, а самымъ ходомъ происшествій раскрыть характеры нашихъ дѣйствующихъ лицъ. Повѣствованіе наше не представитъ ничего чрезвычайнаго: нѣтъ въ немъ никакихъ романтическихъ, невѣроятныхъ приключеній. Но, смѣемъ надѣяться, многіе мужья и жены, войдя сами въ сердце свое, ошдадутъ намъ справедливость, и согласясь, что повѣсть наша заключаетъ истины, кошорыя, можешь бышь, извѣстны имъ на опытъ. Увѣряясь также и въ томъ, что въ супружеской жизни надобно имѣть непрерывное вниманіе за собою, не пренебрегать ни какими мѣлочами, и что иногда, какъ кажется по видимому, бездѣлицы — влекутъ за собою самыя пагубныя послѣдствія. И это весьма понятно. Большая часть су-

пруговъ , соединяясь на вѣкъ , почно о-
 душевлены одинакими чувспвами и вза-
 имнымъ желаніемъ способспвовашь сча-
 спію другъ друга. Никакой важной не-
 пріятности сначала между ними бытъ
 не можешь. Какая нибудь *бездѣлица* ,
 какое нибудь вздорное невниманіе , бы-
 ваюшь первымъ поводомъ къ неудоволь-
 спвію. Если не имѣшь за собою спрога-
 го наблюденія , если не оспановишь се-
 бя съ самага начала въ *бездѣлицѣ* , по-
 сіи , часпо повшоряемыя , маленькія не-
 пріятности посспепенно охлаждаюшь серд-
 ца спруговъ другъ къ другу , и слѣд-
 спвіемъ *бездѣлицъ* часпо бываюшь совер-
 шенное разрушеніе спружескаго сча-
 спія , и — навсегда. — Возвращимся къ
 Рамирскимъ.

Князь и Княгиня , пробывъ нѣсколько
 дней въ Надежинѣ , опправились въ Ни-
 кольское , съ Софьею и Алексѣемъ Холм-
 скимъ. Алексѣю очень понравился Князь
 Рамирскій. Холодность и угрюмый видъ
 его почишалъ онъ знакомъ глубокомы-

слія. Вообще характеры ихъ были сходны, и пошому Алексѣй скорѣе сошелся съ нимъ, чѣмъ съ Аглаевымъ.

Алексѣй былъ молодъ и неопытенъ. Онъ не умѣлъ судить и различать людей. Мѣлочная расчепливость, приличная Аглаеву, по небольшому его соспоанію, была напрошивъ очень смѣшна при богашспивѣ Князя Рамирскаго. Но Алексѣй думалъ иначе; припомъ-же, щедроспъ и великодушіе были чувспва, совсѣмъ ему неизвѣспныя. Онъ былъ очень радъ согласишся съ мнѣніемъ Князя Рамирскаго о склонноспи Аглаева къ мошовспву, и подъ симъ предлогомъ не сдѣлалъ сеспрѣ своей Капери-нѣ денежнаго подарка, какъ сначала думалъ сдѣлашъ эшо, и говорилъ матери. Теперъ сказалъ онъ ей, что узнавъ покороче Аглаева, именно запѣмъ не даешъ ничего, чтообы не поощришъ мужа Каперины къ пуспымъ запѣямъ, и не ушвердишъ его въ мнѣніи, что и впредъ, въ безразсудныхъ своихъ пред-

пріятіяхъ , можетъ онъ надѣяться на пособіе шурина.

Вообще , Алексѣй , во время нынѣшняго пребыванія въ семействѣ своемъ , умѣлъ всѣмъ надосадишь. Онъ думалъ важничать , и , бывъ моложе всѣхъ , требовалъ общаго уваженія , котораго , напрошивъ , никто не хотѣлъ имѣть къ нему. Высокомѣріе , внушенное большимъ богатствомъ , опідало его отъ родныхъ ; онъ мечталъ , что имѣетъ право обходиться гордо , но никто не былъ расположенъ смиряться предъ нимъ. Съ богатою и знамною сестрою своею , Княгинею Рамирскою , спавилъ онъ иногда себя наравнѣ ; но съ Капериною и Софьею не говорилъ ни слова , и ежели иногда и удоспоивалъ обращать рѣчь свою къ нимъ , то позволялъ себѣ , очень глупо и некстати , подшучивать и насмѣхаться надъ ними. Алексѣй былъ столь невѣжливъ , что не пригласилъ сестру Софью ѣхать въ Никольское вмѣстѣ съ нимъ , въ дормезѣ его , подъ ни-

чпожнымъ предлогомъ, будпо ему необ-
ходимо заѣхалъ въ одну деревню по доро-
гѣ. Очень равнодушно смолрѣлъ Алексѣй,
какъ она садилась въ бричку, съ слу-
жанкою, и самъ, весьма спокойно, рас-
положился одинъ въ дормезѣ. Такая без-
чувстввенность возстановила прошивъ
него всѣхъ. Софья имѣла - бы болѣе дру-
гихъ права бытъ въ негодованіи; но
она почиала брата пуснымъ, неопыт-
нымъ мальчишкою, только что вышедшимъ
изъ школы, сожалѣла объ немъ, и дума-
ла, что онъ не смолптъ много, чтобы
на него сердиться.

ГЛАВА VIII.

« Tout se mesure par l'opinion et
« l'opinion offense plus , que le mal ,
« et notre impatience nous fait plus de
« mal , que ceux , dont nous nous plai-
« gnons. »

ШАРРОН.

« Все измѣряешся мнѣніемъ, и мнѣ-
« ніе иногда сильнѣе оскорбляешъ
« насъ , нежели насшоящее зло ; не-
« шерпѣніе дѣлаешъ намъ гораздо бо-
« лѣе вреда , чѣмъ шѣ , на кого мы
« жалуемся. »

ШАРРОНЪ.

Домъ, садъ и вообще всѣ строенія въ Никольскомъ не заслуживали особеннаго вниманія. Мѣсположеніе не предспавляло ничего хорошаго. Съ одной спороны былъ обширный, старин-

ный садъ, съ однообразными, регулярными аллеями, подсприженными липами, подчищенными, въ разныхъ видахъ, ёлками: все эшо наводило какое-то уныніе. Оранжереи, груншовые сараи и парники находились въ запущеніи. Князь Рамирскій не былъ охопникъ до нихъ, припомъ-же эшо приносило мало дохода, и пошому не обращало его вниманія. Съ другой спороны, передъ домомъ, находился большой прудъ, сшояли—мѣльница, винокуренный заводъ, и для рабочихъ нѣсколько избъ, крышыхъ соломомою и почти развалившихся.

Лугъ передъ домомъ не былъ загороженъ: шущь ходили, на свободѣ, креспьянскія лошади, теляша и свиньи. Дымъ, непріятный запахъ ошъ завода, безпреспанная ѣзда мимо дома, съ дровами и бардою, разбишая ошъ часпаго проѣзда грязь, завязнувшіе возы, крикъ при вышаскиваніи ихъ — все эшо для другаго было-бы очень непріятно; но винокуренный заводъ давалъ большой доходъ Князю Рамирскому. Послѣ сего

онъ не безпокоился близкимъ его сосѣдствомъ, и весьма былъ равнодушенъ къ тому, что строенія около дома некрасивы. Къ довершенію-же всего, изъ угловой диванной, гдѣ обыкновенно всѣ сидѣли, былъ видъ, съ одной стороны на скопный дворъ, а съ другой на людскіе, снарые, каменные флигеля, почти развалившіеся. Половина сгнившей на нихъ, шесовой крыши замѣнена была соломой, а разбиныя стекла были заклеены бумагою, или зашпунты замазанными тряпками. Около флигелей наспроены были заступы для скопа и пицъ дворовыхъ людей. Вездѣ видны была нечистота и неопрятность. Дворовые ребята ходили босикомъ, по колѣна въ грязи, около людскихъ. Каменный огромный, въ два этажа домъ, построенъ былъ дѣдушкою Князя Рамирскаго, еще во времена царствованія Елисаветы Петровны. Внутри убранъ онъ былъ по тогдашнему, и служилъ предметомъ удивленія сосѣдей. Опець Князя сохра-

нилъ въ домѣ все въ прежнемъ видѣ, и нынѣшній владѣтель, изъ уваженія къ памяти родителей своихъ, какъ онъ говорилъ, а болѣе изъ благоразумнаго желанія беречь деньги, ничего не передѣлывалъ. Живши долго холостымъ, въ уединеніи, не принимая къ себѣ почти никого, занималъ онъ нѣсколько внутреннихъ комнатъ въ сплоронѣ, а парадные, большіе чертоги его опкрывались только въ торжественныхъ случаяхъ. Все осматривалось въ нихъ въ томъ-же видѣ и порядкѣ, какъ было при покойномъ его дѣдушкѣ. Старинныя шпалеры — можешъ быть, еще первый опытъ Петербургской Шпалерной фабрики — украшали стѣны большой гостиной. Старомодныя, тяжелыя креслы, обитыя малиновымъ шпофомъ, стояли болѣе полусполѣтія на однихъ мѣстахъ. Большія зеркала, въ рѣзныхъ, позолоченныхъ рамахъ, и полъ — шахматный паркетъ, изъ разноцвѣтнаго дерева, были также большою рѣдкостью въ свое время. Высокія, пол-

спыя дубовыя панели около стѣнъ, почернѣвшія отъ времени, довершали украшеніе этой комнаты, которую Князь Рамирскій почиталъ чудомъ. Оспальная часть дома была въ большомъ запущеніи и нечистопѣ, а нижній этажъ, со сводами и каменнымъ поломъ, гдѣ прежде жили приѣзжіе госпи у спарика Рамирскаго, и гдѣ помѣщались шушы его, прихлѣбатели и разная челядь, служилъ шеперь вмѣсто кладовыхъ и анбаровъ. — Князь Рамирскій, передъ пріѣздомъ съ молодою женою, послалъ приказаніе спарому прикащику, чшобы все было вымыто, вычищено, и парадныя комнаты были оппершы. Волю помѣщика исполнили; сверхъ того, прикащикъ отъ себя придумалъ: усыпанъ крыльцо и парадную лѣсшницу пескомъ и елками. Самъ онъ нарядился, для встрѣчи господъ, въ старинный праздничный, голубой сюртукъ, съ большими пуговицами, подаренный ему еще отцомъ Князя Рамирскаго. Дворня была одѣша въ лучшее платье: женщины были

въ красныхъ , желтыхъ , розовыхъ плашкахъ на головахъ , и въ сипцевыхъ кофточкахъ , ребяпишки босикомъ , но въ бѣлыхъ рубашкахъ. Все это толпилось и ожидало прибытія господъ у крыльца.

Восхищенный и довольный собою Князь Рамирскій шелъ торжественно , съ молодою своею супругою , раскланивался , и подавалъ на обѣ стороны руки , для цѣлованія дворовымъ. Онъ былъ доволенъ сею встрѣчею , и воображалъ себѣ , что и жена его въ восторгѣ. « Какое-же сильное дѣйствіе произведетъ на нее , » думалъ онъ , « великолѣпная госпоина ! »

Но какъ ошибся Князь въ своемъ ожиданіи ! Погода была пасмурная и холодная , когда приѣхали въ Никольское. Елисавета чрезвычайно озябла въ коляскѣ ; молчаливый и угрюмый супругъ ея былъ не весьма веселымъ спутникомъ ; взглядъ на домъ , садъ и всѣ спроенія , привелъ ее въ уныніе ; встрѣча дворни , шаринныя плащи , песокъ и елки на крыльцѣ , внушили ей какое-то мрачное пред-

чувствіе. Пришомъ-же , прикащикъ ,
 зная бережливостъ своего барина, и опа-
 саясь брани, за то, что по пущому пра-
 шипъ дрова, не велѣлъ испопипъ печекъ ,
 и въ домѣ было холодно и сыро. Словомъ:
 вмѣсто восхищенія , при входѣ въ парад-
 ную госпиную , и вмѣсто радостныхъ
 восклицаній , копорыхъ ожидалъ Князь
 Рамирскій, Елисавета съ неудовольств-
 віемъ опняла у него руку, и поразила
 его словами: « Помилуйте , сударь!
 въ какую шюрму привезли вы меня ?
 Здѣсь можно совсѣмъ замерзнуиъ. Опве-
 дише меня куда нибудь , гдѣ-бы я
 могла опогрѣиъся , или велише подаиъ
 мнѣ шубу; здѣсь быиъ нѣиъ никакого
 средсва! » Можно себѣ вообразииъ
 изумленіе и замѣшательсво Князя Ра-
 мирскаго! Онъ въ бѣшенствѣ опошелъ
 къ окну , не опвѣчая ни слова. Между
 шѣмъ Елисавета, грубымъ и непріятнымъ
 голосомъ , велѣла спарику прикащику
 шопчасъ зашопипъ каминъ въ диванной.
 Онъ хошѣлъ опвѣчати , что каминъ

давно не поплень, и пошому не спалъ-
бы дымишья; но, не слушаа его, Елиса-
вета повпорила приказаніе.

Добраа Софья, огорченнаа въпренно-
спью и безразсудноспью сеспры, прибли-
жилась къ ней, и указала ей на мужа,
поблѣднѣвшаго опъ досады.

Елисавета пошчасъ почувспвовала
всю неоспорожноспъ свою, и подошла
къ нему; но онъ опворопился опъ нея,
продолжалъ разговаривать съ Алексѣемъ
Холмскимъ, и вмѣспѣ съ нимъ оппра-
вился смопрѣспъ захромавшую дорогою
лошадь. Елисавета съ гореспію возвра-
тилась на свое мѣспо. Она видѣла, что
Софья намѣрена говоришъ, и, предупред-
дая ее, просила пощады, признавалась,
что чувспвуешъ себя кругомъ винова-
шою, и ничего къ оправданію своему
сказашъ не можешъ!

Она горько плакала (какъ обыкновен-
но бываешъ съ проказницами такого
рода), и должна была согласишья съ
Софьею, что ея предпріятіе перевоспи-

папъ мужа, было очень запруднительно, и что ей самой надобно совсѣмъ пердѣлать свой собственный характеръ. Тогдашъ, по легкомыслію своему, ушѣшила она, и спала смотрѣвъ на все другими глазами: находила, что домъ и старинное украшеніе госпиной совсѣмъ не такъ ужасны, какъ ей сначала показалось. Она дивилась даже, отъ чего все это такъ сильно ее поразило.

Между пѣмъ запылалъ огонь въ каминѣ, и доложили, что кушанье поставлено. Вкусный обѣдъ, фарфоровый, прекрасный, хотя и старинный, сервизъ — совсѣмъ разсѣяли горе Елисаветы. Она развеселилась, сдѣлалась разговорчива; любезности не было въ ней недоспашка, когда она находилась въ хорошемъ нравѣ. Она занялась мужемъ, ласково, мило, какъ не лъзя больше. Софья, замѣшивъ съ удовольствіемъ такую перемѣну, помогала ей всѣми силами.

« Какъ нравишся мнѣ вашъ садъ, » сказала Софья Князю Рамирскому, « и ка-

кой прекрасный видъ отсюда! Лѣтомъ, въ жары, должны быть очень хороши крыши ваши аллеи. Жаль, что немного сыро; я попчасъ послѣ обѣда пошла бы гуляшъ. Но завтра, можешъ быть, погода будетъ лучше.»

— Я радъ — отвѣчалъ Князь Рамирскій — что хоща кому нибудь и это нибудь здѣсь нравишся. Очень позволиштельно мнѣ любилъ здѣшнія мѣста. Я здѣсь родился; все напоминаетъ мнѣ мою молодосшъ; все сдѣлано трудами моихъ родителей. Машушка была уважаема въ нашей сторонѣ; она жила почти безвыѣздно въ Никольскомъ, и зимою принимала въ госпиной; но никто не находилъ, что она похожа на тюрьму, и что въ ней можно замерзнуть.,

« Въ эшѣхъ комнашахъ давно не жили, » сказала Софья. « Впрочемъ, здѣсь должно быть тепло и сухо. » — При сихъ словахъ вспали изъ-за епола; Князь Рамирскій подалъ руку Софѣ, и всѣ пошли въ диванную. — « Какъ спановяни-

ся дни коропки! » прибавила Софья, желая перемѣнить разговоръ. « Почти смерклось — а отсюда долженъ быть прекрасный видъ! »

— Въ самомъ дѣлѣ, видъ долженъ быть прелесный — сказала Елисавета, искавшая уже давно случая вступишь въ общій разговоръ. — Но огонь въ каминѣ имѣетъ также свою пріятность. — Какой прекрасный фарфоръ! — продолжала она, взявши чашку кофе, который подавали послѣ обѣда. — Скажи, другъ мой: это долженъ быть Саксонскій фарфоръ? Я отъ роду лучше этого не видывала.

Послѣ предковъ, и великолѣннаго дома въ Никольскомъ, Князь Рамирскій болѣе всего гордился коннымъ заводомъ и опличнымъ фарфоромъ своимъ. Онъ заблаговременно писалъ ключницѣ, чшобы въ первый день приѣзда ихъ выдала она къ сполуфарфоровый сервизъ, и любимыя его чайныя чашки, назначивъ ихъ по именамъ и примѣнамъ. Онъ надѣялся, что все это

приведешъ въ удивленіе молодую жену его. Удачное замѣчаніе и похвала чашкамъ имѣли гораздо болѣе дѣйствія надъ нимъ, чѣмъ все остроуміе и любезность ея; онъ съ удовольствіемъ смолчалъ, по на жену, по на чашки.

« Да, моя милая, » сказалъ онъ, « фарфоръ точно чудесный. Вошь, на примѣръ, эта сшаришная чашка и молочникъ шакъ хороши, что врядъ-ли и шеперь могутъ сдѣлать лучше. Это была любимая чашка покойнаго дѣдушки, и сохранилась до сихъ поръ въ цѣлости. Я желаю, чтобы она дошла до дѣтей моихъ дѣтей; увѣренъ, что даже и тогда будешь она рѣдкостью, по необыкновенной легкости своей и живописи. » — Это, кажется, видъ Дрездена? Въ самомъ дѣлѣ, какая чудесная живопись! — « Точно. Ты, видно, другъ мой, любишь хорошій фарфоръ? »

Елисавета была рада, что шакъ легко могла возвращишь благосклонность мужа. Она распроспранилась въ похвалахъ и увѣряла въ привязанности сво-

ей къ фарфору, на которъй, сказать мимоходомъ , а въ особенності на такой старинный, глядѣла весьма равнодушно. Князь Рамирскій, во всей подробности , и съ явнымъ удовольствіемъ, рассказывалъ исторію каждой чашки, гдѣ, когда, и къмъ которая изъ нихъ была куплена ; наконецъ, обѣщался на другой день показать весь свой фарфоръ , сохранявшійся въ большомъ порядкѣ , въ особой кладовой. Вечеръ прошелъ въ такихъ и тому подобныхъ разговорахъ. Въ одиннадцатомъ часу , поужинавъ , разошлись спать.

Горе Елисаветы возобновилось опять, когда она, вмѣстѣ съ Софьею, вошла въ свою спальню. Эша комната была расписана , или , лучше сказать , размалевана самымъ смѣшнымъ образомъ. Старинные ландшафты нарисованы были грубыми красками, и безъ всякаго соблюденія пропорціи. Рыбакъ представленъ былъ гораздо менѣе, чѣмъ его удочка , брошенная на половину рѣки ; коровы и

овцы были выше деревьевъ и домовъ; на пошолкѣ изображена была, въ видѣ Венеры, какая-то толстая, уродливая женщина. Большая печь, на деревянныхъ, почечныхъ подножкахъ, складена была изъ шаринныхъ изразцевъ, на кошорыхъ представлены были разныя пицы, въ каррикашурномъ видѣ. Мебели и зеркала соопвѣспивовали живописи. Все это засшавило Елисавешу чуть, чуть не заплакать. «Можно-ли жить въ такихъ закушахъ! Услѣю-ли я когда нибудь уговоришь умнаго мужа моего, чшобы онъ избавилъ меня ошъ эшой мерзосши! — Но, во чшо-бы то ни спало — прибавила Елисавеша, съ горячноспію — я на своемъ посшавлю!»

—А я думаю—опвѣчала Софья—что всѣ швои хлопоты будутъ бесполезны; навѣрное предвидѣшь можно, чшо мужъ швой не согласишся ни на какія перемѣны. Мнѣ кажется, лучше и не начинашь швоихъ убѣжденій.

« Можно - ли бытъ несчастнѣе меня! Какъ жестоко я ошиблась! И, къ сожалѣнію, какъ поздно я его узнала! Онъ казался наспоющимъ Ангеломъ, когда былъ женихомъ, а теперь — какъ онъ перемѣнился! Можно-ли было повѣрить, что онъ такъ упрямъ, такъ несговорчивъ, такой деспотъ! »

— Мнѣ кажешся, мужъ твой — возразила Софья, съ улыбкою — точно въ такомъ-же удивленіи, и имѣешь такое-же мнѣніе о тебѣ самой, какое ты обнемъ. Надобно правду сказать: я никогда не замѣчала въ немъ преклоннаго и пихаго характера. Тебѣ должно было напередъ обдумать это, но ты была въ какомъ-то очарованіи, и смотрѣла на все не въ настоящемъ видѣ. Умъ у него не самый обширный, а люди такого рода всегда бывають упрямы. Онъ провелъ большую часть жизни съ матерью, въ уединеніи, а покойница, какъ мнѣ сказывали, была довольно скупа и своевольна. Онъ видѣлъ, что старинная мебель

и украшенія дома, не только ей нравились, но что она даже гордилась ими. Какъ-же не досадовашь ему на себя, когда ты находишь, напрошивъ, все мерзскимъ, и слишкомъ опккровенно и скоро объявила ему мнѣніе свое, что домъ его похожъ на пюрьму? Можетъ быть, я ошибаюсь, но, кажется, мужъ твой никогда не забудетъ, что онъ женился на тебѣ безъ приданаго, а потому онъ почитаетъ себя въ правѣ пребывать опять жены, чтобы она не имѣла собственнхъ желаній, угождала ему, и слѣпо повиновалась, какъ благодѣтелю. Ты въ затруднительномъ положеніи. Что дѣлаешь, милая Лизанька! Ты никого упрекнуть не можешь: ты сама выбрала. Не только никто не уговаривалъ тебя выйдши за Князя Рамирскаго, но, напрошивъ, маменька совѣтовала не слѣшишь и обдумаешь свое намѣреніе. Теперь все кончено, и поправишь уже ни чѣмъ нельзя. Надобно вооружиться терпѣніемъ, и дѣйствовать, соображаясь съ общо-

япельспвами, въ копорыа ты сама себя посшавила. Тешушка Прасковья Васильевна часто повшоряешъ, и весьма справедли-
во: Il faut partir du point, où l'on est
(надобно начинатьъ съ той почки, гдѣ мы находимся). Твоя судьба рѣшена навѣкъ. Ты соединена неразрывными узами съ эшимъ человѣкомъ, и одна только смерть разлучишь васъ. Разсмотри характеръ его, спарайся сообразить и согласишь съ нимъ собственныя твои свойства, дѣйствуй по разсудку, и имѣй прежде всего строгое наблюденіе за собою. Первый опытъ наблюденій твоихъ долженъ увѣрить тебя, что если ты вздумаешь вдругъ и насшопельно обременять мужа требованіями своими, то все испорчишь. Но поспущая искусно, льстя его самолюбію, удивляясь какому нибудь вздору, который ему нравится, ты навѣрное сдѣлаешь изъ него все, что тебѣ захочется.—

«То есть: мнѣ должно быть въ восторгъ и хвалишь дрянной, старинный

фарфоръ его?» отвѣчала Елисавета.
 «Какъ отвращительна въ мужчинѣ такая
 мѣлочная привязанность къ пустякамъ!
 Ошкроденно скажу тебѣ, Соничка, что
 льстивъ и припворивъ выше силъ мо-
 ихъ, и я даже удивляюсь, что ты дѣла-
 ешь мнѣ такое предложеніе!»

— Какъ-же бышь? Если ты можешь
 довольствоваться своимъ насущнымъ
 положеніемъ, можешь равнодушно смо-
 трѣть на старомодныя мебели, и поко-
 ришься необходимости — что было-бы
 всего лучше — то, конечно, нѣтъ никакой
 нужды употреблять лестъ и припвор-
 ство. Но ежели ты хочешь непременно
 пославить по своему, и думаешь *пере-*
упрямить мужа, то очень ошибаешься!
 Сколь ни низка лестъ, но кажется все
 она лучше, чѣмъ открытая, безпреспан-
 ная ссоры и непріятности между мужемъ
 и женою. Для сохраненія мира и согласія
 въ супружествѣ, мнѣ кажется, это
 средство позволительнымъ. Припомъ-же—
 продолжала Софья — обдумай, и обрати
 вниманіе еще на весьма важный пред-

мень. Если ты первая, и при всѣхъ, будешь насмѣхаться надъ спраннымъ вкусомъ своего мужа и спавишь его въ дураки, то какъ-же ты хочешь, чтобы другіе уважали его? Ты гораздо умнѣе своего мужа—это не лезть, а точная правда — слѣдовательно, опъ себя, именно опъ себя зависишь, сдѣлашь изъ него все, что ты захочешь. Если только будешь ты умно и искусно поступать, то можешь скрыть его недоспапки, и обратишь на него общее уваженіе. Не насмѣхайся надъ нимъ, показывай, напротивъ, что чего ему хочется, и что ему нравишься, то одинаково и ты, вмѣстѣ съ нимъ, одобряешь. Впрочемъ, мудрено давашь совѣты въ подобныхъ случаяхъ. Говоряшь однакожь всѣ, что будто-бы молодая, умная, смѣливая и прекрасная собою женщина все можешь сдѣлашь, что захочешь. —

При сихъ словахъ, сестры слышали, что идешь Князь Рамирскій, и Софья поспѣшила опправиться въ свою комнату.

ГЛАВА IX.

« Slavın oder frey, ein schönes Weib
« das seine Macht kennt und sie gelten
« zu machen weiss, ist allenthalben
« Königin, wohin sie kommt. »

WIELAND.

« Невольница, или свободная, пре-
« лестная женщина, знающая и
« умѣющая поддерживать власць свою,
« всюду царствуетъ, гдѣ-бы она ни
« явилась. »

Виландъ.

На другой день, утро прошло въ
большомъ согласіи между супругами.
Дурная погода помѣшала идти гулять,
и, казалось, Князь Рамирскій былъ очень

этому радъ. Онъ воспользовался симъ случаемъ, и спѣшилъ показать фарфоръ свой. Всѣ ошправились въ кладовую, и, опяшь со всею подробносцію, онъ разсказалъ исторію каждого чайника, кофейника, каждой чашки. Елисавета, искавшая случая нравишься мужу и развеселяшь его, дѣлая пошухоньку знаки Софѣ, и пожимая плечами, восхищалась знаменитымъ фарфоромъ. Она очень удачно хвалила, именно то, что болѣе нравилось ей мужу, и, къ довершенію побѣды своей, сказала, что изъ всего ею видимаго должно заключишь, что его покойная мапушка была женщина ослитнаго ума и имѣла много вкуса. Такая похвала могла-бъ бытъ принята просто за насмѣшку, но Князь Рамирскій не понималъ, и пріятно улыбнулся. За осмотромъ фарфора послѣдовало обозрѣніе всего дома. Елисавета хвалила хорошую пропорцію комнатъ, а всего болѣе удобность и спокойное расположеніе. Словомъ: ободряемая и поддерживаемая

Софьею, она превзошла сама себя, хопя припомъ, искусно и кспаши, намекнула о нѣкоторыхъ перемѣнахъ въ мебели и въ украшеніи дома.

Князь Рамирскій хранилъ глубокое молчаніе при сихъ *искусныхъ намекахъ*; однакожь не было замѣшно, чшобы онъ сердился и принималъ ихъ съ неудовольствіемъ. Софья боялась, что сестра ея не выдержишь роли своей, и опяшь выйдешъ ссора; пожапіемъ попихоньку руки, и взглядами, она умоляла ее продолжать, и сама, съ своей стороны, всѣми силами поддерживала Елисавешу.

Но въ бильярдной комнашѣ едва было не испортилось все дѣло. Въ ней висѣли на спѣнахъ семейные портреты. Предки Князя изображены были, иные въ лапахъ и большихъ парикахъ, другіе во Французскихъ кафшанахъ, причесанные, въ букляхъ; нѣкоторые написаны были во весь росшъ, въ самыхъ каррикатурныхъ позиціяхъ, съ выпянувшими впередъ руками и ногами. Опець Князя

Рамирскаго , снятый въ молодости его, въ голубомъ кафшанѣ, желшомъ камзолѣ и фіолетовомъ исподнемъ плашьѣ, распудренный, перегнувшійся передъ своею женою и подающій ей розу; Княгиня, одѣтая въ робронъ, съ фижмами, съ высокою, спаринною прическою, и также распудренная, держащая на рукахъ сына, нынѣшняго Князя Рамирскаго, изображеннаго въ видѣ Амура — всѣ на одной каршинѣ — были до такой степени уродливы, что не только въпреная Елисавета, но и сама разсудительная Софья насилу могли удержаться отъ смѣха! Однакожъ, сіи портреты, и вообще все украшеніе дома, въ особенності-же спаринныя, тяжелыя кресла, которыя съ трудомъ можно было сдвинуть съ мѣста, приводили въ опчаяніе Елисавету ... ея терпѣніе истощалось. Но, къ счастью, Князь повелѣлъ Алексѣя Холмскаго смотрѣть заводскихъ лошадей. Сестры оспались вдвоемъ.

—И эшо называеися счаспливая и выгодная паршія!—сказала Елисавета, со слезами на глазахъ. — А по чему-же думать иначе? — возразила Софья. — Не настоящее-ли ребячество: приходишь въ опчаяніе опъ того, что въ домъ спаринныя мебели? —

«Въ числѣ выгодъ и благополучія, которыми я наслаждаюсь въ счасливомъ моемъ супружествѣ, сдѣлай одолженіе, не забудь упомянуть объ умномъ и пріятномъ разговорѣ моего супруга. Какъ краснорѣчиво рассказывалъ онъ о прекрасномъ своемъ фарфорѣ! Съ какимъ восторгомъ подспавлялъ онъ ухо, слушая звонъ славныхъ своихъ чашекъ! Какъ ясно доказывалъ онъ, что по звуку можно узнавать достоинство фарфора! Я не сердилась-бы за странную его привязанность къ эшому вздору, ежели-бы при томъ не былъ онъ еще упрямъ и скупъ, ежели-бы не мѣшалъ и мнѣ также имѣть свои собственныя желанія. Но, сама посуди: можно-ли принять когонибудь

въ эпомъ сараѣ, называемомъ *гостиною*? Эпо наспоящая площадь: не слыхашъ на одномъ концѣ, что говорятъ на другомъ, а креселъ недоспанешъ никакой силы пронуть съ мѣша. Какъ насмѣхался-бы надо мною Пепруша Аглаевъ, если-бы онъ былъ здѣсь!»

— Вспомни, что ты сама подшучивала надъ легонькими его спульчиками, на которыхъ, говорила ты, очень желала-бы посмопрѣть, какъ помѣшишься шучный Сундуковъ! Твои кресла двоихъ Сундуковыхъ подымушъ; припомъ-же у тебя есть нѣсколько высокихъ, здоровыхъ лакеевъ, которые, по своему приказанію, переспавяшъ ихъ, куда ты захочешь. Но оставимъ шутки. Еще напоминаю тебѣ: сама подумай—не сущее-ли ребячество огорчаться такимъ вздоромъ? Признайся: важная причина горести твоей заключается въ словахъ, которыми оканчиваешъ Грибоѣдовъ *Горе отъ ума* —

Ахъ, Боже мой! что будешь говорить
Графиня Марья Алексѣвна!

Милый другъ мой! что-бы ты ни сдѣлала, и какъ-бы ты ни расположилась, опъ злословія, зависпи и насмѣшекъ никакъ не уйдешь. Впрочемъ, ты напрасно объ эшомъ и безпокоишься. Повѣрь, что вся великая ответственность за спаромодныя ваши мебели падешъ не на тебя. Всѣ знаютъ, что у тебя нѣтъ недоспапка въ щегольствѣ и хорошемъ вкусѣ. Посрамленіе обратишь на счешъ своего мужа.

« Но мнѣ хошѣлось-бы, чшобъ никто и надъ нимъ не насмѣхался, и чшобы напрошивъ, онъ былъ всѣми уважаемъ. Эшо сама ты вчера, очень справедливо, говорила мнѣ. »

— Желаніе швое, любезная Лизанька, меня чрезвычайно радуешъ. Еще тебѣ повшоряю: если ты сама не спашешь показывать при всѣхъ должнаго вниманія къ мужу, то его никто уважать не будешъ. Одни только глуп-

цы и шалуны ободряютъ жену, когда она захочетъ насмѣхаться и блистать умомъ на счетъ своего мужа. Повѣрь, что единственно только покорностью, привязанностью и уваженіемъ къ нему, ты можешь заслужить хорошее о себѣ мнѣніе людей разсудительныхъ.

Елисавета согласилась въ справедливости сужденій Софьи, расцѣловала ее, и обѣщалась слѣдовать во всемъ ея совѣтамъ.

Въ этотъ день расположились наши молодые, послѣ ранняго обѣда, ѣхать съ визитомъ, за пять верстъ отъ Никольскаго, къ роднымъ своимъ, помещикамъ Свѣпланинымъ. Елисавета слышала о женѣ Свѣпланина, что она очень милая и привѣтливая женщина. Свѣяжская была съ нею знакома, и совѣтовала Елисаветѣ сблизиться съ нею.

Изъ памяти Елисаветы не изгладилась еще разговоръ съ сестрою. Она была очень мила за обѣдомъ, оказывала

всякое вниманіе мужу, не перебивала его словъ, соглашалась на все, и даже смѣялась нѣкошорымъ, довольно плоскимъ шушкамъ его, поддерживала ихъ, и давала имъ умомъ своимъ забавный смыслъ. Тотчасъ послѣ обѣда пошла она одѣваться, и нарядилась чрезвычайно къ лицу, что при красотѣ ея, молодоспи и свѣжести было совсѣмъ не трудно. Князь Рамирскій былъ восхищенъ; Софья находила ее прелесною; даже самъ холодный брапецъ, Алексѣй Васильевичъ, удоспоилъ согласишься, что Елисавета очень не дурна собою.

Земли Князя Рамирскаго и Свѣп-ланина были смежны, и тотчасъ, какъ скоро въѣхали во владѣніе сего послѣдняго, замѣтна была большая разница. У Князя Рамирскаго близъ самаго дома на силу могли проѣхать, опъ чрезвычайной грязи и шолковъ, особенно-же подлѣ винокуреннаго завода. Подъ гору спускались съ большою опасностію; надобно было имѣть очень смирныхъ лошадей

и необыкновенное искусство кучера, чтобы на косогорѣ не взвалили въ рышвины, по обѣимъ сторонамъ дороги. На мостахъ вездѣ должно было оппргать приспаяныхъ, и, не смопря на то, мосты чуть держались подъ тяжестью кареты. Напрошивъ того, во владѣніи Свѣшланина горы были срыты, рышвины завалены, прекрасная аллея, усыпанная пескомъ и хрящемъ, вела къ его усадьбѣ. Креспьянскія избы, службы, хозяйственныя строенія, все было въ порядкѣ и хорошихъ фасадовъ. Оба дома, Князя Рамирскаго и Свѣшланина, строили дѣдушки ихъ, въ одно время, и по одному плану; но Свѣшланинъ передѣлалъ дѣдушкинъ домъ по новѣйшей Архитектурѣ, и далъ, сколько можно было, старинному этому дому хорошую наружность. Князь Рамирскій осуждалъ прежде излишнюю роскошь сосѣда, называлъ ее мотовствомъ, и находилъ, что старинный его домъ былъ гораздо лучше; но теперь долженъ былъ при-

знашья, что между домомъ его и Свѣпланина большая разница.

Внутри дома Свѣпланиныхъ было все чисто, и хотя не великолѣпно, но со вкусомъ убрано. Гостей не ждали, но въ лакейской нашли они нѣсколько людей, опрятно одѣтыхъ: это большая рѣдкость въ деревенскихъ господскихъ домахъ, гдѣ, если невзначай кто придетъ, то, или никого не найдетъ въ передней, или встрѣшитъ какогонибудь замараннаго мальчишку, либо толпу запачканныхъ слугъ.

Хозяйка занималась съ дѣтьми, въ то время, когда Рамирскій пришелъ. Она приняла его привѣтливо, просила Елисавету полюбить ее, и была такъ ласкова и мила, что плѣнила ее. Вскорѣ явился и хозяинъ, изъ своего кабинета. Хотя умомъ и характеромъ былъ онъ несходенъ съ Княземъ Рамирскимъ, но соблюдалъ все приличіе, обращаясь съ нимъ, какъ съ роднымъ,

и между ними никогда никакой непріятности не бывало. Вообще замѣтно было, по обхожденію Свѣпланина съ женою, по уваженію сосѣдей, и по порядку въ его деревнѣ и домѣ, что онъ былъ умный, добрый человѣкъ, счастливый мужъ и отецъ, и хорошій хозяинъ.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій и деревенскаго общаго разговора — объ урожаѣ, замолопѣ, посѣвѣ хлѣба — предложилъ Свѣпланинъ воспользоваться хорошою осеннею погодою, идти гулять, и посмотрѣть его оранжереи и садъ. Все одно другому соотвѣтствовало. Проспранный лугъ передъ домомъ, искусно расположенныя куртины, съ цвѣтами, большой прудъ, на которомъ стояли суда, съ разноцвѣтными флагами, пышный дворъ хорошаго фасада, мостики, бесѣдки — все было прелестно; въ особенності — же оранжереи нашли гости въ большомъ порядкѣ. Видно было, что хозяинъ охотникъ и мастеръ своего дѣла.

Возвратясь домой послѣ прогулки, госпямъ подали чай; потомъ Свѣпланина, чшобы занялась пріятно, сказала Елисаветѣ, что она слышала о большомъ искусствѣ ея на фортепіано, и хошя совѣстно было при первомъ знакомствѣ просить ее, но она намѣрена обходиться съ нею, какъ съ родною, и безъ всякой церемоніи просить ее сыграть что нибудь.

Елисавета не была застенчива, и съ удовольствіемъ воспользовалась случаемъ блеснуть своимъ дарованіемъ. Она легко и искусно сыграла нѣсколько трудныхъ пассажей изъ концерповъ Фильда, и, по всей справедливости, заслужила общее одобреніе. Вскорѣ послѣ того, Свѣпланинъ повелъ Князя Рамирскаго смотрѣть недавно купленную имъ заводскую лошадь, и, шедши съ нимъ къ манежу, поздравлялъ его съ такою милою женою, хвалилъ ея необыкновенное музыкальное искусство, и находилъ, что Князь очень счастливъ,

соснавивъ такую прекрасную паршію. Свѣпланинъ говорилъ это по добротѣ своей: онъ зналъ характеръ Князя Рамирскаго, и желалъ, по возможности, поселить въ немъ уваженіе къ Елисаветѣ. Въ самомъ дѣлѣ, похвала Свѣпланина, котораго Князь Рамирскій почиталъ умнымъ человекомъ, сдѣлала въ немъ большое впечатлѣніе въ пользу жены.

По возвращеніи въ комнаты, Свѣпланина, даже совсѣмъ не думавши, оказала Елисаветѣ большую услугу. Она начала шептать надъ стариннымъ украшеніемъ Княжескаго дома. «Я уже нѣсколько разъ говорила тебѣ,» сказала Свѣпланина, «что шпалеры твои въ гостиной, тяжелыя кресла, и вся мебель, слишкомъ обветшали, и что давно-бы пора переменить все это. Ты ошговаривался прежде, что ты человекъ холосшой, и въ парадныхъ комнатахъ никогда не бываешь; теперь, женившись, уже нѣтъ для тебя никакихъ

опшговорокъ. Какъ ты хочешь, а тебѣ съ аншиками своими разспашься надобно!» Елисавета не говорила ни слова; Князь Рамирскій опшучивался кое-какъ, но, замѣтно, безъ всякаго неудовольствія. Елисавета очень искусно обрашила разговоръ на прекрасные Французскіе обои въ гостиной Свѣпланиныхъ; она разспрашивала, гдѣ, когда, и по какой цѣнѣ они куплены.

Спало смеркашья, и молодые наши опправились домой. Князь Рамирскій былъ ласковъ и разговорчивъ дорогою, рассказывалъ Елисавешѣ, какъ хорошо живутъ между собою Свѣпланины, спавиль ихъ въ примѣръ супружескаго согласія, и самъ былъ очень внимателенъ къ ней на это время. Онъ даже вышелъ на косогорѣ, и поддерживалъ карешу, чшобъ она не скапшлась въ рыпшину.

Вечеромъ, въ Никольскомъ, напившисъ чаю, обѣ сесшры принялись за свои рукодѣлья. Алексѣй Холмскій приглашалъ

было Князя Рамирскаго, по обыкновенію, играпъ въ шахматы; но Князь самъ вызвался держапъ шелкъ, который жена его хотѣла размашывапъ, смопрѣлъ на нее съ учаспїемъ и нѣжноспїю, и привелъ въ изумленіе слѣдующими словами:

«Обѣ мои сеспры, и Графиня Хлеспова и Свѣпланина, уже давно говоряпъ мнѣ, что пора перемѣнипъ снаромодныя мои мебели; онѣ почно правы. Когда я былъ не женапъ, то не находилъ въ эпомъ никакой нужды; но теперъ вижу самъ, что бывшее хорошимъ при бабушкѣ и при машушкѣ, не годипся намъ съ тобою, другъ мой!» Говоря эпо, обратился онъ къ своей женѣ. «Я хочу совсѣмъ передѣлапъ нашъ домъ; только, чтобы не испрапипъ много денегъ, спѣшипъ не буду. На первый случай хочу я начапъ съ гостиной и залы. Сняпъ шпалеры и расписапъ спѣны теперъ невозможно; я думаю, и хотѣлъ спросипъ швоего совѣта: не обипъ-ли ихъ шпофомъ, или

такими-же Французскими обоями, какъ у Свѣшланиныхъ? Только не знаю: можно-ли ихъ опыскашь въ Москвѣ?»

Елисавета, внѣ себя отъ удовольствія, бросилась цѣловать его, увѣряя, что онъ прекрасно вздумалъ. Она рассказала ему, гдѣ такіе обои въ Москвѣ продаются. На самомъ опытѣ увидѣла Елисавета, какъ хорошо сдѣлала, что послушалась Софьи, не надоѣдала мужу просьбами о перемѣнахъ, и предоспавила ему самому предложить объ этомъ. Тотчасъ приступили къ дѣлу, размѣряли и расчисляли, сколько чего надобно. Залу расположились обить Французскими обоями, а гостиную малиновымъ шпофомъ.

Князь Рамирскій принялся со всею важностію за дѣло: взялъ бумагу, перо, чернилицу, расчислявалъ, записывалъ, размѣривалъ, пригласилъ на совѣщаніе и Софью, копорая была въ большой радости, видя взаимное согласіе между супругами. Она при семъ

случаѣ совершенно убѣдилась, что у
 Князя Рамирскаго, кромѣ ограниченнаго
 ума, и понятія были очень шупы, шакъ,
 что даже Ариѳмешпику зналъ онъ пло-
 хо, и безпрестанно ошибался въ про-
 сныхъ исчисленіяхъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ,
 увѣрилась Софья, что у него доброе
 сердце, и что кротостью и перпѣніемъ
 можно все изъ него сдѣлать.

ГЛАВА X.

“ The great point of honour in man
“ is courage and in woman chastity.
“ If a man loses his honour in one
“ rencontre, it is not impossible for him
“ to regain it in another; a slip in
“ woman's honour is irrevocable. »

А Д И С О Н.

“ Первая честь мужчинъ неуспра-
“ шимось, а женщинъ непороч-
“ ность. Но, если въ какомъ нибудь
“ случаѣ мужчина помрачишь честь
“ сію, еще есть ему возможность
“ возвратить ее при другомъ дѣлѣ;
“ женщина — одною ошибкою гу-
“ бишь честь свою невозвратно. »

А Д Д И С О Н Ъ.

У Князя Рамирскаго почно было доб-
рое сердце. Похвалы Свѣпланина Ели-

савеснѣ сдѣлали на него сильное впечатлѣніе. Онъ укорялъ себя, что не умѣлъ опсудить ей должной цѣны, и сердился за вздорныя неудовольствія, копорыя должно было приписывать ея молодости и вѣтренности. Онъ ставилъ себѣ въ примѣръ самаго Свѣпланина, копорый спарался всегда угождать женѣ своей, и, исполняя желаніе ея, пошчасъ передѣлалъ домъ, не жалѣя никакихъ издержекъ. Князю хотѣлось не опспать опъ Свѣпланина; онъ желалъ, чтобы и объ немъ поже самое говорили.

Въ пошъ-же вечеръ принялся онъ писать къ своему Московскому управителю, назначилъ, что именно и гдѣ купишь, какія деньги употребить, и на какихъ подводахъ опсправить мебель. Обойщика и драпировщика, съ шпофомъ для обивки снѣнъ, обоями, и другими матеріалами, велѣлъ онъ прислать на почтовыхъ, съ шѣмъ служивелемъ, котораго въ пу-же ночь, нарочно, опсправилъ въ Москву.

Елисавета была въ вѣснорѣ. Любезность мужа имѣла на нее сильное дѣйствіе. Она сама старалась угождать ему, и нѣсколько дней сряду прошло для нихъ пріятно и миролюбиво. Въ продолженіе сего времени, они ѣздили съ визитами къ сосѣдямъ, а изъ Москвы все привезли къ нимъ. Госпиная и зала, къ совершенному удовольствію Елисаветы, очень скоро преобразились, и были убраны со вкусомъ. Молодая хозяйка не могла нарадоваться на такую перемѣну. Хотя, въ противоположность тому, спальня и другія комнаты, оставшіяся въ прежнемъ положеніи, казались ей еще ужаснѣе; но она упѣшала себя мыслию, что скоро все переделается. Съ восхищеніемъ ожидала она гостей своихъ. Сестра ея мужа, Графиня Авдошья Михайловна Хлещова, обѣщала приѣхать изъ Москвы, съ дочерьми своими, ко дню рожденія брата; къ этому-же дню приглашены были и сосѣди.

Наконецъ , наступилъ давно ожида-
 ный, счастливый день сей. Графиня Хле-
 сшова приѣхала наканунѣ , и разхвалила
 новое украшеніе комнашъ. Къ обѣду
 спали съѣзжающія и другіе госпи. Всѣ
 находили прелестною опдѣлку госпи-
 ной и залы , опдавая справедливостъ
 хорошему вкусу Елисаветы; но она го-
 ворила , что все это сдѣлано и придумано не ею, а мужемъ ея.

Князь Рамирскій былъ скупъ ; но въ
 чрезвычайныхъ случаяхъ , когда имѣлъ ,
 какъ говорилъ онъ , безразсудностъ
 звавъ къ себѣ госпей и давая праздни-
 ки , не жалѣлъ онъ ничего. Елисавет-
 та , въ полномъ удовольствіи , среди
 многочисленнаго общесшва , сидѣла, еще
 въ первый разъ опъ роду, какъ хозяй-
 ка, на главномъ мѣстѣ за столомъ, уго-
 щала, распоряжала всѣмъ. . . Какое сча-
 сшіе! Сердце ея билось опъ радости.
 Полковая музыка, вызванная изъ уѣздна-
 го ихъ города, гремѣла во все время обѣ-
 да. Попомъ, по обыкновенію, были шан-

ды и фейерверкъ , въ копоромъ горѣли вензеля Князя и Княгини Рамирскихъ. Садъ и домъ были прекрасно иллюминированы. Рѣшительно , по мнѣнію Елисаветы, праздникъ былъ чудесный; ей казалось, что она перещеголяла самого Сундукова.

Въ числѣ гостей были и Свѣпланинъ съ женою. Софья, предупрежденная Свѣжскою въ пользу Свѣпланиной, скоро подружилась съ нею. Онѣ провели время очень пріятно.

Веселости въ Никольскомъ продолжались нѣсколько дней. Наконецъ , гости спали разѣзжаясь. Дочери Графини Хлесповой любили танцовать; Елисавета тоже. Сверхъ того, какъ она говорила мужу , ей должно было доставлять удовольствіе любезнымъ и милымъ племянницамъ , копорыхъ называла она кузинами. Пожилыхъ сосѣдей, умѣвшихъ только играть въ вистъ, по маленькой, и пить правникъ, или пиво, равнодушно отпускала Елисавета отъ себя; но

убѣдишельнѣйше просила остававшихся танцоровъ и молодыхъ офицеровъ Гусарскаго полка, споявшаго въ ихъ уѣздѣ. Всякій вечеръ были танцы, или игра въ *фанты* и *шарады въ дѣйствиіи*. Но въ продолженіе сего времени, съ величайшимъ изумленіемъ увидѣла Елисавета, чшо старшая дочь Хлесповой, Софья, дѣвушка лѣтъ 25-ти, не только дѣлала глазки и кокетствовала съ гусарскимъ корнемомъ Угаровымъ, мальчишкой лѣтъ восемнадцати, но замѣтила даже, чшо онъ и она тихонько между собою шепчущся и передающъ записочки.

Угаровъ, ни въ какомъ отношеніи, не могъ быть *партіею* для дочери Графини Хлесповой; лѣтами былъ онъ ея моложе, ничего не имѣлъ, и былъ припомъ человекъ самаго дурнаго тона, не воспитанный; привязанностію къ водкѣ и пуншу предвѣщалъ онъ припомъ, чшо въ скоромъ времени сдѣлается большимъ негодяемъ.

Елисавета не знала, чшо ей дѣлать;

она боялась попасъ въ повѣренныя въ эпомъ безразсудномъ дѣлѣ, а съ Хлесповой, думала она, не такъ легко будешь за это раздѣлаться. Софья, сеспрая, также все это замѣшила, и совѣщивала ей, чшобы какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ госшей, сказапсья больною, подвязапъ щеку, и жаловапсья на мучишельную боль зубовъ.

Между тѣмъ, и Князь Рамирскій начиналъ пятапипсья госпиями и продолжишельными веселостпиями. Все это спшшло довольно дорого; онъ замѣшилъ большой ущербъ въ деньгахъ, кошорья такъ долго и такъ усердно копилъ, бывши холоспымъ. По разсчешу его, свадьба, подарки, экипажи, поѣздка въ Москву, передѣлки въ домѣ, и угощеніе на его праздникѣ, спштили ему—пшсячъ около сорока! Это совсѣмъ не шшпка. Онъ съ ужасомъ повѣрлялъ итоги въ своей расходной книгѣ, и рѣшишельно расположилса прожипъ нѣсколькo лѣпъ, безвыѣдно, въ деревнѣ, чшпо-

бы вознаградишь значительные свои убытки.

Наконецъ, всѣ гости разъѣхались; осталась только одна Графиня Хлеспова, съ дочерьми. *Необыкновенная* эша женщина имѣла въ послѣдствіи времени большое вліяніе, совѣтами и интригами своими, на судьбу Елисаветы и Софы. Почтишаемъ долгомъ познакомишь покороче съ нею нашихъ читателей.

Утверждаютъ, что женщины гораздо склоннѣе ко всякимъ крайностямъ, нежели мужчины, и что спраси, добродѣтели и пороки сильнѣе надъ ними дѣйствуютъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ того пожертвованія, къ которому-бы добродѣтельная женщина не была способна. Самоопроверженіе, готовность перенести всякія спраданія, силу характера, все это гораздо скорѣе увидимъ мы въ женщинѣ, нежели въ мужчинѣ. Но за то — злость, коварство, хитрость, лицемерство, преспирающія также въ женщинахъ до высшей степени. Никакому муж-

чинѣ никогда въ голову не придетъ то, что можешь придумать, и на что можешь рѣшиться женщина!

Графиня Хлестова принадлежала къ *сословію* злыхъ женщинъ, во всей силѣ и во всемъ проспранствѣ сего слова. Она подвизалась, уже болѣе пятидесяти лѣтъ, неутомимо на семъ поприщѣ, и общее мнѣніе рѣшило, что подобную ей развратную лицемѣрку и такую злую сплетницу и охотницу вредить и сорить, врядъ-ли гдѣ нибудь отыскать можно!

Она была красавица въ молодости. Графъ Хлестовъ, богатый и знаменитый человекъ, влюбился въ нее, предложилъ ей руку, и — заплашилъ спрѣданіемъ всей жизни за свою неосмотрительность. Развратная жена его не имѣла недостатка въ любовникахъ смолodu; когда же сдѣлалась она постарѣе, и красота ея увяла, то большія денежные пожертвованія доставляли ей наемныхъ обожателей. Она разстроивала свое состоя-

ніе, и была до такой степени безстыдна, что даже нисколько не скрывала порочнаго своего поведенія. Въспіѣ съ тѣмъ, изыскивала она всякія средства все дѣлать мужу на-перекоръ, отъ самой бездѣлицы до важнѣйшихъ дѣлъ, по есѣ, до замужства дочерей. Сноило только ему пожелать, то онъ навѣрное находилъ упорнѣйшее сопротивленіе отъ жены своей. Сверхъ того, не чувствуя никакой привязанности къ мужу, она безпрестанно мучила его ревностью, выдумывала невѣроятныя клеветы, жаловалась всѣмъ—даже старалась воспановить противъ него дѣшей!

Графъ Хлесповъ терпѣливо сносилъ величайшее наказаніе, какое только можеть испытывать человекъ въ здѣшней жизни; но терпѣніе его истощалось: онъ готовъ былъ нѣсколько разъ разоидтись съ женою. Одна только мысль, что гласная исторія можеть повредить репутаціи дочерей, и ошлечь отъ нихъ жениховъ, останавливала Графа. Какой

порядочный человекъ — думалъ онъ — захочешь вступишь въ семейство, гдѣ несогласіе и вражда споль явны? Но шягоспныя, и часпо повшоряемыя непріятности имѣли сильное вліяніе на здоровье Графа Хлестова: онъ окончилъ преждевременно жизнь свою.

Осшавшись вдовою, въ короткое время довершила Графиня разспройство своего состоянія, пошому, что она умѣла шолько проживать деньги, а не управлать имѣніемъ. Она основывала всѣ надежды свои на наслѣдство послѣ брата, и ей очень непріятно было, что онъ женился. Нѣсколько разъ, прежде того, искусно опклоняла и разспроивала она паршіи, кошорыя Князь Рамирскій имѣлъ въ виду. Свашовство, и пошомъ женитьба его въ семействѣ Холмскихъ совершились внезапно. Князь Рамирскій не спрашивалъ совѣта сестры, и, не желая даже что-бы она была на свадьбѣ, увѣдомилъ, будшо по шѣсношѣ дома будущей тещи, онъ не можешь пригласишь ее, но что же-

нившись, поспѣхъ привезетъ жену свою въ Москву, и познакомишъ съ нею.

Все это бѣсило Графиню. Дѣлашъ было нѣчего : она расположила планъ дѣйсшвій своихъ сообразно съ общо-шпельсшвами. Кромѣ адскаго удовольсшвія вредитъ и ссоришъ, въ насшоящемъ случаѣ соединены были и собсшвенныя ея выгоды : она надѣялась , что часшныя непріятности произведутъ , можетъ бышъ, разводъ, и все имѣніе Рамирскаго достанетсѣ ей. Слѣдуя сему плану, начала она дѣйсшвовашъ при первомъ свиданіи: осыпала ласками и привѣсшвіями Елисавету , упошребила всѣ средсшва приобрѣсшъ ея довѣренность и дружбу; брашу шакже хвалила ее, находила, что она очень мила и прекраснаго характера; но вмѣсшѣ съ шѣмъ Графиня сѣяла сѣмена будущаго раздора между супругами. Елисаветѣ виушала она , что судя по характеру ея мужа , насшойчивостію все можно изъ него сдѣлашъ , одобряла насмѣшки ея и шушши

на счетъ мужа, поощряла ее, и наединѣ сама смѣялась, вмѣстѣ съ нею, надъ скупостию и мѣлочною его разсчепливостию. Князю Рамирскому также, издалека, среди похвалъ Елисаветѣ, намѣкала, что жена его довольно вѣпрена, и склонна къ мотовству; что надобно съ самаго начала положишь ей преграду, пошому, что вѣпренность можешь завлечь ее далеко, и имѣшь дурныя послѣдствія, и что наконецъ, онъ очень хорошо сдѣлаешь, ежели проживешь нѣсколько лѣтъ сряду въ деревнѣ. Эшо было сходно съ мыслями Князя, и онъ одобрилъ совѣтъ сестры. Такимъ образомъ планъ Графини Хлестовой начиналъ приходить въ исполненіе. Впрочемъ, по легкомыслию Елисаветы и ограниченности ума Князя Рамирскаго, Графинѣ легко было дѣйствовать съ ними. Она приѣхала изъ Москвы, съ намѣреніемъ довершить начатое.

Время пребыванія своего въ Никольскомъ употребила Графиня съ большою

для себя пользою. Въ дружескихъ , опкровенныхъ объясненіяхъ съ Елисаветою, наединѣ, она успѣла изгладить изъ сердца ея все , что совѣты Софьи произвели было хорошаго. Опять Графиня поспавила по своему, и ушвердила Елисавету въ томъ , что мужъ ея самаго слабаго характера, что всегда на первый случай онъ не согласится, разсердится, наговоришь грубостей; но настоятельностью можно потомъ изъ него сдѣлать все, что захочешь. Тѣмъ-же болѣе, говорила Графиня , что онъ спрашиваясь бышь смѣшнымъ въ общемъ мнѣніи , хочешь соблюсти всю свѣтскую наружность, и, при всей скупости , желаетъ казаться щедрымъ. Вообще — швердила Графиня — самое лучшее оружіе противъ него — настоятельность и насмѣшка. Брашу, напрошивъ того, говорила она, по дружбѣ и родственной любви , что часъ отъ часу болѣе ушверждается въ мнѣніи своемъ о вѣрности и необдумчивости Елисаветы. Она успѣла да-

же болѣе : возбудила въ немъ чувство ревности, обращая вниманіе его на Угарова, съ копорымъ, какъ она замѣтила, обходился Елисавеша . . . очень неоспорочно.

Но благопріятный случай сдѣлалъ эшу клевету доброй Хлешовой безуспѣшною, и открылъ глаза Князю Рамирскому. Онъ нечаянно встрѣпилъ Графиню Софью Хлешову съ Угаровымъ, наединѣ въ саду, спряшался за дерево, и подслушалъ разговоръ ихъ. Они клялись другъ другу во взаимной вѣрности, и соглашались тайно обвиняться. Князь Рамирскій явился внезапно передъ любовниками, наговорилъ Угарову множество грубостей, выгналъ его, и въ первомъ движеніи гнѣва, въ присущствіи жены своей, брата ея и сестры, объявилъ Хлешовой о похвальныхъ намѣреніяхъ ея дочери.

Хлешова привыкла къ такимъ подвигамъ дочерей; эшо не въ первый уже

разъ съ нею случалось. Припомъ-же, она не имѣла ни къ которой изъ нихъ никакой привязанности, и, какъ изъ предыдущаго описанія свойствъ ея съ достоверностію заключаешь можно, она и неспособна была любить кого нибудь. Но такая *гласная* исторія была слишкомъ оскорбительна для ея самолюбія. Желая соблюсти приличіе, и показавъ, что она поражена симъ происшествіемъ, Графиня признала нужнымъ упасъ въ обморокъ. Потомъ, опомнившись, она плакала, проклинала дочь свою; наконецъ постепенно успокоилась; только съ *материнскою нѣжностію* укоряла ее, доказывала, что она ее любитъ, желаетъ ей добра, и что по здравому разсудку и приличіямъ, Угаровъ не можетъ быть ея мужемъ. Дочь раскаявалась, просила прощенія, плакала, клялась, что она его забудетъ; словомъ: все дѣло шло своимъ порядкомъ, со стороны матери и дочери, и—до первой встрѣчи еще съ какимъ нибудь Угаровымъ, все миролюбиво

между ними окончилось. Но Хлешова не хотѣла долѣе осмѣиваться въ Никольскомъ, опасаясь, чѣмбы *раскалывающаяся* дочь ея вновь чего не зашѣяла. На другой день отправилась она въ Москву, поклявшись въ душѣ своей отмстить жестоко Софѣ, которую возненавидѣла съ первой встрѣчи, и которую въ настоящемъ случаѣ подозрѣвала, думая, что она открыла все Князю Рамирскому. Передъ отъѣздомъ, начала было Графиня дѣйствовать по своему прошивъ Софьи: вздумала увѣрять брата, что всему причиною Софья; что она способствовала интригѣ, и передавала записки Угарова; что будто-бы сама дочь ея призналась въ этомъ. Но злость и невѣроятность были слишкомъ явны. Князь Рамирскій уже давно зналъ, и могъ, по многимъ опытамъ, опдать должную справедливостъ душевнымъ свойствамъ милой своей сестрицы. Клевета на Софью, которую онъ душевно уважалъ, не имѣла надъ нимъ никакого дѣйствія.

Наконецъ, Графиня Хлеспова, къ общему всѣхъ удовольствію, уѣхала изъ Никольскаго. Но благонамѣренныя совѣты и внушенія, сдѣланныя Графиною Елисаветѣ, оспались, и сильно подѣйствовали, тѣмъ болѣе, что они соопшвѣпсвовали врожденнымъ склонностямъ Елисаветы къ власполюбію и насмѣшкамъ.

Послѣ отъѣзда госпей, первая перепалка между супругами открылась, когда объявилъ Князь, что они не только нынѣшнюю зиму не поѣдутъ въ Москву, но что онъ намѣренъ нѣсколько лѣтъ сряду прожить въ деревнѣ, для поправленія обшпояшельствъ, и вознагражденія большихъ, сдѣланныхъ имъ издержекъ. Елисавета спорила съ нимъ, употребляла обыкновенное оружіе женщинъ—слезы; но ни жалобы, ни слезы, ни насмѣшки, ни даже предвѣщанія, что всѣ будущъ называшъ его гнуснымъ скупцемъ—ничто не могло поколебашъ упор-

спива ея супруга. Миръ между ними заключенъ былъ на томъ условіи, что хоша въ Москву они не поѣдутъ, но въ Декабрѣ, ко дню рожденія Елисаветы, пригласятъ опяшь много госпней.

ГЛАВА XI.

« La pace in casa e un gran bene. »

G O L D O N I.

« Миръ въ домѣ большое благо. »

Г о л ь д о н и.

Вскорѣ, новое происшествіе было поводомъ къ нарушенію мирнаго прахша между супругами. Елисавета, всякое Воскресенье, видала въ приходской церкви семейство сосѣдей, соспоявшее изъ опца, машери, и прехъ дочерей. Хорошій шонъ, одежда, экипажи, ливрея на лакеяхъ, обрапили ея вниманіе; она спросила у мужа: кто эши сосѣди,

и почему они незнакомы съ нимъ? Князь опивчалъ, что фамилія ихъ *Арбатовы*; но почему они незнакомы, и не ѣздяшъ другъ къ другу, ничего не сказалъ, и старался обратишь разговоръ на другой предметъ. Елисавета повторила вопросъ свой, и узнала, что они въ ссорѣ, и что уже давно завязалось между ними тяжёлое дѣло. Начало сего процесса было самое ничтожное. Нѣскольکو крестьянскихъ бабъ и ребятишекъ Арбапова зашли въ лѣсъ Князя Рамирскаго, за грибами и ягодами, были пойманы его караульщиками, и онъ представилъ ихъ въ Земскій Судъ, при бумагѣ, гдѣ жаловался, что они попопшали у него сѣнокосъ. Такой, совсѣмъ не сосѣдскій поступокъ взбѣсилъ Арбапова. Подьячіе въ уѣздномъ городѣ постарались, для собственннхъ выгодъ своихъ, еще болѣе усиливъ его негодованіе, и научили его подать просьбу на Князя Рамирскаго, о землѣ, которая у нихъ въ одномъ мѣстѣ была чересполс-

сная. Изъ нѣсколькихъ десятиинъ возникла тогда разоришельная для обоихъ помѣщиковъ тяжба. Разъ пять приѣзжали Землемѣры повѣрять въ натурѣ землю; нѣсколько лѣтъ тянулось дѣло по инстанціямъ, гдѣ рѣшалось въ пользу то одного, то другаго соперника; наконецъ возвращено было опять для новаго переслѣдованія. Все это возспановило Князя Рамирскаго прошивъ Арбапова, и онъ не могъ равнодушно слышать его имени. Елисавета старалась примирить ихъ; говорила, что ненавиждить всякія ссоры; просила Князя прекратить непріятную и убыточную тяжбу; но съ неудовольствіемъ увѣрилась она, что супругъ ея большой ябедникъ. Часто конпорщикъ приносилъ ему подписывать просьбы на сосѣдей, то о пойманныхъ, въ хлѣбѣ или на лугахъ, лошадахъ сосѣдскихъ, то о порубленномъ лѣсѣ. Онъ никогда не соглашался оканчивать миролюбиво, по сосѣдски, столь маловажныя дѣла, и для подьячихъ

такой помѣщикъ былъ сокровище! Секретари часто къ нему ѣздили, и были принимаемы съ большимъ уваженіемъ; за то сосѣди опдалялись отъ него, и Елисавета замѣтила, что на приглашенія посѣщать ихъ, всѣ отвѣчали довольно холодно, а многіе, не смотря на ея привѣтствія, вовсе никогда у нихъ не бывали. Это чрезвычайно огорчало Елисавету. Открытіе новаго достоинства въ мужѣ: склонности къ ябедѣ — усилило ея грусть. Она сильно стала раскаиваться, что не подумавши, плѣнясь только знаменитію и богатствомъ Князя Рамирскаго, вышла за него. Въ это время завидовала она Катеринѣ, и находила, что сестра гораздо ея счастливѣе.

Однакожъ, желая показать, что имѣетъ совсѣмъ прошивной образъ мыслей, и не участвуетъ во враждѣ мужа своего, Елисавета, не только всегда кланялась въ церкви съ Арбаповыми, но подходила къ нимъ, и разговаривала съ

ними. Князь Рамирскій, по обыкновенію своему, съ грубоспїю укорялъ ее, что она всегда и все дѣлаешь ему на зло, и теперь знакомишься съ людьми, для него непріятными. Елисавета, смотря пошому, въ какомъ она бывала нравѣ, отвѣчала иногда сама грубо или смѣялась и подшучивала надъ нимъ. Тщешно Софья останавливала ссору; безпрестанныя ссоры ея съ мужемъ сдѣлались наконецъ нестерпимы, и Софья написала къ Свѣяжской, чтобы она сдѣлала одолженіе приѣхала за нею, обѣщаясь, съ позволенія матери, прожить у нея всю зиму, а поѣздку къ сестрѣ Каптеринѣ располагая, по желанію Свѣяжской, опложивъ до весны.

«Не уже-ли ты хочешь ѣхать опъ насъ?» сказала Елисавета. «Ты сама видишь, какъ нужно здѣсь твое присутствіе: не смотря на умные твои совѣты, я безпрестанно дѣлаю глупости! Чтожь будешь, когда ты уѣдешь?»

— Елисавета! — отвѣчала Софья съ важ-

нымъ видомъ — ты гораздо старѣе меня. Я на самомъ опытѣ вижу, что совѣты мои бесполезны. Дружба къ тебѣ завлекла меня. Я думала, что имѣю право говорить тебѣ правду; но ты такъ мало уважаешь моими словами, что почти заспавляешь меня одуматься. Если-бы я была увѣрена, что пребываніе мое здѣсь можетъ опровергнуть большія бѣдствія, копорыя ты сама себѣ готовишь, то не поколебалась-бы ни на одну минуточку опасаться, но вижу, что я тебѣ не нужна. Напрошивъ, думаю, что когда ты останешься одна, то будешь осторожнѣе, спавнешь размышлять, и не подвергнешься непріятностямъ, копорыя опровергнуть я не имѣю ни силъ, ни способвъ.

« Но, помилуй, Софья, и сама разсуди: кого совѣтуешь ты мнѣ щадить и уважать? Найдется-ли гдѣ нибудь въ мірѣ человекъ сварливѣе и глупѣе его? Онъ со всѣми ссорится, всѣхъ опдаляетъ отъ меня, и до такой степени сума-

сброденъ, что хочешь лишишь меня даже удовольствія быть въ связи съ людьми, которые мнѣ нравятся! Что можешь быть ужаснѣе моего положенія? Я ненавижу ссоры, и должна весь вѣкъ прожить съ ябедникомъ и дуракомъ.!»

— Не знаю—опвѣчала Софья, съ улыбкою — имѣешь-ли ты право говорить, что ненавидишь ссоры: въ отношеніи къ своему мужу, ты доказываешь совершенно прошивное. Правда, когда мы жили вмѣстѣ у мапушки, почто была ты пріятнаго и миролюбиваго характера; но съ тѣхъ поръ, какъ вышла замужъ, нельзя упрекнуть тебя въ снисходительности и уступчивости. Послѣдній разговоръ тебѣ, какъ другъ: остерегись! Безпрестанныя твои несогласія съ мужемъ кончатся очень дурно.

« Но, я увѣрена, что поступки его прошивъ Арбаповыхъ несправедливы; я должна взять ихъ сторону. »

— Еще тебѣ повторю: вмѣшиваясь въ это дѣло, ты навлечешь на себя мно-

го непріятностей, безъ всякой пользы. Впрочемъ, дѣлай, что ты хочешь; я сказала тебѣ все, что было у меня на душѣ. Но и ты позволъ-же поступишь, какъ мнѣ хочется. Я обѣщалась тешушкѣ прожить съ нею нынѣшнюю зиму, и *непремѣнно* исполню это обѣщаніе. Войди сама въ мое положеніе: каково мнѣ слышать безпрестанныя твои жалобы на мужа, и быть свидѣтельницею пустыхъ вашихъ ссоръ? Я говорю: *пустыхъ*; онѣ еще покажутся поочно вздорныя, но непрерывное повтореніе одного и того-же вздора можешь, въ послѣдствіи времени, обратишь въ рѣшительное ошвращеніе другъ къ другу.

Три дня спустя послѣ сего разговора, Свіяжская пріѣхала въ Никольское. Совѣщанія Софьи опять сдѣлали довольно сильное впечатлѣніе на Елисавету. Во все время пребыванія Свіяжской не было между супругами никакихъ непріятностей. Свіяжская поѣхала отъ нихъ въ твердой увѣренности, что Князь и Кня-

гня избрали ближайшія средства для доспигенія счастія въ супружествѣ: взаимное уваженіе другъ къ другу, уступчивость, и снисходительность.

Прощаніе сестеръ было для нихъ обѣихъ тягостно. Елисавета знала, что разсудительность и хладнокровіе Софьи имѣли большое вліяніе на Князя. Онъ уважалъ Софью, удерживалъ себя, и стыдился при ней скупости и мѣлочной расщепливости своей. Самъ Князь, какъ видно было, очень сожалѣлъ, что Софья ѣдетъ, и убѣдительноше просилъ ее поскорѣе возвратиться къ нимъ. Онъ пакъ расщедрился, что даже рѣшился подарить ей на издержки въ Москвѣ десять полумпериаловъ! Софья не хотѣла было принять, но побоялась разсердиться и огорчить его отказомъ.

ГЛАВА XII.

« Laissons là toutes ces vaines
« disputes de Philosophes sur le
« bonheur et proposons-nous des
« grands exemples à imiter, plu-
« tôt que de vains systèmes à
« suivre.

J. J. ROUSSEAU.

« Оспавимъ всѣ пусшыя споры
« философовъ о счасшіи, и будемъ
« лучше подражать великимъ при-
« мѣрамъ, нежели слѣдовашь пу-
« сшымъ сисшемамъ.

Ж. Ж. Руссо.

Небольшой домъ Свіяжской, въ Москвѣ, находился въ срединѣ города, былъ спо-коенъ, сухъ и пепель, украшенъ не ве-ликолѣпно, но съ большимъ вкусомъ. Все въ немъ было чисто; вездѣ видны были

порядокъ и опрятность. Свіяжская оп-
 вела нѣсколько, совсѣмъ особыхъ ком-
 натъ для Софьи. Нигдѣ въ мірѣ не мог-
 ло бытъ ей такъ хорошо, какъ у Свіяж-
 ской, въ особенності-же послѣ непрі-
 ятной, и даже мучительной жизни у Ра-
 мирскихъ, въ Никольскомъ, гдѣ она
 безпрестанно должна была слушать вза-
 имныя жалобы ихъ другъ на друга,
 бытъ свидѣтельницею вѣчныхъ неудо-
 вольствій и ссоръ ихъ между собою, и
 при томъ ожидать еще важнѣйшихъ по-
 слѣдствій. Софья часто вспоминала о
 сестрѣ Каперинѣ; зная дробное сердце
 ея и прекрасный характеръ, она всегда
 представляла себѣ жизнь въ Пріюповѣ
 совсѣмъ въ противоположномъ видѣ.
 Свіяжская общала Софью по веснѣ ѣхавъ
 вмѣстѣ съ нею къ Каперинѣ. Между
 шѣмъ, говорила она, я доставлю тебѣ
 средство воспользоваться веселостями
 столицы зимою. Не смотря на привыч-
 ку къ уединенной жизни, Свіяжская вы-
 зывалась вездѣ сама ѣздить съ нею. Софья

благодарила ее, но напередъ опказывалась опъ сего предложенія.

Общеснво Свіяжской было не многочисленное, но избранное. Веселость ея, простое, вѣжливое, опкровенное обращеніе со всѣми, заспавляли убѣгапъ опъ ея общеспва злыхъ и привлекали добрыхъ. У нея было много родныхъ; домъ ея былъ сборищемъ молодыхъ, любезныхъ и умныхъ людей, которые не шягопились общеспвомъ спарухи. Она любила Науки и Искусства. Сочинишели и лучшіе Арписпы, жившіе въ Москвѣ, или приѣзжавшіе на время, были ею принимаемы съ уваженіемъ и вѣжливо-спію.

Она была набожна, но не ханжа: исполняла въ полной мѣрѣ обязанность Христіанки, и на самомъ опытѣ доказывала, что хранипъ въ душѣ чистую и твердую вѣру. Много перенесла она горя, но Религія и покорность къ Провидѣнію поддерживали ее на пупи жизни.

Софья была въ полной мѣрѣ спокойна

и счастлива. Все соотвѣтствовало склонностямъ ея и вкусу. Бесѣда съ доброю и умною женщиною, которую она привыкла уважать съ малолѣтства, и библіотека, составленная изъ отборныхъ и лучшихъ книгъ, Русскихъ, Французскихъ, Англійскихъ и Италіянскихъ, такъ занимали Софью, что она не видала, какъ проходило время. Вечеромъ съѣзжались родные; Свіяжская умѣла всѣхъ одушевить, и каждому доставивъ удовольствіе, сообразное съ его склонностями. Музыка, пѣніе, иногда танцы, при звукахъ фортепьяно — для молодыхъ; виски, боспонтъ, мушка — для пожилыхъ, которые никакъ и нигдѣ не могли обойтись безъ каршъ; привѣтливостъ и вниманіе хозяйки для всѣхъ вообще — все это дѣлало домъ и общество Свіяжской пріятными каждому. Всякій искалъ ея знакомства, и почиалъ себя за честь познакомиться съ нею.

До сихъ поръ говорили мы только о нравственныхъ свойствахъ Софьи. Мы

видѣли, что у нея было доброе сердце, и что она, своею разсудительностію, умомъ и прекраснымъ характеромъ, успѣла приобрѣсть общее уваженіе въ своемъ семействѣ. Теперь время поговорить объ ея наружности. Она была прелестна, стройна, высокаго роста; милое, доброе лицо ея, прекрасные глаза (какъ и у всѣхъ дочерей Холмской), молодость ея, свѣжесть, простота и любезность въ обхожденіи были чрезвычайно привлекательны. Сверхъ того, она была одарена отъ природы многими талантами: имѣла большую способность къ музыкѣ; голосъ у нея былъ пріятный, вѣрный и полный. Еще при оцѣ, замѣтившемъ въ ней способность къ музыкѣ и пѣнію, брала она уроки на фортепіано и арфѣ у лучшихъ Артистовъ Москвы. Въ деревнѣ она не оставляла безъ усовершенствованія своихъ дарованій. Холмская любила музыку, и Софья, въ угодность ея, часто играла и пѣла, сокращая длинные зимние

вечера симъ пріятнымъ занятіемъ. Всѣ новыя музыкальныя произведенія были ей извѣсны, и пошчасъ пересылались къ ней въ деревню.

Красота ея, дарованія и любезность привлекали многихъ. Еще въ деревнѣ были у нея *вздыхатели*, но сердце ея до сего времени оставалось свободно. Не имѣя ни малѣйшаго кокетства, она обходилась равно со всѣми, и умѣла держась молодыхъ людей въ должномъ отдаленіи отъ себя; она ни кому не подавала повода, и никакъ не смѣла дерзко обѣясняться съ нею. Ежели-бы Софья была богата, то нашлись-бы *предпріимчивые*: можешь быть, они имѣли-бы неудачу, но *страстная любовь* ихъ была-бы тогда гораздо сильнѣе. « Жаль, что Софья Холмская ничего не имѣетъ ! » говорили вздыхатели, и удалялись отъ нея.

Въ Москвѣ было тоже самое; однакожь Свѣжская замѣтила, что племянникъ ея, Полковникъ Александръ Андреевичъ

Чадскій, приѣхавшій недавно изъ Петербурга, очень часто началъ посѣщать ее. Когда онъ прежде бывалъ въ Москвѣ, по являлся къ Свѣяжской на нѣсколько минутъ, вскорѣ по приѣздѣ своемъ; обѣдалъ у нея попомъ въ большіе праздники, или въ день именинъ ея, и наконецъ пріѣзжалъ прощаться при отъѣздѣ. Теперь замѣтила она, что ея общество понравилось Чадскому. Всякій день просиживалъ онъ у нея по нѣсколькимъ часамъ, и всегда уѣзжалъ послѣдній. Она видѣла, что Чадскаго привлекаютъ не прелестныя глаза хозяйки, однакожь молчала, и не сообщала замѣчаній своихъ Софѣ, кошорая, по неопытности, ничего не видала, обходилась съ Чадскимъ такъ-же, какъ и со всѣми, и никакого преимущества ему прошивъ другихъ не дѣлала. Началъ было довольно часто ѣздить къ нимъ еще одинъ молодой человекъ, Николай Дмитриевичъ Пронскій, родной братъ Свѣшланиной. Софья, по дружбѣ съ его сест-

рою , была съ нимъ очень привѣтлива ; но посѣщенія Пронскаго внезапно прекрашились.

По прїѣздѣ въ Москву, Свіяжская чувствовала себя не очень здоровою. Простуда , дорогою изъ Никольскаго , заставила ее недѣли двѣ просидѣть дома. По выздоровленіи спала она *дѣлать визиты* , вмѣстѣ съ Софьею. Театръ , балы , и прочія веселости доставляли удовольствіе Софѣ , но ни сколько не прибавляли ей счастія. Уже давно умѣла она различать и понимать , въ наспо-ящемъ смыслѣ , слова : *удовольствіе и счастіе*.

« Я начинаю думать, » сказала она Свіяжской , « что вы имѣете планы прошивъ меня. »

— Можешь быть — отвѣчала Свіяжская. — Но скажи , что тебѣ показалось ?

« Вы хотите испрашивать меня и отклонить отъ замужства , показывая на самомъ опытѣ , что независимую жизнь

должно предпочесть всему. Поживши съ вами, видѣвъ спокойный и счастливый образъ вашей жизни, можно-ли имѣть безразсудное намѣреніе выходить когда нибудь за - мужъ? Воображеніе мое часно переноситъ меня въ Никольское. Чему была я свидѣтельницею тамъ, и по, что здѣсь вижу — все это не привлекаетъ, а отпугиваетъ мысль о замужествѣ!»

— Не надобно по одному, или двумъ примѣрамъ дѣлать общаго заключенія—опычала Свѣжская, усмѣхаясь.—Что касается до меня, по, конечно, кажется мнѣ, въ настоящемъ моемъ положеніи я гораздо счастливѣе, чѣмъ могла-бъ быть, вышедши въ свое время за - мужъ. Но и я даже, еще не осмѣлюсь сказать рѣшительно моего мнѣнія. У меня, слава Богу, хорошее состояніе, и, по спешенію обстоятельствъ, уже давно ни отъ кого я независима. Съ самой молодости моей привыкла я располагать собою; слѣдовательно, обязанности супружества, конечно, были-бы для меня

пѣтоспны ; но и мнѣ, по одному моему примѣру, судить о прочихъ было-бы безразсудно. Напрошивъ, я думаю, что много дѣвушекъ, блѣдныхъ, неимѣющихъ ни родныхъ, ни покровителей, ведутъ несчастную жизнь, и имѣютъ все право сожалѣть, что лишены тѣхъ предназначенныхъ женщинѣ связей, тѣхъ сладостныхъ чувствъ матери, которыхъ, въ союзѣ съ любезнымъ человекомъ, внушаетъ намъ сама природа. Въ твоей лѣтѣ никакъ не думала я оспаться старою дѣвкою : въ то время одна мысль объ этомъ была-бы ужасна для меня. Но, по благости Провидѣнія, будущая участь наша сокрыта завѣсою неизвѣстности. Я очень довольна моимъ жребіемъ нынѣ, а въ молодости никакъ не думала, что проведу жизнь такимъ образомъ !

« Я слышала отчасти исторію вашу отъ маменьки, но мнѣ хотѣлось-бы знать всѣ подробности, » сказала Софья Свѣяжской, замѣтивъ, по блѣднымъ ея щекамъ, и по глазамъ, полнымъ слезъ, что еще

не совсѣмъ изгладилось изъ сердца ея воспоминаніе о прежнихъ ея несчастіяхъ. Софѣ казалось, что дружеское участіе облегчитъ и усладитъ горестъ Свіяжской.

— Когда нибудь, если мы останемся съ побою однѣ, я все расскажу тебѣ—опвѣчала Свіяжская, со вздохомъ. — Однакожь надобно, чшобы эшо было случайно, и чшобы я была завлечена въ такую-же разговоръ, какъ теперъ: иначе никакъ не смогу я собраться съ духомъ, и прямо все тебѣ рассказать. . . .

«Ежели вамъ хошь нѣсколько шягосшно говоришь объ эшомъ, шо я опказываюсь слушаешь,» сказала Софья, «и опъ души умоляю васъ проспишь меня въ нескромномъ моемъ желаніи. Я раскаяваюсь даже, чшо завела эшомъ разговоръ.»

— Нѣтъ, мой другъ—опвѣчала Свіяжская, цѣлуя Софью—воспоминаніе о прежней моей жизни — и горестно, и пріятно для меня. Я никакъ не опказываюсь

разсказаць тебѣ, только теперъ я не въ духѣ. Переспанемъ, покаместъ, объ этомъ говоришь, и позволь мнѣ только дать тебѣ дружескій совѣтъ: не дѣлайъ поспѣхъ общаго заключенія, по какому нибудь частному случаю. Еще говорю тебѣ: конечно, лично я, можетъ быть одна изъ тысячи, счастлива тѣмъ, что не вступила въ супружество; но, кажешся, навѣрное сказаць можно, что большая часть старыхъ дѣвокъ, подобныхъ мнѣ, сожалеютъ и раскаиваются, что не вышли за-мужъ. Хотя также и въ томъ я твердо увѣрена, что многія замужнія женщины раскаиваются, и пеняются своимъ состояніемъ, и что бывають для нихъ даже такія минуты, когда онѣ завидуютъ старымъ дѣвушкамъ, имѣющимъ право располагать собою.—Но все это доказываетъ одно только, что *нѣтъ совершеннаго счастія въ здѣшнемъ мірѣ*, или, что мы не умѣемъ пользоваться благами, даруемыми намъ Провидѣніемъ. Рѣшительно: ты должна согласишься, что нельзя су-

дишь о супружествѣ по тому, чего была ты свидѣтельницею у Рамирскихъ. Увѣрена я, что совсѣмъ перемѣнишь ты образъ мыслей, поживъ съ Аглаевыми. Кто знаетъ? Можетъ быть, тебѣ самой определено быть примѣромъ, что супружество составляетъ истинное благополучіе, достойное человека въ здѣшной жизни. — Мнѣ кажется — прибавила Свѣжская — охъ того мало счастливыхъ супружествъ, что не умѣютъ, и не старающіяся внушить дѣвушкамъ надлежащаго понятія о томъ, въ чемъ состоитъ важная и священная обязанность супруги и матери семейства. Дѣвушка думаетъ, что замужество доставитъ ей независимость, и свободу веселиться. Вскорѣ на опытъ открываешь прошивное. Мужъ, иногда со всею доброю волею, не можетъ доставить средствъ предаваться разсѣянной жизни и удовольствіямъ, которыя, по молодости, бывають привлекательны для жены. Должно, иногда, удалиться охъ свѣта, жить безвыѣздно въ деревнѣ, всту-

нишь въ общество совсѣмъ незавлека-
тельное. Одна надежда молодой женѣ
оспаешся на любовь и привязанность му-
жа; но ему самому новый образъ жизни
и нѣкопороая зависимость, неизвѣстная
прежде, когда онъ былъ неженатъ, также
тягоспны. Онъ груспишь, не можешъ
скрышь, что ему скучно, и жена, не на-
ходя даже и въ немъ утѣшенія, предаеш-
ся унынію и досадѣ. Слѣдспвіемъ всего
этого бывающъ ссоры и непріятности
между ними. Я думала-бы, что дѣвуш-
кѣ, прежде вступленія въ бракъ, должно
пожишь въ свѣпѣ и воспользоуаться всѣ-
ми веселоспями: надобно, чтобы свѣп-
ская жизнь ей надоѣла, и чтобы удаленіе
отъ свѣпа, налагаемое обязанностію су-
пруги, матери и хозяйки дома, не было
уже ей въ тягоспъ. Но, кажешся, длин-
ная проповѣдь моя упомила шебя; пора
отдохнушь. Припомъ-же время одѣвашь-
ся, и ѣхашъ на вечеръ къ Княгинѣ Фоль-
гиной. Теперь Масляница: надобно ве-
селипсья.

« Вошъ , кажется мнѣ , самое счастливое супружесство ! » сказала Софья. « Князь Фольгинъ можетъ быть примѣромъ мужьямъ. Какъ онъ ласковъ , какъ внимателенъ къ женѣ своей ! »

Свѣяжская ничего ей не отвѣчала , и только вздохнула. Онѣ пошли одѣваться , чтобы ѣхать къ счастливымъ супругамъ.

ГЛАВА XIII.

« Какихъ ни вымышлай пружинъ,
« Чпобъ мужу бую умудриться :
« Не можно вѣкъ носить личинъ ,
« И истина должна ошкрышья. »

Державинъ.

Домъ Его Сіяшельства, Г-на Каммергера , Князя Бориса Ильича Фольгина , былъ изъ числа лучшихъ и пріятнѣйшихъ въ Москвѣ. Хозяинъ почипался умнымъ и добрымъ человекомъ. Веселоспію своею и острыми шутками нравился онъ молодымъ людямъ. Немолодые

почишали его достойнымъ уваженія попому, что бывъ женою болѣе пятнадцати лѣтъ, все также любилъ онъ жену, былъ къ ней всегда одинаково ласковъ, и вниманіемъ, какое показывалъ, желая угодишь ей, все еще похожъ былъ на любовника, а не на мужа.

Софья раздѣляла общее мнѣніе о Князѣ, и удивлялась, часно видя жену его въ уныніи и задумчивости. Она замѣчала даже иногда, что и глаза у нея бывали заплаканы.

Свѣяжская и Софья напли множество гостей. Князь Борисъ Ильичъ, по обыкновенію своему, одушевлялъ все общество, былъ чрезвычайно любезенъ, спарался угостишь всѣхъ, сославлялъ паршіи, самъ танцовалъ, выдумывалъ разныя игры для молодежи, бесѣдовалъ и шутилъ съ спарушками. Наконецъ подошелъ онъ къ Свѣяжской и Софѣ, сидѣвшимъ съ хозяйкою.

« Я досталъ для васъ билетъ въ маскарадъ, къ Графинѣ Эльфридиной, »

сказалъ онъ. «Весь городъ будетъ у нея. Какія прекрасныя кадрили и маски гошовапся! Объ васъ говоришь нѣчего — продолжалъ онъ, обращаясь къ Свіяжской. — Вы вѣрно сами не поѣдете, но оппустише Софью Васильевну съ моею женою — Что вы пакъ смопришь на меня? — прибавилъ Князь Фольгинъ, цѣлуя руку своей жены. — Ты вѣрно хочешь сказапъ, что чувспвуешь себя не очень здоровою? Эпо, даспъ Богъ, пройдетъ къ маскараду, и шебѣ не чѣмъ будетъ отговаривапсья. Такой затворницы мало найдпи можно! Вообразише, что я долженъ иногда серьёзно на нее сердипсья, и наспоптельно требовапъ, чтообы она выѣзжала. Она способна просидѣпъ у себя дома весь вѣкъ, одна, въ чепырехъ спѣнахъ. Сегодня еще былъ у насъ ужаснѣйшій споръ: я всякій годъ праздную день нашей свапъбы. Послѣ Свяпой хочу я дапъ балъ и спекшакль, въ нашей подмосковной, въ эпопъ самый день. А она изволипъ спорипъ и

возспавашь прошивъ меня. Разумѣется, послѣ она согласилась, потому, что у нея доброе сердце, и кончилось даже шѣмъ, что она обѣщалась взятьъ ролю въ комедіи, копорую мы пригошовляемъ къ этому дню. Въ наказаніе, хотѣлъ было я дать ей ролю спорщицы, въ сочиненномъ мною Прологѣ, но — умилоспивилсъ»

Софья не понимала ничего въ этомъ разговорѣ, однакожъ видѣла, что есть какая нибудь сокровенная непріятность между мужемъ и женою. За всѣмъ шѣмъ, Князь Борисъ Ильичъ казался ей такимъ добрымъ, такимъ милымъ человекомъ, что она внутренно винила его жену. Впрочемъ, Софья рѣшительно опказалась опъ маскарада Графини Эльфридиной, говоря, что такого рода удовольспвія ей совсѣмъ не нравятся. Княгиня Фольгина одобрила Софью, и, опносясь къ мужу, хвалила разсудительность ея, прибавивъ къ тому, что съ нею она должна-бъ была ѣхашъ,

но одна ни за что въ этомъ маскарадѣ не будетъ. — « Какъ ты хочешь » — отвѣчалъ Князь съ неудовольствіемъ, и отвернулся отъ нея. Немного погодя подошелъ онъ опять къ Свіяжской. « Ежели Софья Васильевна не хочетъ ѣхать въ маскарадъ къ Эльфридиной, » сказалъ онъ, « по крайней мѣрѣ, за то, что я хлопоталъ по пустому о билетахъ, дайте мнѣ честное слово, что вы пріѣдете вмѣстѣ съ нею, послѣ Свяшой, на праздникъ нашъ въ подмосковную. Неужели всегда и во всемъ будете вы мнѣ опаздывать? »

— Еще время терпѣть — отвѣчала Свіяжская, усмѣхнувшись. Тогда можно будетъ говорить объ этомъ, когда все поспѣетъ къ своему празднику. Мы съ тобою вѣдь давно знакомы. Я знаю, что успѣю приготовить мой отвѣтъ, до тѣхъ поръ, покамѣстъ исполнятся мои планы.

« Вы не хотите ни въ чемъ мнѣ вѣрить, » сказалъ Князь Фольгинъ. « Но

увидите , что театръ у меня въ под-
московной непременно будешь ; я самъ
спану играю нѣсколько различныхъ ро-
лей. »

— Тебѣ надобно-бы постараться
выучить собственную твою ролю въ
здѣшной жизни , то есть , быть хоро-
шимъ мужемъ и опцомъ — сказала ему
на ухо Свѣяжская.

Софья не слыхала сихъ послѣднихъ
словъ , но замѣтила , что Князь Фоль-
гинъ покраснѣлъ , и отошелъ отъ Свѣяж-
ской съ неудовольствіемъ. Она не по-
нимала , что все это значитъ. Вскорѣ
послѣ того , музыка заиграла копиль-
онъ , и Князь Фольгинъ , съ веселымъ
видомъ , подалъ руку одной дамѣ , одѣ-
той довольно смѣшно , и самого стран-
наго тона. Въ это-же время пріѣхалъ
Чадскій. Онъ искалъ Софью глазами , и
тотчасъ подошелъ къ ней , просилъ ее
танцовать. Въ копильонѣ видѣла Софья,
что Князь Борисъ Ильичъ смѣялся , шу-
шилъ , былъ веселъ , хотя за нѣсколько

минушъ предъ тѣмъ имѣлъ непріятный разговоръ съ Свіяжскою , и оставилъ ее съ замѣшнымъ неудовольствіемъ. Но это , по мнѣнію Софьи , служило новымъ доказательствомъ , что у него прекрасный характеръ и доброе сердце.

Дама , которую позвалъ шанцовать Князь Фольгинъ , обратила на себя особенное вниманіе Софьи. Евпраксія Іоновна Фрындина (такъ называлась эта дама) одѣта была , какъ молоденькая дѣвушка лѣтъ 18-ти, хотя лицо и вся фигура возвѣщали , что ей уже давно за сорокъ. Густые брови закрывали почти половину лица ея , однакожь не могли скрыть всѣхъ морщинъ на лицѣ. Обнаженная , красноватая грудь ея украшалась жемчугомъ. На ней былъ какой-то сшранный токъ , съ перьями , и припомъ розовое коропкое плашье , и голубые башмаки. Все это было такъ неприлично лѣтамъ ея , что надъ нею всѣ смѣялись. Къ довершенію странности , бывъ шолста и неуклюжа , она охотно пу-

скалась во всякіе танцы, прыгала, ко-
веркалась и задыхалась. Невозможно бы-
ло безъ смѣха смотрѣть на Фрындину.

Между тѣмъ, Чадскій не опходилъ
ни на минушу отъ Софьи, былъ вни-
машеленъ къ ней, и, къ общему всѣхъ
удивленію, ловкій, развязный съ жен-
щинами Чадскій сдѣлался скромнѣе,
задумчивѣе, молчаливѣе. Одна Софья ни-
чего не видала; другимъ все было
очень замѣтно, и все дошло наконецъ
до свѣдѣнія Графини Хлестовой, копо-
рая, по ненависти къ Софѣ, имѣя при-
томъ виды на Чадскаго, для дочери,
открыла бабшарей свои прошивъ Софьи.
Но, о козняхъ и интригахъ Графини
мы сообщимъ въ послѣдствіи.

Жизнь и подвиги Графини Хлестовой
были извѣстны Свѣжской. Она давно
прервала всякія сношенія съ нею; одна-
кожъ теперь, по близкому родству ея съ
Елисаветою, Свѣжская думала, что
Софья обязана была, изъ вѣжливости,
сдѣлать Графинѣ визитъ. Свѣжская при-

нудила даже сама себя, и поѣхала съ Софьею. Графиня Хлеспова приняла ихъ съ большою вѣжливостію, и на другой-же день, съ дочерью, пріѣхала ошдашь визитъ Свіяжской. Но Свіяжская велѣла сказать, что ея нѣтъ дома. Встрѣпившись на балѣ у Князя Фольгина, Свіяжская и Графиня расцѣловались, но были холодны между собою; за то сама Графиня Хлеспова, и дочь ея, были чрезвычайно ласковы съ *милою, новою своею роднею*. Молодая Графиня вступила было въ опкровенный разговоръ съ Софьею, хотѣла едѣлашь ее повѣренною любви своей и инпригк съ Угаровымъ, что все, не смопря на раскаяніе и кляшвы, данныя въ Никольскомъ, до сего времени продолжалось. Но Софья искусно опклонила эшопъ разговоръ, и очень рада была, что къ нимъ подошелъ въ это время Князь Фольгинъ.

«Какъ вамъ нравишся дама, съ копорою я танцовалъ?» сказалъ онъ, опносясь къ Софѣ.

— Вы сами можете разрѣшитьъ вашъ вопросъ — отвѣчала, съ улыбкою, Софья. — Скажице: сколько ей лѣтъ?

« Сколько ей лѣтъ? » продолжалъ Князь Фольгинъ, смѣясь. « Я думаю, что она двумя, или тремя годами моложе Прасковьи Васильевны. Но, посмотрите на обѣихъ: можно-ли сдѣлать какое нибудь сравненіе между ними? Я сердитъ на вашу пепушку, за ея безпрещанная нравоученія; но не лзя не опдашь ей справедливости. Какая противоположность между почтеннымъ ея видомъ, приличною одеждою, обращеніемъ — и спраннымъ нарядомъ Фрындиной, смѣшными ея ужимками, и желаніемъ казаться молоденькою! Прасковья Васильевна, оставшись въ дѣвушкахъ, довольна своимъ состояніемъ, а Фрындина ясно показываетъ, что пытопшнся названіемъ *старой дѣвки*, и очень-бы гопова была исключитъ себя изъ этого званія, ежели-бы нашелся соспра-

дапельный человекъ , которъй рѣшился-
бы женился на ней ! »

— Я никакъ не думала , что вы та-
кой злой насмѣшникъ !

« Эшо не насмѣшка , а точная правда.
Вы сами согласитесь , что ничего не
можетъ быть смѣшнѣе дѣвушки , или
женщины , которая хочетъ молодиться
и , съ такою фигурою , какъ Фрындина,
пускается въ танцы. И какъ-бы ка-
жется не понять , что я на смѣхъ , за-
шѣмъ , чтобы позабавить госпей моихъ ,
просилъ ее танцовать со мною ! »

— Я не знаю , что сказала вамъ пе-
тушка на ухо , но вѣрно не совѣтова-
ла она вамъ звать эшу Фрындину тан-
цовать , то есть , выводилъ ее на сцену
и дурачить.

« Сей часъ сказали вы мнѣ , что я
злой насмѣшникъ , но , кажется , вамъ
должно опдать все преимущество ! »
отвѣчалъ Князь Фольгинъ , засмѣявшись ,
чтобы скрыть свое замѣшательство.

— Что за шепшанье ? — сказала Фрын-

дина, подошедши къ нимъ, и ударивъ легонько вѣеромъ Князя Фольгина по плечу.—Я никому не позволяю говорить съ моимъ кавалеромъ. Послушайте, Князь: мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ; пойдите сюда! — Софья улыбнулась, и оставила ихъ. Князь Фольгинъ искусно повернулся, и вмѣшался въ число прочихъ госпеш.

Софья подошла къ Свѣжской, которая окончила свою паршю въ виспъ, и собиралась ѣхать домой. Въ это время Графиня Хлестова оставила каршы, и видя, что Свѣжская собирается, явилась съ приглашеніемъ къ себѣ, въ последнее Воскресенье на Масляницѣ, на шакъ называемый — *танцевальный завтракъ*, и кашанье. Свѣжская холодно поблагодарила ее, и общалась, ежели здоровье позволишь, бышь.

Чадскій опыскалъ людей Свѣжской, принесъ шубы, и, проводивъ до карешы, самъ потчасъ уѣхалъ, не смотря на убѣжденія хозяина оставаться ужинашь.

ГЛАВА XIV.

„ Die Zeit ermangelt selten , einem
„ jeden Gerechtigkeit wiederfahren zu
„ lassen. „

WIELAND.

„ Время рѣдко не опдасъ каждо-
„ му должной справедливости. „

Виландъ.

Бъ карешъ Свіяжская сказала Софѣ,
что она никакъ не можетъ принудить
себя ѣхать къ Графинѣ Хлестовой.
« Кромѣ того , что капанье по городу
совсѣмъ неприлично лѣпамъ моимъ , »

прибавила она — « ошккровенно признаюсь: я не могу равнодушно видѣть эшой женщины ! Покойный мужъ ея былъ мнѣ родня. Поведеніемъ своимъ , злостью , несправедливостью къ дѣшамъ , она сдѣлалась причиною преждевременной его смерти. При взглядѣ на нее , возобновляющаяся въ намяти моей всѣ ея поспупки , и всѣ спраданія несчастнаго ея мужа. Самой Хлесповой , я увѣрена , тяжело быль со мною. Ей извѣстно , что я знаю все. Покойный ея мужъ уважалъ меня , и часпо приѣзжалъ совѣщаваться со мною , и искалъ ушѣшенія въ горестяхъ своихъ. Но для себя это дѣло поспороннее. Я попрошу Княгиню Фольгину , чпобы она взяла себя съ собою. »

Софья была-бы рада не ѣхать къ Графинѣ , пошому , что Графиня , въ особенностии-же дочь ея , совсѣмъ ей не нравились. Софья боялась пришомъ , чпобы какъ нибудь не запушали ее въ глупую и безразсудную инпригу съ Угаровымъ.

Въ продолженіе Масляницы была Софья, съ Свіяжскою, еще на нѣсколькихъ балахъ, и въ Благородномъ Собраніи. Чадскій ѣздилъ всюду, гдѣ являлась она. Любовь его часъ опъ часу усиливалась; онъ гошовъ былъ признашся Софѣ, и предложишь свою руку. Но испинно влюбленные бывають какъ-то скромны и застѣнчивы; припомъ-же онъ не видѣлъ взаимности въ Софѣ: она не оказывала ему никакого предпочтенія противъ другихъ, и обходилась съ нимъ шакъ-же, какъ съ прочими. Чадскій медлилъ признаніемъ, надѣясь, что вниманіе его и постоянная любовь, со временемъ, преклоняшь къ нему сердце Софьи.

Ушверждають, будпо женщины, и въ особенності дѣвушки, одарены большою проницательностію, и что онѣ очень скоро умѣють замѣпишь мужчинъ, которыми онѣ нравящся. Можешъ бышь, эшою проницательностію одарены пѣ, кошорыя помышляють о замужствѣ; но Софья, живши съ Свіяжскою, отдавала

все преимущество независимому ея состоянию; припомъ-же, все, что до сихъ поръ видѣла она въ супружеской жизни, не слишкомъ было для нея привлекательно. Она замѣчала, что Чадскому пріятно быть съ нею, но по неопытности своей, или болѣе по тому, что судокъ ея имѣлъ всегда власть надъ воображеніемъ, и что она не позволяла себѣ предаваться мечтательности, никакъ не примѣтила она, что Чадскій спрасно влюбленъ въ нее. Свѣжская все видѣла; ей хотѣлось даже, чтобы эща партія устроилась. Чадскій былъ не дурень собою, богатъ, имѣлъ прекрасную репутацію; но она не знала его корешко, и характеръ и склонности его были ей неизвѣстны. Это останавливало ее способствовать къ заключенію супружества его съ Софьею. Она рѣшительно расположилась — не вмѣшиваться въ это дѣло, и все предоспа-вись времени.

Въ Воскресенье, утромъ, написала

Софья къ Графинѣ Хлещовой вѣжливую записку, что шешушка нездорова, и пошому просишъ извиненія, что онѣ не могушъ воспользовашься благосклоннымъ ея приглашеніемъ. Графиня Хлещова предвидѣла сей опказъ, и ей даже, по планамъ ея, было-бы досадно, если-бы Свѣжская и Софья пріѣхали. Чадскій, въ надеждѣ найдши Софью, явился прежде всѣхъ; онѣ былъ разсѣянъ, и безпрестанно сморѣлъ на дверь, въ копорую входили госпи. Хлещова наблюдала за нимъ, но показывала видъ, что ничего не замѣчаетъ. Между тѣмъ, всѣ приглашенныя ею собрались; она говорила, что поджидаетъ Свѣжскую и Софью, и удивлялась, что онѣ не ѣдушъ; наконецъ, въ 3-часа велѣла подаватъ кушанъ, сказавъ нарочно громко, чтобы Чадскій слышалъ, что онѣ виднѣ зашпраканъ не будушъ, а пріѣдушъ вечеромъ.

Послѣ зашпрака, поѣхали всѣ кашатъ-ся, съ тѣмъ, чтобы возвращишъся опятъ къ Графинѣ Хлещовой, пишъ чай и тан-

цовашь. Вечеромъ смущеніе и неперпѣ-
ливость Чадскаго были очевидны. Доб-
рая и внимательная хозяйка, примѣчая
за нимъ издалека, подошла къ нему,
шутками и не шутя умѣла обратити
разговоръ на Свѣжскую и Софью, жало-
валась на невѣжливостъ ихъ, говоря, что
если-бы имъ нельзя было прѣхашь, то,
изъ учтивости, должно-бъ было при-
слашъ извинишья. — «Но Свѣжская,
эша мнимая смиренница, эша лицемѣрка
и ханжа, многое себѣ позволяетъ,» про-
должала она. «Я до сихъ поръ под-
держиваю связь съ нею, по родству ея
съ покойнымъ моимъ мужемъ, а призна-
юсь — она часно бываетъ неслосна.»
Потомъ, продолжая далѣе разговоръ,
и, какъ будто невольно, предавшись
чувству состраданія, вдругъ поразила
она Чадскаго слѣдующими словами: «По-
слушайте, Александръ Андреевичъ,
пойдемте въ спорону; я давно хо-
тѣла ошкровенно поговорить съ вами.»
При сихъ словахъ опвела она Чадскаго

въ диванную, гдѣ никого не было. « Вы влюблены въ Софью Холмскую: это уже не секретъ; не я одна, а всѣ примѣчаяшъ спросить вашу. » Такъ начала Графиня, и пошомъ продолжала: « Мнѣ не должно-бъ было говорить, пошому, что родная сестра Холмской теперь, къ несчастію, мнѣ такая близкая родня; но я вижу, что вы приближаетесь къ явной гибели. Предосперегаю васъ: Холмская, не смотря на смиренную свою наружность, самая хитрая кокетка; она очень искусно увлекаетъ васъ въ свои сѣти. Узнайте, что не вы первый, и, вѣроятно, не вы послѣдній будете ея жертвою. Я сама была свидѣтельницею подвиговъ ея, въ деревнѣ у брата моего, Князя Бориса Машвѣевича Рамирскаго. У ней открылась тамъ интрига, съ какимъ-то мальчишкою, гусарскимъ офицеромъ, Угаровымъ. Онъ и она были нескромны, или, можете быть, точно она влюбилась въ этого негодяя; братъ мой все узналъ, выгналъ Угарова изъ

дома, хотѣлъ было тоже сдѣлать и съ Софьею. Насилу могла я уговорить его: скрыть непріятное это дѣло въ тайнѣ, доказавъ ему, что онъ самъ принадлежитъ къ семейству Холмскихъ, и что разглашеніе можетъ повредить *репутаціи* жены его. Кое-какъ успокоила я брата; но онъ рѣшительно не хотѣлъ, чтобы Софья оставалась долѣе у него въ домѣ. Написали къ этой снисходительной и доброй Свѣяжской, которая въ молодости своей сама была такого-же поведенія. Она пріѣхала за Софьею и взяла ее сюда. Я хотѣла, чтобы Соничка моя (Графиня указала на дочь свою, которая въ это время, въ гостиной, сидѣла за фортепіано, и пѣла фальшивымъ голосомъ какую-то Италіанскую арію) ничего объ этомъ не знала; но, по нескромности моего брата, который не могъ преодолѣть своего бѣшенства, все ей открылось. Она такъ воспитана, и пріучена съ молодости, что поступокъ Холмской поразилъ ее; насилу могла я

уговоришь, чтобы она сохраняла, по крайней мѣрѣ, приличія наружныя.»

Можно предсавить себѣ, что Чадскій неравнодушно слушалъ эіотъ продолжительный разсказъ. Онъ, то блѣднѣлъ, то краснѣлъ, перерывая Графиню нѣсколько разъ; наконецъ вышелъ изъ терпѣнія, вскочилъ въ бѣшенствѣ со стула, не помня самъ себя, схватилъ крѣпко Хлеспову за руку, и громкимъ голосомъ сказалъ ей: «Все, что вы ни говорите, есть ни съ чѣмъ не сообразная и невѣроятная клевета!»

— Не кричите такъ громко, и успокойтесь! — ошвѣчала Графиня. — Къ счастью, что теперь танцуютъ, и никто не слышалъ вашихъ восклицаній. Садитесь, и выслушайте меня. — Что вы скажете, ежели я представлю вамъ ясныя доказательства того, что говорила?

«Я назову васъ моею благодарницею, и буду весь вѣкъ вамъ благодаренъ!»

— Сей часъ принесу вамъ записку отъ Угарова къ Софѣ. Братецъ мой, такой-же бѣшенный, какъ вы, перехватилъ эту записку, прибѣжалъ прямо ко мнѣ въ комнату, и, не разсуждая, что у меня была въ то время дочь моя, Соничка, и при томъ еще горничная моя дѣвка, кошорымъ не было нужды знать объ интригѣ Холмской съ Угаровымъ, въ запальчивости разсказалъ все при нихъ, и по томъ забылъ взять отъ меня записку.

«Покажите мнѣ эту записку!» — вскричалъ Чадскій.

— Подождите здѣсь, успокойтесь, и не дѣлайте гласности. Я сказала вамъ изъ доброжелательства, чтобы предостеречь васъ, но не впускайте меня въ это дѣло.

«Покажите мнѣ записку!» повторилъ Чадскій, задыхаясь отъ бѣшенства.

Графиня Хлещова пошла въ свою комнату, а Чадскій большими шагами ходилъ по диванной. Къ счастью, въ залѣ

шанцовали, а въ гостиной сшарики и спарушки шакъ были заняты виспомъ и мушкою, что не замѣшили продолжительнаго ошесушсшвія хозяйки. Черезъ нѣсколько минутъ принесла она записку.

«Вопъ, прочшите сами,» сказала Хлеспова, «и попомъ шопчасъ раздеремъ. Удивляюсь, какъ до сихъ поръ сохранила я эту глупость, но теперь я очень рада. Записка докажетъ вамъ, что я не клеветница, а точно опъ души желала вамъ добра.»

Въ это время позвали Хлеспову въ гостиную. Сшарая шешушка ея, Бригадирша Авдошья Алексѣевна Хруспилина, кончила мушку, и собиралась домой, попому что, говорила она, скоро наступитъ посшъ, и она, по сшарой привычкѣ, всегда заговлается и прощается со всѣми людьми своими.

Между шѣмъ, Чадскій прочишалъ слѣдующія спроки, написанныя половину по Руски, половину по Французски, самымъ дурнымъ почеркомъ, и безъ всяка-

го соблюденія правописанія. Мы помѣщаемъ здѣсь сію записку въ настоящемъ ея видѣ, безъ поправокъ:

« Mon Ange, mon *adorable* *Sofie*,
 « Ангелъ мой Соничка! Не сердись мой
 « друкъ, что вчерась по обещанію моему,
 « не могъ я *пріехать*. Глупой сшариши-
 « ка Ескадронной Командиръ послалъ
 « мѣня съ бракованными лошадьми въ
 « полковую кварширу. Я спорилъ съ нимъ,
 « нагаварилъ ему *грубости*, онъ *хатѣлъ*
 « мѣня арешованъ и предспавинъ репор-
 « томъ къ полковому командиру, но је
 « lui ai *daitandai pardon* (*) и онъ про-
 « сшилъ мѣня. Однакожъ мне должно бы-
 « ло здѣлать *voyage* въ полковую квар-
 « ширу. Я на дороге пошерялъ описъ
 « лошадямъ, а полковому Командиру
 « сказалъ, что мне се не давали, онъ
 « велелъ здать лошадей въ Лейль-Эска-
 « дронъ, послалъ *нарошнава* за описью,
 « а мне приказалъ *ехать* обратно въ мой

(*) Я у него просилъ прощенія.

«взводъ. Сегодня въ 5-ть часовъ непре-
 «менно буду въ Никольскомъ. Je vous
 «attandré (*) въ большой алѣи, чпо къ
 «полю. Приходи мой дружочикъ паска-
 «рей, не заспавъ мѣня аднаво долго му-
 «зитца, а при помѣ верно завтра он те
 «metra auzarré (**) на несколько днѣй,
 «это мнѣ не въ первый и не послѣдній
 «расъ, дасадна только будѣтъ по, que
 «je serais privé de plesir de vous
 «voir (***). Но што будѣтъ, по будѣтъ,
 «лишъ-бы только шебя видѣшь. Adieu
 «mon ange!

Votre devoué

Иванъ Угаровъ.

Записка сія поразила Чадскаго. На си-
 лу могъ онъ устояшь на ногахъ. Въ бѣ-
 шенствѣ своемъ, не посмопрѣлъ онъ,
 чпо другая половина листа, гдѣ былъ
 адресъ, оторвана, слѣдовашельно, ни-

(*) Я васъ буду ожидать.

(**) Меня посадятъ подъ арестъ.

(***) Чпо я лишусь удовольствія васъ ви-
 дѣшь.

что не доказывало, чтобы записка была писана къ Софѣ Холмской. Не помня самъ себя, положилъ онъ записку въ карманъ, забылъ свою саблю, схватилъ первую попавшуюся ему офицерскую шляпу, и, ничего не видя, почти пробѣжалъ черезъ залу, толкая вспрѣптившихся ему, передъ которыми не успѣвалъ даже извиняться. Какъ сумасшедшій выскочилъ онъ въ переднюю; слуга едва могъ подать ему шинель, и только что хотѣлъ бѣжать за карепою, какъ онъ сполкнулъ его съ лѣспницы и разбранилъ за неповоротивность. Потомъ, не имѣя болѣе перпнія дожиданья, пошелъ пѣшкомъ, самъ не зная куда. Къ счастью, слуга, съ карепою, скоро догналъ его, и Чадскій велѣлъ ѣхать прямо къ Свѣяжской, безпрестанно кричалъ на кучера, и во весь опоръ прискакалъ къ крыльцу ея дома. Но былъ уже 12-й часъ; всѣ спали; свѣчки были погашены, и домъ кругомъ запертъ. Свѣяжская и Софья расположились говѣть на первой недѣлѣ поста, и

ѣздишь къ заупрени въ церковь, а по-
тому ранѣе онужинали и легли спать.
Чадскій только у крыльца Свіяжской
опомнился, что вовсе было безразсудно
безпокоишь такимъ позднимъ посѣщені-
емъ почтенную женщину. Припомъ-же,
что могъ онъ сказать Софѣ? Упрекаешь
ее въ измѣнѣ, или вѣроломствѣ? — Но
онъ не имѣлъ никакого права. Въ любви
своей онъ никогда не обѣяснялся съ нею,
и никакой взаимности онъ нея не ви-
далъ. Словомъ: только въ это время
одумался Чадскій, и велѣлъ ѣхать до-
мой, съ намѣреніемъ — на другой-же день
обѣяснившись съ Свіяжскою, показать ей
записку Угарова, и предостеречь ее на
счетъ Софьи. Рано утромъ, онъ явился
къ Свіяжской, но она, вмѣстѣ съ Софьею,
уже уѣхала въ церковь, къ часамъ. Че-
резъ нѣсколько времени опять пріѣзжалъ
Чадскій; ему объявили, что хозяйка го-
вѣшитъ, и всю недѣлю никого принимая
не будетъ.

Чадскій, мучимый спраспью своею къ

Софѣ , хотѣлъ преодолѣть себя , но тщетны были всѣ его усилія . Чувство ревности и досады терзало его сердце . Онъ думалъ послать записку Софѣ , при письмѣ , къ Свѣяжской , но находилъ , что это слишкомъ низко . Наконецъ , Чадскій рѣшился забыть и пренебречь Софью , а для достиженія намѣренія своего уѣхалъ поспѣшъ изъ Москвы , въ надеждѣ , что время и отсутствіе изгладятъ изъ сердца его всѣ воспоминанія .

Однакожъ , Хлестова должна была опасаться , что сплетни и клевета ея обнаружатся , по тому , что она не успѣла взять обратно записку у Чадскаго . Послѣ его внезапнаго отъѣзда съ бала , хотѣла было она воспользоваться общимъ мнѣніемъ , распространивъ слухъ , что Чадскій помѣшался въ умѣ . Никому не была извѣстна настоящая причина его поспѣшности , и никто не понималъ , отъ чего онъ запоропился , такъ , что забылъ саблю , сполкнулъ съ крыльца своего служителя , и , не дождавшись каре-

шы, ушелъ пѣшкомъ. Все это, конечно, можно-бъ было приписать сумасшествію. Графиня Хлешова хотѣла сначала поддерживать этошъ слухъ; но, разсудивъ, что Чадскій можетъ попасъ въ женихи дочери ея, одумалась, увѣряла всѣхъ, что онъ получилъ какую-шо, видно очень непріятную, записку, и пошчасъ по прочшеніи поспѣшилъ уѣхать. Какъ и ошъ кого была записка — это подспрекало любопытство многихъ кумушекъ, и долго служило поводомъ къ разнообразнымъ догадкамъ и предположеніямъ. Графиня Хлешова говорила нѣкошорымъ изъ госпей своихъ, *по секрету*, зная, что они пошчасъ все разболшаюшъ, будшо ей показалось, что записка была ошъ Свіяжской. «Эта спарая инприганшка и ханжа» — прибавляла Хлешова — «спараешся, какъ видно, выдашъ за Чадскаго племянницу свою, Холмскую. Она вѣрно выдумала что нибудь, желая увлечь его съ бала.» Но многіе, кошорымъ сама Графиня Хлешова была очень извѣсна,

говорили , что шущъ есть что нибудь болѣе сокровенное , собственнаго изобрѣшенія этой доброй женщины.

На другой день , Хлестова послала узнать о здоровьѣ Чадскаго, и просить къ себѣ. Его не застали дома. Тщепно ожидала его она еще нѣсколько дней ; наконецъ послала къ нему однажды, рано утромъ, съ запискою , что имѣешь необходимость съ нимъ видѣться. Ей объявили , что Чадскій давно уже уѣхалъ изъ Москвы. Слѣдовательно: клевета ея оспалась безполезною. Она хопѣла повредить невинной Софѣ, но ша даже и не знала , что Хлестова шрудилась сполько, желая разспроить ее съ Чадскимъ , къ копорому между шѣмъ Софья была очень равнодушна. Чадскаго думала Графиня увлечь въ свои сѣти , ожидая, что онъ, изъ благодарности за предостереженіе его , будетъ часто ѣздить къ ней , и она воспользуется эшимъ , чтобы выдать свою Соничку. Но Чадскій не только не благодарилъ ее, но да-

же не проспившись уѣхалъ изъ Москвы. Припомъ-же Графиня должна была опасаться, что оставшаяся въ рукахъ Чадыскаго записка Угарова, писанная, какъ всякій догадаешься можешь, не къ Софѣ Холмской, а къ *Графинѣ Софѣ Хлестовой*, послужить въ послѣдствіи времени къ изобличенію клеветы, и опроверженію интриги дочери ея съ Угаровымъ. . . .

Большую частію, такимъ успѣхомъ увѣнчивающія всѣ сплетни и клеветы. Истина, рано или поздно, опровергается, къ посрамленію клеветника. Но еще долго, и очень долго будутъ нравоучители доказывать безъ всякой пользы, что прямая дорога добродѣтели, чести и справедливости гораздо скорѣе приводитъ насъ къ нашей цѣли!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Semejstvo Cholmskich Něktoryja čerty nraovov i obraza žizni, semejnoi i
odinokoj, russ. dvorjan

Bd.: 1. (1832). - XXXIV, 258 S.

Moskva 1832

P.o.russ. 81 h-1/2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610136-6